

Москва
2025

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ:

Е. Ю. ТРЕТЬЯКОВА

РУССКИЙ ПУТЬ

Поэзия есть свет, а мы пестры...
В день Пушкина я вижу ясно землю,
В ночь Лермонтова – звёздные миры.
Как жизнь одну, три времени приемлю.
Я знаю, где-то в сумерках святых
Горит моё разбитое оконце,
Где просияет мой последний стих,
И вместо точки я поставлю солнце.

1998

Министерство культуры Российской Федерации

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
(Институт Наследия)

Е. Ю. ТРЕТЬЯКОВА

**ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ:
РУССКИЙ ПУТЬ**

Москва 2025

УДК 821.161.1+908:82(470+571)
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8 Кузнецов Ю. П. + 71.07
Т66

Рецензенты
Сокурова О. Б.,
доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургского государственного университета
Николаева С. Ю.,
доктор филологических наук, профессор
Тверского государственного университета

Третьякова Е. Ю.

Т66 Юрий Кузнецов: Русский путь : монография /
Е. Ю. Третьякова; Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва. – Москва : Институт Наследия, 2025. – 352 с. – DOI 10.34685/НИ.2025.69.16.008. – ISBN 978-5-86443-524-3.

Подходя к творческому методу Ю. П. Кузнецова в свете целостного понимания корней, природы, перспектив развития российской цивилизации, автор монографии показывает роль персонального мифа поэта в современном развитии мифа отечественной культуры.

Адресовано участникам активных просвещенных преобразований, знатокам и любителям российской поэзии, всем неравнодушным к настоящему и будущему родного языка и культуры.

УДК 821.161.1+908:82(470+571)
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8 Кузнецов Ю. П. + 71.07

Монография подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва» по теме «Практики культурной жизни полиэтничных регионов России и проблемы формирования общегражданской идентичности», номер государственной регистрации: 124012800530–4.

ISBN 978-5-86443-524-3

© Третьякова Елена Юрьевна, 2025
© Южный филиал Института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, 2025
© Тараненко Александра Геннадьевна (оформление), 2025

Илъе, Ане, Саше, Насте и их детям.

А КОГДА НЕБО В СВИТОК СВЕРНЕТСЯ...

Ангел, свивающий небо в свиток.
Фреска XII в.
Кирилловская церковь. Киев.

С тобою древле, о Всесильный,
Могучий состязаться мнил,
Безумной гордостью обильный;
Но ты, господь, его смирил.
Ты рек: я миру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На всё подъята длань моя.
Я также, рек он, жизнь дарую,
И также смертью наказую:
С тобою, боже, равен я.
Но смолкла похвальба порока
От слова гнева твоего:
Подъемлю солнце я с востока;
С заката подыми его!

А. С. Пушкин
«Подражания Корану», 1824.

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Россию называют страной поэтов.

Суть русского пути predetermined православием. Более тысячелетия назад дав основу собиранию русских земель, эта вера формировала российскую цивилизацию как путь, не посягающий на непреложные законы Бытия. Религиозную традицию Пушкин считал опорой народной жизни, «вечным источником поэзии у всех народов»¹. Европейским литературам, отмечал он, не хватило сил

---

¹ Пушкин А. С. О ничтожестве литературы русской // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 6. С. 412. Здесь и далее тексты публицистики и писем поэта приводятся по этому изданию. Образец ссылки: [Пушкин, т. 6, с. 407–414].

Набросок Пушкина «О ничтожестве литературы русской» (1834) связан с более ранними, предшествовавшими ему набросками «О французской словесности» (1822), «О поэзии классической и романтической» (1825).

удержать уровень ренессансных достижений; просвещение средневековой Европы спасено Россией, а вовсе «не Польшею, как еще недавно утверждали европейские журналы; но Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна» [Пушкин, т. 6, с. 408]. В наброске 1834 г. читаем о России:

Приняв свет христианства от Византии, она не участвовала ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности римско-кафолического мира <...> России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие <...> варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией [Пушкин, т. 6, с. 408].

Православное понимание просвещенности передает пословица «Не мы сами, а Господь нами». Суть русского отношения к миру явлена в поэзии Пушкина («Клеветникам России», 1831; «Памятник», 1836), Лермонтова («Нет, я не Байрон, я другой», 1832; «Родина», 1841), Тютчева («Ужасный сон отяготел над нами», 1863; «Умом Россию не понять» 1866; «Два единства», 1870).

Юрий Кузнецов в ответе на анкету о литературном процессе 1970-х гг. решительно не согласился с мнением, что поэзия может отставать от прозы:

Поэзия у нас никогда не отставала от прозы, а всегда шла впереди. Ей это так положено. Сначала было написано: “Бородино”, а потом “Война и мир”. Сначала Рубцов воскликнул: “Россия, Русь! Храни себя, храни!”, а потом В. Белов написал свои “Кануны”. Если бы было наоборот, то грош цена была бы нашей поэзии. Впрочем, я привык смотреть на литературу как на единое целое и не отделять поэзию от прозы <...> И никогда поэзия не отставала от жизни. Поэтические ценности – вечные ценности. Как они могут отставать от какого-нибудь отрезка в текущем времени?²

---

² Кузнецов Ю. П. О поэзии семидесятых [Ответы на вопросы анкеты] // Кузнецов Ю. П. Тропы вечных тем: Проза поэта. М., 2015, с. 67. Прозу и литературно-

О вневременном значении поэзии для жизни сказал патриарх русской сцены Александр Николаевич Островский при открытии памятника Пушкину в Москве летом 1880 г.:

Сокровища, дарованные нам Пушкиным, действительно велики и неоцененны. Первая заслуга великого поэта в том, что через него умнеет все, что может поумнеть <...> кроме форм для выражения мыслей и чувств, поэт дает и самые формулы мыслей и чувств. Богатые результаты совершеннейшей умственной лаборатории делаются общим достоянием. Высшая творческая натура влечет и подравнивает к себе всех. Поэт ведет за собой публику <...> в какой-то рай, в тонкой и благоуханной атмосфере которого возвышается душа, улучшаются помыслы, утончаются чувства³.

Слова эти – напутствие и наставление на путь, позволяющий устранить в XXI столетии ошибки омассовления – вернуться к устойчивому наследованию качественных составляющих культурной традиции. То есть не перекраивать самоидентификацию поколений по западным лекалам, а правильно сориентировать нынешний этап развития в свете общенационально значимых представлений о золотом и Серебряном веках отечественной культуры Нового времени, руководствуясь мерами христианской онтологии⁴.

критические высказывания поэта приводим по этой книге (образец ссылки: [Тропы, с. 67]), в иных случаях – со ссылкой на источник.

³ Островский А. Н. По случаю открытия памятника Пушкину // Венок на памятник Пушкину. СПб., 1880. С. 39.

⁴ Онтологический аспект (от греч. ὄντος – 'сущее', 'то, что существует' и λόγος – 'учение', 'наука') при оценке представлений об объекте, исследуемом в отрыве от субъекта и его жизнедеятельности, учитывали стоики, неоплатоники. В христианской теологии он позволял не смешивать категории Бытие и существование. Этот аспект служит отграничению идеализма от материализма, объективной реальности от субъекта мышления.

Мне, как вузовскому преподавателю литературы и культурологии, доводилось говорить со студентами о том, что наступлением века железного мы обязаны модернизму, а расцветом – классической поддержке органично развитого достояния культуры народов. Лет шесть назад я начала обобщать материал таких бесед, лекций, уроков в книге «Наследникам Пушкина», над которой работаю до сих пор. В начале 2024 г. поняла, что надо предварить ее книгой о судьбе и творческом подвижничестве Юрия Поликарповича Кузнецова (1941–2003), поскольку на ближайшем к нам отрезке пройденного страной пути он классически обобщил скопление сюжетов, идей, мыслей, роившихся в эпоху модернизма и постмодерна.

Первые главы книги «Юрий Кузнецов: Русский путь» возникли буквально в течение двух недель, о чем я сказала старшей дочери Юрия Поликарповича 11 февраля 2024 г., поздравляя семью с 83-м днем рождения поэта. Еще две части написала до конца мая, финальную главу – в декабре. В первой половине 2025 г. вносила дополнения, необходимые для более целостного ансамбля частей.

Считаю эту книгу полезной еще и потому, что на Кубани поэзию Кузнецова знают мало. А жизнь сама, побуждая исправить ситуацию, открывает новые и новые биографические свидетельства крепкой сыновней связи поэта с его малой Родиной.

В первой главе будет рассказано о найденных два-три года назад нескольких рукописных листках со стихами, которые Кузнецов дарил краснодарским друзьям в 1960-х гг. Находки очень ценны, в них содержится документальное подтверждение тому, что поэт не оторвался от истока своей жизни, а всё прочнее срастался с корнями по мере личностного вызревания.

Глава вторая посвящена вершинному этапу становления художественного мира поэта-богатыря, передавшего русскую веру в светлые энергии Богом созданного Идеала. «Это Китеж всплывает со дна, / Из грядущего светит лучами».

Кузнецов, как он сам говорил, учился мыслить движущимся символом:

Символ <...> не разъединяет, а объединяет, он целен изначально и глубже самой глубокой идеи потому, что исходит не из человеческого разума, а из самой природы, которая, в отличие от разума, бесконечна⁵.

Как мыслитель близкий к древним греческим мудрецам Пифагору, Сократу, Платону, на стезе художественного реализма он стал в первую очередь преемником русских поэтов-классиков. Не только Пушкина и других представителей школы гармонической точности⁶. Правильному соотношению реалий природы и культуры он учился у Державина, гениально сравнившего («Водопад», 1791) уроки судьбы князя Григория Потёмкина⁷ с течением реки Суны, которая в верховьях гремит водопадами, а на равнине становится бескрайним подобием небес:

Полна, велика без разливу,
И без примеса чуждых вод
Поя златые в нивах бреги.

---

⁵ Кузнецов Ю. П. О воле к Пушкину // Альманах «Поэзия-1981». М., 1982. С. 101.

⁶ Гинзбург Л. Я. Школа гармонической точности // Гинзбург Л. Я. О лирике. Л., 1974. С. 19–50.

⁷ Гаврила Романович Державин и сам был баловнем фортуны. Родился в провинциальной дворянской семье, начинал рядовым Преображенского полка (1762). При Екатерине II стал сенатором (1893), в царствование Павла I – действительным тайным советником, при Александре I – министром юстиции (1802–1803). Личностный рост таких государственных людей, как Г. А. Потемкин, Г. Р. Державин, имея масштабные благие последствия, служил достойным жизненным примером для соотечественников.

Великолепный свой ты ход
Вливаешь в светлый сонм Онеги;
Какое зрелище очам!
Ты тут подобна небесам.

Стремясь постигнуть закономерности включения макропроцессов исторического во внеисторичный алгоритм устойчивого бытия национальной культуры (классически воссоединить ее прошлое – настоящее – будущее), Юрий Кузнецов превзошел по масштабу дара работавших рядом с ним представителей писательского цеха. Но щедро делился познанным и обдуманым, дополняя стихи эссеистикой, интервью, лекциями, ответами на вопросы при встречах с читателями.

И слово у него не расходилось с делом: Кузнецов проверял на себе богатырскую школу самовоспитания. Такой пример гражданского и творческого роста бесценен для каждого, кто хочет ясно видеть будущее страны и ощущает ответственность за судьбы планеты.

Третья глава книги будет построена как уроки вдумчивого чтения, развивающего навык эпического восприятия.

Ментальный стержень русского Мифа⁸ и домостроительства культуры – эпическое мировосприятие – воспитывают не конструкты наук и философии

---

⁸ Написание с заглавной буквы используется в тексте, чтобы отделить Миф (пространство метонимического мышления как лоно органичного развития языка и культуры народа) от мифов общественного сознания (конструкты, создаваемые путем метафорического, аллегоричного использования сюжетов мифологии). Аллегии – от греч. ἀλληγορία – ‘иносказание’) – фигуративные образы, которые, подобно терминам в научных трудах, имеют строго заданные, запрограммированные значения (лат. terminus – ‘граница’, ‘предел’, ‘конец’).

(метафорическое мышление, построенное на умозрительных переносах смысла и индивидуалистической переработке сведений). Русскую ментальность формируют гораздо более объемные смыслы, усваиваемые посредством операций метонимических (умение видеть целое через часть и часть через целое). Это и подразумевал Юрий Кузнецов под «движущимся символом», учаь сам и уча нас синкретичному мифомышлению.

В объективе четвертой главы взаимодействие настоящего с будущим.

Насколько деятельно осваивают современники (в частности, земляки-кубанцы) поэтическое наследие Юрия Поликарповича Кузнецова? Почему до сих пор мало известна и не учитывается в воспитательно-патриотической работе героическая военная биография его отца Поликарпа Ефимовича Кузнецова, отдавшего жизнь за Победу?⁹

Полноценное бытие потомков невозможно без опоры на память о доблестных защитниках Родины. Необходимо устранить субъективные препятствия, мешающие сделать достоянием общественности целостную постановку вопроса о художественном и военно-патриотическом наследии славной династии, в которой вырос гениальный поэт, верный сын России Юрий Поликарпович Кузнецов.

Проблематика заключительного раздела четвертой главы («О веке золотом») касается тех свойств русской художественной классики, о которых и сказал драма-

---

⁹ В феврале 2025 г. я узнала, что о начальнике разведки 10-го стрелкового корпуса подполковнике П. Е. Кузнецове есть несколько страниц (с. 220–223) в очерке Петра Ткаченко «Обида героя» (Ткаченко П. И. Славны были наши деды....: запоздалые и современные рассказы. М., 2024. С. 215–225).

тург Островский: через эти свойства умнеет всё, что может поумнеть.

Видя истоком этих свойств не литературу, а живой язык и народный лад, Юрий Поликарпович верил в возрождающую силу гармонии:

Живой самоцветный язык народа всё ещё питает нашу литературу, а не наоборот, как это случилось во Франции, где уже все давно говорят на языке литературы, которая вынуждена питаться собственными соками. А коли так, то значит есть и пути для народного лада <...> задача грядущих поэтов <...> в том, чтобы возродить эту линию [Тропы, с. 69].

Перемены времени и исторических обстоятельств не должны перечеркнуть этот лад, исказить природу Мифа русской национальной культуры, эпически воссоединяющего наиболее значимые для самосознания соотечественников персональные мифы поэтов.

Убедиться в прочности воссоединения мне помогли на жизненном пути цельные личности, настоящие подвижники в служении русской культуре – композитор Георгий Петрович Дмитриев, народный писатель Якутии Николай Алексеевич Лугинов, такие неутомимые радетели на ниве художественного просвещения, как Игорь Михайлович Ждан-Пушкин, музыкант Татьяна Иосифовна Кан.

Глубоко благодарна за родственную духовную связь Батиме Каукеновой и Анне Кузнецовой, Елене Неподобе, Любви Кушнир, Наталье Ламосовой, Вячеславу Лютому, Анне Лексиной, многим и многим единомышленникам, которых сплотили кузнецовские конференции (Москва) и патриотические литературные чтения (Краснодар, Тихорецк, Новокубанск).

Еще одна непосредственная помощница в издании моих книг – художник-полиграфист Александра Тараненко, по девичьей фамилии Кузнецова, росла в семье учителей обычной кубанской школы (станция Новая Владимировка).

Участникам акций «Лаборатории живой речи» (КГУКИ, 2004–2014), начинавшим более 20 лет назад пропаганду творчества Юрия Поликарповича Кузнецова на его родной кубанской земле, желаю вновь сплотиться, чтобы помогать землякам осваивать и действительно нести в жизнь его поэзию как в высшей мере необходимый сегодня созидательный духовный опыт.

МАЛАЯ РОДИНА ПОЭТА

Юрий Кузнецов,
Вадим Неподоба
и Валерий Горский.
Краснодар.

Юрий Кузнецов
и Вадим Неподоба.
Кореновский район
Краснодарского края.

Юрий Кузнецов
и Валерий Горский.
Новороссийск.

Глава I

**МАЛАЯ РОДИНА
ПОЭТА**

Служба

Сжата память в кулак,
Сжаты замыслы, письма, свиданья.
Как намек, как культура, как смерть,
Не доходит любовь – объясните вы мне!
Мы пробиты прыщами.
Как мат,

Откровенны у нас сновиденья.
Ходим в странной одежде,
Какую носили отцы на войне.
Только эти сравнения
Покажутся литературны и глупы,
Когда гаркнет дежурный: – Равняйся! –
И в шеренгах дыханья сомнут.
По ранжиру – один к одному.
И в ямочках круглых,
Подбородки взнесутся.

Как гребень волны,
И над миром замрут.
И ударит эпоха в литавры земных полушарий,
И вздрогнут как нервы, границы,
И пойдут, и пойдут батальоны –
Невесты заплачут навзрыд.
И проснутся отцы на забытых фронтах
И поднимут пустые глазницы.
Млечный Путь

Из-под толстых стандартных подошв запылит...

Более 15 лет «домосковской» творческой биографии Кузнецова еще изучены слабо, в основном по мемуарным заметкам и свидетельствам людей сторонних, которые Юрия Поликарповича далеко не во всем понимали и от которых сам поэт был внутренне закрыт.

Стена глухого отчуждения между Кубанью и поэтом до сих пор ощутима. Степняки-кубанцы и жители Северного Кавказа мало знают о мужественной поэзии, о биографии, о семейных корнях этого человека.

Юрий Кузнецов – сын отца-героя, защищавшего Краснодарский край от фашистской нечисти, командовавшего отрядом разведчиков, который первым форсировал Сиваш, чтобы проложить путь в Крым основному корпусу наших войск. Подполковник Поликарп Ефимович Кузнецов погиб 8 мая 1944 г. при штурме Сапун-горы.

В Тихорецке на месте, где раньше был двор с небольшим домишкой, в стенах которого выросли Юра, его сестра и старший брат, теперь построена музыкально-художественная школа. Дворик и дом этот принадлежали родителям Раисы Васильевны, матери Юрия Поликарповича.

Дед Василий, душой коренной южнорусский крестьянин, «любил выходить по ночам на двор и смотреть в небо. Он долго глядел на звезды, качал головой и задумчиво произносил: “Мудрёно!” В этом слове звучала такая полнота созерцания, что его запомнили не только его дети, но и его внуки. А мне он дал понять, что слово значит больше, чем оно есть, если им можно объяснить беспредельное», – рассказывал поэт¹⁰.

---

¹⁰ Кузнецов Ю. П. «Рожденный в феврале, под Водолеем...» // Кузнецов Ю. П. Стихи. М., 1978. С. 5–8.

Ему не сравнялось и трех лет, когда отец в краткосрочном перерыве между боевыми операциями приехал на трофейном виллисе и перевез семью (Раису Васильевну с детьми) из кубанской станицы Александровской в Тихорецк.

В Александровской оставить не захотел, там, у Георгия (брата Поликарпа Ефимовича), были не рады четверем лишним ртам. Поняв это по письмам, боевой командир решил: будет спокойнее воевать дальше, зная, что Рая с сыновьями и дочкой живет в доме своих родных отца-матери.

Юрий рос мальчишкой необычным, сочинял стихи с девяти лет «просто так». Думать стихами было интересно – с помощью рифм получалось удерживать в сознании то, что не укладывается в слова.

Многие годы спустя, когда готовившие сборник к 20-летию творческой деятельности редакторы предложили ему рассказать читателям о пройденном пути, Кузнецов в написанном по их просьбе автобиографическом очерке назвал «поворотными» три момента. Первый – неразрывная связь с отцом и матерью (все, что происходило с родителями, отразилось и на мне, «моя биография началась <...> до моего рождения»); второй – дедовские уроки созерцания; третий – отклик «о т т у д а» («извет», о котором в юные годы не задумывался, начал философски осмысливать гораздо позже).

Необычное, на первый взгляд, слово *извет* нам пригодится как наиболее близкое к сути того, о чем Юрий Кузнецов размышлял при написании поэмы «Золотая гора» (1974).

А пока наш рассказ пойдет о том, что в Краснодаре и по сию пору всплывают из забвения автографы неизвестных ранее стихотворений. Находки, как вещие знаки, подсказывают: вчитайтесь, прислушайтесь к свидетельствам членов семей и тех, кто по жизни был рядом! Будто бы что-то помогает нам вернуться

к началу 1960-х, понять происходившее тогда, увидеть это изнутри, а не со стороны людей неблизких.

Говоря о недавних краснодарских находках автографов, мы учтем обстоятельства, на которые делал упор сам Юрий Кузнецов в беседах с журналистами.

Он утверждал, что крупные города плодят версификаторов, а настоящих поэтов рождает провинция – те уголки нашей родной земли, где естественным образом сохранилась близость к ключевому говору, к природе. Подчеркивал: определяющим фактором ментальности русского образованного человека является причастность духовной жизни народа, верность лону национальной традиции¹¹.

При воспроизведении текстов дарственных надписей на книгах, а также текстов рукописей, которые сам Юрий Кузнецов подарил в 1991 г. Литературному музею Кубани (они хранятся в фондах Краснодарского государственного исторического музея им. Е. Д. Фелицына – КГИАМЗ), мы для наглядности применим шрифт (курсив *Literata*), приближенный к рукописному. Тем самым зрительно выделим тексты новонайденные, которые только еще вводятся в научный оборот.

В ранних вариантах авторских текстов полужирным прямым шрифтом обозначим фрагменты, которые на данный момент особенно важны для изучения творческой лаборатории произведений, поскольку не зафиксированы в пятитомнике «Стихотворения и поэмы» (2011–2013)¹².

---

¹¹ См. интервью: Кузнецов Ю. П. «Поэт должен родиться только в провинции», 1989 г. (Беседу вел Вячеслав Огрызко); Кузнецов Ю. П. «Стихи не пишутся, случаются», 1986 г. (Беседу вела Татьяна Василевская).

¹² Кузнецов Ю. П. Стихотворения и поэмы: В 5 т. М., 2011–2013. Стихотворные произведения поэта и комментарии к ним цитируем по этому изданию. Образец ссылки: [Т. 1, с. 60].

МАТЕРИАЛЫ Ю. П. КУЗНЕЦОВА НА ВЫСТАВКЕ «РОЖДЕННЫЕ В 41-м» (ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ КУБАНИ)

Вдохновленные мыслью посвятить специальную выставку 80-летию поэта, которым может и должна гордиться его малая Родина, сотрудники Литературного музея Кубани долго обдумывали, как достойно подать комплекс материалов Юрия Поликарповича Кузнецова, хранящийся в фондах Краснодарского государственного исторического музея им. Е. Д. Фелицына.

Кузнецовский фонд КГИАМЗ по количеству экспонатов невелик¹³, но представляет огромную ценность и для литературоведов-исследователей, и для рядовых читателей, любителей отечественной классики.

Автор идеи выставки Наталья Вячеславовна Ламосова решила дополнить кузнецовскую часть экспозиции материалами о творческом пути друзей-одногодков – Вадима Петровича Неподобы (1941–2005) и Валерия Леонидовича Горского (1941–1987) и в качестве более широкого обрамления дать коллективный портрет земляков, рожденных в год, когда полыхнула Великая Отечественная.

Таким образом, выставка «Рожденные в 41-м»¹⁴ достаточно полно охарактеризовала литературный след поколения, вписавшего свою страницу в культурную историю Краснодарского края.

В кузнецовском фонде КГИАМЗ особенно важны

---

¹³ См.: Ламосова Н. В., Третьякова Е. Ю. Материалы Ю. П. Кузнецова в фондах Литературного музея Кубани // Кузнецовские чтения 2021–2022: Сб. материалов. М., 2024. С. 36–43.

¹⁴ Название выставки совпадает с названием юношеского стихотворения Юрия Кузнецова «Рожденным в 1941-м» [Т. 1, с. 436–437]. Оно написано в 1959-м или 1960 г. и внесено в одну из ранних рукописных тетрадей поэта.

рукописи, подаренные краснодарскому литературному музею самим поэтом.

Н. В. Ламосова помнит обстоятельства, при которых дарение состоялось. Приведем ее рассказ о событиях июня 1991 г.:

Жарким июньским днем, когда посетителей в музее не было, в двери стремительно вошли двое мужчин. Вернее, быстро и даже стремительно в своей неизменной манере вошел один, его я хорошо знала – это был преподаватель филологического факультета университета Александр Львович Факторович. Через несколько лет он станет создателем факультета журналистики КубГУ, главным редактором газеты «АиФ–Кубань», секретарем совета по защите диссертаций, доктором наук по специальности «Теория языка. Журналистика». К несчастью, он умер в разгар эпидемии летом 2020 г.

Но вернемся к моменту, когда я впервые увидела его. Высокий мужчина, вошедший в музей вместе с Александром Львовичем, был мне не известен. О масштабе творческого дарования этого человека я узнала позднее, в том числе, и от его близкого друга, замечательного поэта Вадима Петровича Неподобы, от Елены Николаевны, его супруги, которая была заведующей Литературным музеем Кубани с 1998 по 2007 г.

А. Л. Факторович уже тогда прозорливо, в отличие от многих других, понимавший значение Ю. П. Кузнецова для Кубани, да и для всей отечественной литературы, считал важным, чтобы его материалы были в музее, поэтому во время их прогулки по городу завел Юрия Поликарповича в дом атамана Кухаренко – здание, где располагается Литературный музей. Возможно, кто-то из научных сотрудников ранее обращался к поэту-земляку с просьбой передать в музей свои книги и другие материалы. Факторович и Кузнецов были хорошо знакомы, а во время очередного приезда Юрия Поликарповича в Краснодар встретились и решили в жаркий день посидеть на берегу Кубани. В простой сетке у Александра Львовича было все, что нужно для дружеской беседы на природе двух мужчин-интеллектуалов.

Место рядом с музеем было памятно Ю. П. Кузнецову тем, что по соседству расположено здание бывшего пединститута, где в 1960–1961 гг. он учился на историко-филологическом факультете, курсом младше Вадима Неподобы. С ним

подружился на всю жизнь, как и с еще одним одаренным поэтом – выходцем из Тихорецка Валерием Горским. Студенческое общежитие пединститута также находилось неподалеку, в нескольких кварталах от музея.

Юрий Поликарпович, в отличие от Александра Львовича, вошел в музей скромно, даже как будто немного стесняясь. Я плохо помню содержание тогдашней беседы, но самое главное, что Юрий Поликарпович передал в музей пять своих книг («Бис», «Золотая гора», «После вечного боя», «Избранное», «Стихотворения и поэмы»), которые мы попросили подписать. Кроме того, подарил четыре рукописных листка со своими ранними стихами и переданное ему кем-то из земляков письмо на бланке Краснодарского книжного издательства.

Дарственные надписи поэта на книгах из фонда КГИАМЗ лаконичны и однотипны: «Литературному музею на родной Кубани на память», «Литературному музею Кубани сердечно на память», «Литературному музею Кубани на добрую память», «Литературному музею Кубани – на память» и «Литературному музею на родной Кубани – простодушно на память». На всех книгах стоит дата 4 06.91 г. и подпись: Юрий Кузнецов.

Рукописи – четыре листа обычной школьной тетради в клетку, заполненные прилежным ученическим почерком. Под стихотворениями даты не проставлены, произведения отделены друг от друга прочерками.

Остановимся на описании этого автографа – фрагмента ранней рукописной тетради, что само по себе представляет значительный интерес.

Титульный лист самодельной тетрадки стихов с названием «Открытие АМЕРИК» и следующим эпиграфом¹⁵, расположенным в правой верхней части этого листа:

---

¹⁵ Факсимиле эпиграфа воспроизведено на задней обложке сб.: Первые литературные Кузнецовские чтения: Материалы. Краснодар, 2006.

Что о себе я знаю? Разве ветер,
Срывающийся с каменных созвездий,
Миры в росе, мозоли в кулачках
Да несколько привычек и сомнений.
Что снится мне? Поэзия и слава.

Я солнце небывалое увидел
И всем хочу об этом рассказать.

(Перевод с арабского)

предшествует трем листам с записью стихотворений «Пилотка», «Когда задумаюсь о детстве...», «Стол».

Первое – аналог стихотворения из рукописной традиции «В конверте без марки», где дата и место создания проставлены: «26 апреля 1962 г. Чита».

Учась в литинституте, поэт включил данный текст в подборку «Равновесие» (1968). В июльском того же года номере журнала «Юность» (раздел «Стихи молодых»)¹⁶ стихотворение «Пилотка» было напечатано.

Ещё не всюду в мире тишина,
Ещё земля, как в трещинах, в границах.
И мне пилотку выдал старшина;
Она на складе десять лет хранилась.

Я тех, кто был на фронте, не судил
За то, что мы на черном хлебе жили,
Что я ещё под стол пешком ходил,
А для меня уже пилоткушили.
Они ложились у побед костями,

Нас оградив от вражьей темной силы...
Мы сделаем такое, черт возьми,
Чтоб после нас пилотов не носили!

---

¹⁶ О вариантах текста см. в пятитомнике 2011–2013 гг. [Т. 1, с. 127–128].

Время создания стихотворения «Когда задумаюсь о детстве...» – август 1962 г. Лирическую зарисовку мыслей солдата срочной службы Юрий Поликарпович опубликовал лишь единожды (журнал «Современник», 1966, № 2), по этой публикации текст воспроизводится в пятитомнике 2011–2013 гг. [Т. 1, с. 202].

Когда задумаюсь о детстве,
Забуду то, что я солдат,
И станет комом в горле сердце,
Звонки дождями полетят.

И жалко станет прежних песен,
Тех оголтелых ясных дней,
Когда набито поднебесье
Снежками тяжких голубей.

И я увижу: льётся с крыши,
В колючих лужах я продрог.
И вдруг пойму, зубами скрипнув,
Что в детстве детства не берёг.

Вокруг меня миры шумели,
Я пил росины на лугу...
А вот теперь стою в шинели
И будто детство берегу.

В подаренной Литмузею Кубани рукописи есть разночтения с этим текстом: 4-я строка – «Дожди косые полетят»; начало 2-й строфы разбито лесенкой:

И я увижу:
    льётся с крыши,
В колючих лужах я продрог.

Третье из подаренных музею произведений – «Стол» – отсутствует в пятитомнике 2011–2013 гг. (не печаталось ни в одном прижизненном сборнике или иной подборке).

Вот этот рукописный текст.

Стол

Я знал его еще мальчишкой
И знал его всю жизнь потом.
Горел под лампой-рыжиком
Он козырным тузом.

Весь книгами засыпан,
Как листьями земля.
На нём лежали Цыбин,
Есенин и Золя.

Я в комнате с ним вместе
Мечтал по вечерам.
Ему свои сомненья,
Как другу,верял.

А если тяжело было мне,
То голову ронял,
Слезами, как чернилами,
Страницы заливал.

... Я рухну, как под ношей,
С невысохшим пером,
Ребром стола подкошенный
Под сердце, как серпом.

Слева от последней строфы стихотворения стоит крупная пометка-галочка простым карандашом. Может быть, ее поставил руководитель литинститутского семинара, выделявший для специального разбора с автором стихотворения чем-либо понравившиеся или не понравившиеся строки.

Среди других единиц фонда очень интересен подаренный музею документ – официальное письмо от 10 июля 1962 г. на бланке Краснодарского книжного издательства, подписанное редактором Ангелиной Константиновной Аванесовой. Это свидетельство важ-

ного события жизни, с которого начиналась подготовка дебютного сборника начинающего поэта.

Текст документа машинописный, заверенный подписью от руки. С правой стороны адресные данные: г. Тихорецк, ул. Степная, 1-а, кв. 7. Мачневу И. Н.

Далее изложена просьба:

Уважаемый Иван Никифорович! Убедительно прошу Вас помочь разыскать нам адрес и координаты Вашего земляка поэта Юрия Кузнецова. Будем очень благодарны! Редактор издательства Аванесова»
(подпись).

Опытному литературному работнику А. К. Аванесовой в свое время были благодарны за помощь многие кубанские писатели.

Об адресате письма скажем, что журналистам старшего поколения имя Ивана Никифоровича Мачнева было хорошо знакомо. Его публикации с 1959 г. регулярно появлялись в тихорецкой многотиражке «Ленинский путь» и в краевой газете «Советская Кубань», собкором которой он был 31 год. Участник Великой Отечественной, летчик, Мачнев занялся журналистикой после демобилизации в 1947-м. Из брестской областной газеты «Заря» его откомандировали на Кубань в 1948 г. Здесь начал литсотрудником пашковской районной газеты, некоторое время возглавлял отдел сельской молодежи «Комсомольца Кубани». В Союз журналистов СССР И. Н. Мачнева приняли в 1960 г.

Сотрудник Краснодарского книжного издательства Аванесова обращалась к знавшему тихоречан человеку, чтобы он нашел и сообщил ей точный адрес молодого поэта Юрия Кузнецова. И. Н. Мачнев нашел и сообщил адрес забайкальского места службы. Оттуда Кузнецов отправил 31 августа 1962 г. переработанную подборку стихов и сопроводительное письмо к ней:

Уважаемое издательство!

Посылаю заново переработанный сборник своих стихотворений. Прошу извинить, что за неимением машинки в армейских условиях пришлось много стихотворений написать от руки. Имея дело с моими стихотворениями, прошу руководствоваться только такими, которые я включил в эту присланную рукопись. Необходимо также соблюдать сделанную мною последовательность стихотворений.

Свой адрес, для дальнейших сношений, дать пока не могу потому, что меня направляют буквально на днях в годичную командировку, куда-то в тропики.

По прибытию на место адрес свой сообщу немедленно.
С уважением.

Юрий Кузнецов.

31.8.62 г.

Как известно, первое свое напечатанное стихотворение («Тракторист») Кузнецов увидел 26 мая 1957 г. на страницах тихорецкой районной газеты «Ленинский путь»¹⁷. Спустя полтора года начинающего автора стал печатать и «Комсомолец Кубани». Стихотворение «Современник» вышло в этой газете 15 декабря 1959 г. Среди следующих публикаций были «Желание» (7.07.1960, рубрика «Навстречу краевому семинару поэтов и прозаиков»), подборка в номере за 28.07.1960 («Комбайнёр», «Я жил, как все, в любви или в обиде...», «Есть люди открытые, как пустые квартиры», «Морская вода»). Несколько стихотворений опубликовала газета «Советская Кубань» за 19.06.1960 («Последняя ночь», «Горсть земли», «Надо мною клубится пробитое пулями солнце») и раздел

---

¹⁷ «Ленинский путь» в 1957–1960 гг. довольно часто печатал стихи Кузнецова, но именно «дежурные», которые, как позже сказал поэт, «стыдно вспоминать». Из центральных газет первой его опубликовала «Пионерская правда» (напечатанное 6 августа 1957 г. под рубрикой «Первый привал» стихотворение «Пни, костры...» осталось единственным фактом публикации Ю. Кузнецова в главной газете советской пионерии).

«Голоса молодых» в 3-м номере журнала «Кубань» 1960 г. («Цветы», «Школьному товарищу», «Тишина», «В поле»).

Осенью 1960-го Кузнецов стал студентом Краснодарского пединститута.

Следующая осень знаменательна уходом в армию. Он отбывал срочную службу сначала в Забайкалье (до августа 1962 г.).

Сделанная простым карандашом на обратной стороне письма надпись: «Чита 2, в<оинская> часть 40803. Кузнецов Юрий Поликарпович» – разысканный Мачневым тогдашний адрес.

Дальнейшую переписку с издательством прервало отбытие на Кубу, где Кузнецов находился до августа 1964 г.

После демобилизации последовало новое, от 1965 г., решение краевого семинара молодых писателей о постановке дебютного сборника в план издания, и та же Ангелина Аванесова стала редактором выпущенной в Краснодаре книги лирики «Гроза» (1966).

Вернемся к организованной Литературным музеем Кубани в январе 2021 г. выставке «Рожденные в 41-м».

На ней экспонировались и раритеты из частных собраний горожан: давно уже ставший библиографической редкостью экземпляр дебютного сборника, несколько книг с дарственными надписями Кузнецова Вадиму Петровичу Неподобе. На книге «После вечного боя» Юрий Кузнецов написал: «Вадиму Неподобе с дружеским рукопожатием у бездны на краю. Молчи и молись, друг!», на книге «Русский зигзаг»: «Вадиму Неподобе – Юрий Кузнецов с прищуром».

Вадим Неподоба познакомил Юрия Кузнецова в один из его приездов на Кубань с работавшим в Краснодарском отделении Союза писателей СССР Виктором Кирилловичем Чумаченко. Выпускник филфака КубГУ, В. К. Чумаченко вскоре стал аспирантом Литературного института им. А. М. Горького.

При встрече в Москве Юрий Кузнецов подарил ему томик «Стихи» (Сов. Россия, 1978), написав на обороте портрета, открывающего книгу: «Вите Чумаченко на русское раздумье Ю. Кузнецов 31.V.78». Пятью годами позже подарен сборник «Русский узел» с надписью: «Виктору Чумаченко на добрую память от земляка Юрий Кузнецов 19.IX.83»¹⁸.

В центральной части экспозиции книги с автографами друзьям и единомышленникам соседствовали с рукописью «Открытие АМЕРИК» и собственноручно подписанными поэтом сборниками «Бис», «Золотая гора», «После вечного боя», «Избранное», «Стихотворения и поэмы» – подарками, которые Кузнецов сделал при посещении Литературного музея Кубани в 1991 г.

В витринах выставки «Рожденные в 41-м» экспонировались также фотографии из семейных архивов, сборники научных статей, книги о поэте.

Открытая Литературным музеем Кубани зимой 2021 г. выставка вызвала настолько живой интерес, что ее больше года продлевали по просьбам краснодарцев и жителей края.

Бесценным откликом на эту выставку и поистине счастливым продолжением ее стали еще несколько важных находок – рукописей, листков давней переписки, фотокарточек, дарственных надписей на книгах... Черета подарков из прошлого продолжается. На полках домашних библиотек находятся, выплывают на свет из старых папок и фотоальбомов очевидные подтверждения того, что к Юрию Кузнецову земляки относились по-особенному.

---

¹⁸ Экземпляр книги с дарственной надписью, подаренный мне сестрой В. К. Чумаченко Лидией Кирилловной Цыгановой, я передам в фонд КГИАМЗ вместе с другими мемориальными материалами о поэте, которых немало собралось в моем домашнем архиве за время моего проживания на Кубани.

Разговору об этом на основании целого ряда примечательных свидетельств и документальных материалов мы посвятим два следующих раздела первой главы нашей книги.

ЗА СТРОКАМИ ПИСЕМ*

Найденная в конце 2021 г. ксерокопия письма от 20 февраля 1978 г. дает основания дополнить опубликованные более 10 лет назад фрагменты переписки Юрия Поликарповича Кузнецова с Вадимом Петровичем Неподобой¹⁹. Ксерокопию эту Александр Георгиевич Федорченко, заведовавший с 1998-го по 2016 г. отделом прозы и поэзии в журнале «Родная Кубань», передал сотруднику Литературного музея Кубани Наталье Вячеславовне Ламосовой вместе с двумя листками рукописной тетради стихов.

Об этом автографе будет уместно сказать после того как мы прокомментируем биографическую основу подборки писем, которую обнародовал журнал «Родная Кубань» в начале 2011 г., к 70-летию со дня рождения Юрия Поликарповича.

В этой публикации четверем опубликованным письмам 1964–1978 гг. предшествовали 13 стихотворений из разных сборников Юрия Кузнецова за 1966–1980 гг.

Из-за отсутствия необходимых комментариев к подборке для большинства читателей журнала оста-

---

*См. также: Ламосова Н. В., Третьякова Е. Ю. О переписке Юрия Кузнецова с Вадимом Неподобой // Кузнецовские чтения 2021–2022: Сб. материалов. М., 2024. С. 173–192.

¹⁹Кузнецов Ю. Лихорадка судьбы [Подборка стихотворений и писем] // Родная Кубань. 2011. № 1. С. 114–120.

лось не очевидно, что 2011 г. был юбилейным и для двух других краснодарских поэтов, с которыми Кузнецов дружил. Один – Валерий Горский (1941–1987) был младше на полгода (родился 28 ноября). Со вторым – Вадимом Неподобой (1941–2005) они отмечали дни рождения с разницей в две недели: 11-го и 26-го февраля. Эти биографические моменты ушли в тень, как и обстоятельства, в силу которых Юрий и Вадим опекали Валерия.

Между тем, юношеская дружба не только связала трех неразлучных спутников навсегда, но сроднила судьбы многих близких им людей.

И нужно говорить об этом на должном уровне понимания. Сквозь стержень поколения проступает общность русского пути: сестра, брат, мать, отец... – пути, на котором узы творческой и человеческой дружбы по крепости превосходят термины родства.

Валерий не дожил до 46 лет. Зная краткость отпущенных ему сроков, он писал: «Я никогда не стану старым...».

Юрий и Вадим перелистнули календарь другого тысячелетия, но и над ними, их братьями и сестрами сбылось то, о чем Юрий Поликарпович («Отпущение», 1997) пронзительно сказал в год похорон матери, Раисы Васильевны Кузнецовой:

Сестра! Мы стали уставать,
Давно нам снятся сны другие.
И страшно нам не узнавать
Воспоминанья дорогие.

Зачем мы тащимся-бредём
В тысячелетие другое?
Мы там родного не найдём.
Там всё не то, там всё чужое...

Юрия Кузнецова с Вадимом Неподобой роднила причастность их родителей к подвигу города-героя Севастополя. Город попал в осадное положение с 29 октября.

Как уберечь сыновей, если нещадные бомбежки перемалывают улицы в руины? Жена комендора²⁰ башенной батареи Петра Трофимовича Неподобы решилась перебраться с детьми, восьмимесячным Вадимом и двухлетним Вячеславом, на воинский объект, где бойцы вырыли землянку, защищенную бруствером цитадели. Так эпицентр артиллерийской обороны осаждаемого немцами Севастополя, 30-я батарея стала в тяжелейшие месяцы осени и зимы 1941–1942 гг. домом и кровом для семьи с двумя малолетними ребятишками.

О биографии Петра Трофимовича скажем: в 1937 г. его призвали на Черноморский флот, в марте следующего года жена Александра Матвеевна приехала к нему. В мае 1939 г. родился их первенец Вячеслав, в феврале 1941-го второй сынишка – Вадим.

А летом началась война.

В декабре 1941-го, при втором штурме черноморской твердыни, комендор получил ранение, из-за которого после операции в тыловом эвакогоспитале ему вынесли вердикт: к дальнейшему прохождению службы непригоден. Пути с «большой земли» назад в Севастополь ему не было, оставалось проклинать войну-разлучницу и надеяться, что товарищи по оружию защитят его жену и сыновей.

Им пришлось пробыть на батарее под огнем орудий вплоть до марта 1942 г. Чудом выбрались на одном из последних транспортов, отправлявших раненых бойцов осажденного города. От порта Туапсе мать с детишками пешком полтора месяца шла до станицы Абинской, где жили родители ее мужа. Так списанный по ранению артиллерист, его жена и дети вновь оказались вместе.

В 1943 г. родилась дочь Людмила. Через некоторое время после этого семейство переехало на постоянное

---

²⁰ Комендор – заряжающий артиллерийского орудия.

место жительства к тетке (сестре матери Вадима Петровича) в станицу Белореченскую, незадолго до этого освобожденную от фашистской оккупации. В этом доме Петр Трофимович и Александра Матвеевна прожили до старости, подняли на ноги своих шестерых детей (сыновья Вячеслав, Вадим, Виталий, Юрий, дочери Людмила и Любовь), тепло принимали внуков. Белореченский дом любили как центр большого семейного гнезда.

Отец Юрия Кузнецова был кадровым командиром, начальником разведки корпуса. Поликарп Ефимович Кузнецов погиб ровно за год до Победы, 8 мая 1944 г. при взятии Сапун-горы. Спустя годы сын отыскал братскую могилу и восстановил вместе с фамилией отца начертанные теперь на каменном обелиске имена нескольких сотен погибших. Им, братьям по подвигу, он посвятил стихотворение «Четыреста» (1974), достойное назваться поэмой.

Память об обороне Севастополя служила «точкой сборки» характера, обязывала быть в строю и защищать родные святыни. В силу неисповедимых путей земных на карте памяти и карте судьбы Вадим и Юра ощущали себя детьми Севастополя. Вадим Петрович после смерти отца заменил Петра Трофимовича на регулярных встречах ветеранов. Они всегда были первыми слушателями его очерков и стихов о войне (цикл «Севастопольская хроника», «1 декабря 1941 года», «Отец» и др.).

Военная тема как кардинальный вектор определила творческое взросление Юрия Кузнецова («Возвращение», «Отцу», «Отец в сорок четвертом», «Память», «Картинка 1945 года», «Сталинградская хроника» и др.).

Когда в 1943-м при снятии оккупации Ставрополя и Кубани муж переправил Раису Васильевну Кузнецову с тремя детьми из станицы Александровской в Тихорецк, где жили ее родители, она еще не знала, что очень скоро станет вдовой...

Юрий вырос в старенькой мазанке деда и бабушки, окончил десятилетку в 1960 г. К тому времени уже два года знал Валерия Горского (о чем сам рассказал в письме главному редактору газеты «Тихорецкие вести» Евгению Михайловичу Сидорову, когда тот поздравил Юрия Поликарповича с 60-летием и просил уточнить некоторые биографические данные).

Приведем отрывок этого письма 2001 г.

...Литгруппу при газете «Ленинский путь» я посетил два-три раза, не больше: мне там нечего было делать. Ходил ли туда В. Горский, не знаю. С ним я познакомился в 1958 году. Мы подружались.

Таким образом, литературная группа при районной газете запомнилась Юрию мало, из молодых стихотворцев родного города он выделял лишь Валерия Горского, чьи первые стихи начали публиковаться в газете «Ленинский путь»²¹ чуть ранее стихов Кузнецова. Летом 1960 г. эти друзья-тихоречане успешно сдали экзамены на историко-филологический факультет Краснодарского пединститута (КПИ)²², где тогда уже год как учился Вадим Неподоба.

Его литературный дебют (с 1956 г. паренек печатался в районной газете «Белореченская правда») ненадолго опередил первые публикации стихов Кузнецова и Горского.

---

²¹ С августа 1991 г. газета «Ленинский путь» переименована в «Тихорецкие вести». Сложившаяся на ее основе литгруппа (объединение самостоятельных авторов) некоторое время не функционировала, но возобновила деятельность под названием «Родник» с 2000 г. на базе городской библиотеки им. М. Ю. Лермонтова.

Родниковцы ведут работу по разысканию фактов биографии творческих личностей, живших в Тихорецке. Подборки сведений размещают на сайте. Напр.: Горский Валерий Леонидович // ЦБС г. Тихорецка. URL:<http://bibliotih.ru/index.php/kraevedenie/pisateli-kubani/178-gorskij-valerij-leonidovich.html> (дата обращения 27.01. 2024).

²² Это учебное заведение до 1970 г. носило название Краснодарский педагогический институт им. 15-летия ВЛКСМ. В 1970-х КПИ переименовали в Кубанский государственный университет (КубГУ).

Отпрыск дружной многодетной семьи из Белореченска мечтал поступить в Севастопольское военно-морское училище. Сразу после школы это ему не удалось, и он пошел работать на маслозавод в строительную бригаду. А в 1959-м планы резко изменились: участник краевых семинаров молодых литераторов поступил на историко-филологический факультет пединститута в Краснодаре.

Вадим впервые встретил тихоречан Юру Кузнецова и Валеру Горского на семинаре 1958 г.; тогдашнее мимолетное знакомство получило продолжение и переросло в настоящую дружбу уже в институте. Они много времени проводили вместе, Вадим и Юра были соседями по комнате в студенческом общежитии на ул. Орджоникидзе.

Вслед за Вадимом Неподобой в 1961 г. на тот же факультет КПИ поступил его старший брат Вячеслав, вернувшийся из армии. Он подавал большие надежды как писатель, из однокурсников более всего сдружился с Юрием Селезнёвым²³. Примечателен тот факт, что в 1973 г. подать документы в аспирантуру при Литинституте сначала было предложено Вадиму Неподобе. Но он, полагая, что научная стезя гораздо ближе Юре Селезнёву, уступил ему место. А сам через несколько лет поступил на Высшие литературные курсы.

В годы студенчества Вадим Неподоба был старостой факультетского кружка, где увлеченно спорили о литературе, читали и обсуждали стихи.

К энтузиазму молодой творческой поросли благосклонно относилась старшая когорта литераторов-вы-

---

²³ Селезнёв Юрий Иванович (1939–1984) – критик и литературовед, автор замечательной книги о Достоевском. Уроженец Краснодара. Окончив историко-филологический ф-т КПИ в 1966 г., преподавал русский язык иностранцам в Кубанском сельхозинституте. В аспирантуре Литературного института (1973–1975 гг.) занимался поэтикой творчества Достоевского, защитил кандидатскую диссертацию в ИМЛИ. Работал в отделе критики журнала «Знамя», в отделе прозы журнала «Молодая гвардия», с 1976 г. – в редакции ЖЗЛ и с 1981 г. в журнале «Наш современник».

пускников пединститута. Неподобу, Кузнецова, Горского поощряли и поддерживали влиятельные участники городской поэтической среды Игорь Ждан-Пушкин²⁴, Эдуард Медведев²⁵, Владимир Елагин²⁶.

Юрий Кузнецов весной 1961-го решил не продолжать учебу в институте и вернулся домой в Тихорецк. Осенью получил повестку в армию. Вадим Неподоба отслужил год в армии уже после того как окончил пединститут (призван на срочную службу в 1964 г.).

Их дружба, основанная на полном доверии в любом жизненном шаге, год от года крепла. Когда читаешь автографы на сборниках, подаренных в годы развала государства («...на крепость и мужество духа...», «у бездны на краю...»), видишь: Кузнецов дорожил Неподобой как последним настоящим другом.

За четыре десятка лет и писем было немало: Кузнецов посылал весточки из армии в читинский период, по возвращении с Кубы писал в хутор Заречный, где Вадим по пединститутскому распределению работал в школе. Когда Юрий уехал из Краснодара в Москву, он в пись-

---

²⁴ Ждан-Пушкин Игорь Михайлович (1934–2005) – журналист, засл. работник культуры Российской Федерации. Родился в Краснодаре, окончил заочное отделение историко-филологического факультета КПИ в 1961 г. С 1958 г. сотрудничал в «Комсомольце Кубани». С 1965 г. был ответственным секретарем альманаха «Кубань». Свои многочисленные стихи и рассказы практически не публиковал, много писал не под своим именем.

²⁵ Медведев Эдуард Александрович (1935–1987) – журналист, автор документальной повести «Сильнее смерти», очерков об известных людях края. Родился в Краснодаре, историко-филологический факультет КПИ окончил в 1961 г. Работал на телестудии в Воркуте, стоял у начала документального кино в Коми ССР. Вернувшись в Краснодар, был зав. отделом промышленности в «Комсомольце Кубани», редактировал многотиражные газеты.

²⁶ Елагин Владимир Николаевич (1935–1996) – поэт, журналист. Отучившись на историко-филологическом факультете КПИ, с 1959 г. работал в школе, в Краснодарском книжном издательстве, в телерадиокомпании «Кубань». Автор сборников лирики «Здравствуйте!» (1968), «Майская метель» (1973), «Дом» (1980), сборника литературно-критических статей «Противостояние» (1991).

мах рассказывал о наиболее важных встречах, о визитах в издательства, о знакомых им обоим людях (из живших в Москве земляков особенно подробно – о Юрии Селезнёве). Мысленно не расставаясь ни на день, друзья горячо и искренне делились мыслями во время очных бесед и встреч в дни приездов Юрия Поликарповича в Краснодар или поездок Вадима в столицу (например, в период начавшейся в 1979 г. его двухлетней учебы на Высших литературных курсах). Цenia обоюдный обмен мнениями и советами, часто посылали в письмах друг другу свои стихи.

Юрий Кузнецов в рецензиях на книги стихов характеризовал Вадима Неподобу как глубокого лирика, для которого «чувствовать – значит жить, чувствовать – значит творить... Нет ничего, сказанного не от чистого сердца... Поэтому стихи читаешь и перечитываешь – так в них много притягательного»²⁷.

Переписка была регулярным каналом связи вплоть до 1986 г., когда Вадиму Петровичу удалось добиться постановки квартирного телефона: это отчасти разгрузило почтальонов. Однако привычку посылать друг другу телеграммы в честь дней рождения и других важных дат наличие телефона не отменило.

В телеграмме на поздравительном бланке с букетом красных георгинов (Сер. Е-51, вып. 21.07.1976 тираж 7,2 млн. экз.) читаем:

ПОЗДРАВЛЯЮ ДНЕМ РОЖДЕНИЯ
ДЕРЖИ ХВОСТ ПИСТОЛОТОМ
ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ.

---

²⁷Этот фрагмент редакционной (закрытой) рецензии на рукопись «Дорога» привела в своей книге мемуаров родная сестра В. П. Неподобы Любовь Петровна Кушнир (Л. П. Кушнир. Семья поэта. Коломна, 2021. С. 133). В архиве вдовы поэта Елены Николаевны Неподоба мы имели возможность ознакомиться и с оригиналом этой рецензии.

Попавший в стихотворную строчку «Шапки оземь и хвост пистолетом» («Прощание с Краснодаром», 1966) ободряющий девиз был, как видим, в ходу у неразлучных друзей и через двадцатилетие.

Оригинал телеграммы остался у родственников случайно – он не лежал в папке с другими документами. По почтовому штампу видны дата и время отправления телеграммы из Москвы: 26 февраля, 11.43, но блеклый отпечаток позволяет установить год приблизительно: 1986-й либо 1988-й.

Вадим Петрович очень дорожил письмами Юрия Кузнецова и бережно их хранил, однако в последние месяцы его жизни произошло событие, объяснения которого нет у членов семьи. Пухлая белая канцелярская папка с письмами и оригиналами автографов исчезла. Возможно, она оказалась вне дома в период между кончиной Юрия Поликарповича (он умер 17 ноября 2003 г.) и смертью Вадима Петровича 20 сентября 2005 г.

О богатствах, хранившихся в папке, можно судить по мемуарным свидетельствам Виктора Кирилловича Чумаченко: «Уезжая в командировки, Вадим нередко оставлял мне ключи от своей квартиры, и, лежа на его диване, я перечитывал многочисленные листочки, пришпиленные к стене у изголовья. На самом большом листе (кажется, даже на двух) был тогда еще не опубликованный кузнецовский перевод “Пьяного корабля” Артюра Рембо. Знаю, что незадолго до смерти Вадима Петровича папка с этими реликвиями Юрия Поликарповича бесследно исчезла»²⁸.

Реликвии, вероятнее всего, придержал для будущих публикаций главный редактор «Родной Кубани» Виктор Иванович Лихоносков. По словам А. Г. Федорченко, Вадим Неподоба был уже очень болен, когда принес

---

²⁸ Чумаченко В. К. «В своей судьбе мы не вольны...» // В. П. Неподоба. Избранная лирика. Краснодар, 2011. С. 11.

эту папку с письмами и рукописями Юрия Кузнецова. В редакции они лежали более пяти лет. Опубликовав в 2011-м четыре письма, о которых мы ведем речь, сотрудники «Родной Кубани» сопроводили их преамбулой: «Мы публикуем письма Юрия Кузнецова к Вадиму Неподобе, которые незадолго до своей смерти он передал в нашу редакцию. К сожалению, какие-то из них, по невыясненным причинам, пропали...»²⁹.

Такое предуведомление оставляло надежду, что утерянное всплывет где-нибудь по прошествии времени.

На сегодняшний момент отыскался лишь один из упомянутых эпистолярных документов (не в оригинале, а в ксерокопии). Судя по верхнему краю отсканированной страницы, письмо было написано на листке обычного блокнота со спиральным креплением. При изучении текста данной находки мы пришли к выводу, что публикация 2011 г. исказила датировку и хронологическую очередность писем, в которых содержится много информации о событиях жизни, выстроивших путь самых близких Юрию Поликарповичу друзей.

Сделаем необходимые для реконструкции биографического контекста коррективы и уточнения.

Три из четырех опубликованных «Родной Кубанью» писем относятся ко времени, когда Вадим Неподоба проходил срочную воинскую службу (1964–1965 гг.). Письмо, которое редакция дала в подборке первым и напечатала без датировки, должно было бы располагаться не до, а после письма, помеченного 23-м декабря 1964 г. Только так логично выстраивается событийный ряд периода, когда Кузнецов, уже демобилизованный, работал в Тихорецке сотрудником детской комнаты милиции, а потом переехал поближе к Краснодару.

---

²⁹ Кузнецов Ю. Лихорадка судьбы... // Родная Кубань. 2011. № 1. С. 114.

По увольнении («С работой в милиции должен в самом начале мая кончить») он и планировал осуществить переезд: «Перебираюсь в Краснодар. Буду пока жить у дядьки на Яблоновке»³⁰. С конца мая 1965 г. стал жить в поселке Яблоновский (южная часть Краснодара, прилегающая к берегу реки Кубань).

Итак, придя из армии (июль 1964 г.), Кузнецов некоторое время был сотрудником отделения милиции г. Тихорецка, где ему поручили работу с несовершеннолетними. О служебных делах он рассказывает в письме от 23.12.64: «Сегодня у здешнего мэра города слушали годовой отчет о работе моей конторы. Отчитывался твой покорный слуга. Получил жесточайший втык. Как только все это затихло, я собрал свои останки и поспешил добратъся до дому, и вот пишу тебе письмо, потому что хочу обо всем позабыть и развеяться». В более отдаленные планы молодого человека входило сдать осенью (ноябрь 1965 г.) экзамены на заочное отделение московского Литературного института.

Содержание тогдашней переписки Юрия с Вадимом следующее. Он отвечает на сетования о трудностях армейской службы³¹, старается протянуть руку помощи («Тебе трудно, но вот тебе моя рука, держи, старина!»). Вспоминает собственный трехгодичный армейский опыт: хроническое недосыпание и попытки спать на политзанятиях, прикрыв лицо ладонью; неотвязные мечты отлучиться в самоволку; послабление режима на третьем году; утешительная сентенция «дембель неизбежен, как могила».

---

³⁰ Выделенные курсивом фрагменты цитируются по публикации в журнале «Кубань» (Кузнецов Ю. Лихорадка судьбы...).

³¹ Как писал Вадим родным и друзьям, с командиром взвода ему повезло, однако не повезло с сержантом, под началом которого проходили первичное обучение. Сержант, человек недалекий, отыгрывался на любом, кого считал умнее себя. Эту бессмысленную муштру (бесконечное «встать – лечь – окопаться») было выносить нелегко.

Попутно вставляет шутки о своем неумении носить армейскую форму (знал об этой форме воинского обмундирования по строчке стихов В. Сосюры «Володька привезет мне с фронта галифе»; не догадывался, что гимнастерку в галифе не заправляют). Добавляет: зря не научился во время читинской службы заматывать портянки, сейчас, в снежную зиму, очень бы пригодилось. Однако шутливость тона «чтобы развеяться» не исключает серьезного содержания разговора.

Из письма явствует: надо держаться, не разжимая зубы: «Не дай Бог, чтобы ты хоть раз разжал зубы. Ты ведь знаешь, искренность нигде не поощряется, это самая асоциальная из добродетелей». Искренняя открытость позволительна лишь в кругу единомышленников-поэтов: «Все это со мной, как Россия, как проклятье, как детство, как ты», – обобщает Кузнецов.

Верность – абсолютно твердо заявленное кредо мужского договора. Этот договор, кодекс стойкости оттеняется трагикомическим описанием неудачной попытки Валерия Горского стать завучем школы. В сумме получается, что осенью-зимой 1964 г. наиболее проблемным участком был не армейский опыт (автор письма уверен: эти трудности друг одолеет); слабину показали перипетии со здоровьем Горского, который определился на должность завуча, оставшуюся вакантной после мобилизации Вадима: «Горский канул было в завучи на твое место к Гурбичу, но не вынес запаха тамошних собак, был вынужден поехать на месяц, кашлять в Сочи. Вернулся оттуда без стихов, худой, как сапожная колодка, с дрожащими зрачками, а вслед за ним прикатила его медсестра, с которой он крутил и у которой кроме южного темперамента и хронического желания выйти замуж нет решительно ничего. Сейчас после Сочи Горский лечится дома и дышит как дырявая гармонь».

Затем в письме Кузнецова читаем о полезном при-

обретении одного из членов их общей молодежной компании («А<кулаев>³² раздобыл магнитофон. Слушаем превосходные записи») и о том, что Евгений Алабин сочинил музыку на новогоднее стихотворение: «С артистами Краснодарской филармонии в Тихорецк приезжал Женька Алабин. Мы с ним написали новогоднюю песню»³³. Упомянутый в данном случае текст известен по рукописной тетради («Новогоднее», 29 ноября 1964 г.) и по публикации фрагмента этого стихотворения в газете «Ленинский путь» (01.01.1965).

Письмо, опубликованное в «Родной Кубани» без даты, по содержанию можно уверенно отнести к весне 1965 г. – периоду от начала апреля («В конце марта моя мать уезжала в Геленджик дней на 10...») до майских праздников (письмо завершает шутливо зарифмованная фраза «Поздравляем с Новым Маем!»). Надо сказать, накануне, 10 апреля, Юрий отправил в Москву документы для поступления в Литинститут.

В письме заметны попытки подбодрить друга перед лицом армейских испытаний: «Трудно нам всем, Вадим!»; «Дружище, держись! Я же выдержал», убежден-

---

³² Акулаев Вячеслав, приятель Юрия Кузнецова, жил в Краснодаре на ул. Казачьей. Он доставал самодельные грамзаписи, магнитофонные катушки с джазом и рок-н-роллом. У него дома можно было послушать находившуюся под официальным запретом музыкальную продукцию. Очевидно, из-за нелестных отзывов о нем автора писем редколлегия сократила его фамилию до первой буквы.

³³ Алабин Евгений Александрович (1939–1968) – краснодарский композитор, концертмейстер Краснодарского театра оперетты, преподаватель музыки. Параллельно средней школе (шк. № 8) учился в музыкальной по классу фортепьяно. На историко-филологическом факультете КПИ входил в один дружеский круг с В. Неподобой и Ю. Кузнецовым. На последнем курсе переведясь на заочное отделение, был принят в музыкальное училище им. Н. А. Римского-Корсакова.

На стихи Ю. Кузнецова написал, кроме новогодней, еще ряд песен («Школьный вальс», «Отзвенели звонки» и др.).

Перелагал на музыку стихи кубанских поэтов (В. Бакалдин «Мы просто краснодарцы», «Ручеёк», «Кубанская пионерская» и др.). Был активистом бардовского движения, на его квартире в 1960 г. выступал Булат Окуджава

ность, что трудные будни службы – опыт самовоспитания отнюдь не бесплодный: «...правда, и сейчас при слове “армия” я начинаю тихо рычать. Но зато сколько стихов! Сейчас пишу лихорадочно и много...».

В третьем абзаце письма Кузнецов упоминает, что виделся в Краснодаре с сестрой Вадима («твоей сестренкой Людочкой»). Людмила Петровна Неподоба, как и ее старшие братья, училась на историко-филологическом факультете пединститута³⁴.

Второй абзац содержит упоминание о ссоре с Валерием Горским.

Поскольку фигурой этого друга-одногодки скреплена сюжетная канва четырех писем Кузнецова к Вадиму Неподобе, опубликованных в первом номере «Родной Кубани» за 2011 г., считаем необходимым подробно рассказать о характере и судьбе Валерия Леонидовича Горского.

«Я по земле пройду, как по весне. / Пусть будет мне бесценным гонораром / Та молодость, что с нами и во мне», – писал этот бескорыстный мечтатель, мягкий, болезненный, очень ранимый человек. Как верно подметил Юрий Кузнецов, его привлекало не то, что есть, а то, что могло быть:

Он представлял собою обломок некоего светлого идеала, сокрушенного нашей рационализированной

(подробнее см.: Жилин В. М. Краснодарская разноголосица, или Как упоительна жизнь: Кн. прозы. Туапсе, 2016. С. 96–97). В 1960-е гг. была популярна сочиненная Алабиным в соавторстве с дирижером Яковом Верховским музыка к оперетте «Горная ромашка» (либретто В. Бакалдина, оркестровая партитура утеряна). Евгений Алабин не дожил до 30 лет. Ныне его имя известно узкому кругу знатоков культурной истории Краснодара.

³⁴ По филологической стезе пошли четверо из шести детей этой семьи – Вячеслав, Вадим, Людмила и Любовь (род. в 1945). Любовь Петровна Неподоба (в замужестве Кушнир) закончила Армавирский педагогический институт, живет в Подмоскowie. Издала книгу мемуаров «Семья поэта».

Жены Вячеслава и Вадима были также специалистами по русскому языку и литературе.

действительностью. Совершенно разные люди угадывали это и тянулись к нему³⁵.

Из лирического мира Валерия Горского в суровую, в общем-то, палитру лирики Юрия Кузнецова пришло нечто большее, чем сравнение поэта с полевым цветком. Простая и очевидная убежденность, что каждая былинка в полевом разноцветье поет вместе с зелеными деревьями и птицами, в каждом порыве весеннего ветра крылато возносит песню земной радости к небесным облакам.

Подходит счастье,
Как курьерский поезд,
К весеннему перрону моему.
И я к чему-то новому готовлюсь,
Но ничего на свете не пойму.
Лишь прокляну
Сомненья и неверья
И вновь доверюсь песням и стихам.
Весь май поют
Зелёные деревья,
Крылами птиц махая облакам!
Как горы, годы встали за спиною,
И стали дали близкие тесны,
И захлестнут,
И скроют с головою
Поля, что до безумья зелены³⁶.

Так писал о своем чувстве жизни Валерий Горский. Он родился 28 ноября 1941 г. в поселке Целина Ростовской области, ушел из жизни 21 мая 1987 г., осиротив трогательно любивших его отца, мать и младшую сестру. Холод и голод военного лихолетья оставили не-

---

³⁵ Кузнецов Ю. Слово о друге юности // Горский В. Л. Под небом восхода: Лирика. Краснодар, 1989. С. 6.

³⁶ Ламосова Н. В. «Я точно знаю, что не буду старым...» (к 80-летию со дня рождения Валерия Горского) // Краснодар литературный. 2021. № 4. С. 6.

изгладимый след: с младенческого возраста он страдал астмой. В надежде выходить «окопное дитя» родители с наступлением мирного времени выбрали местом жительства Кубань – переехали в станицу Каниболотскую, затем в Фастовецкую. Валерию исполнилось 17, когда семья стала жить в Тихорецке (ул. Октябрьская д. 14).

Юноша окончил историко-филологический факультет КПИ в 1965 г., недолго учительствовал в сельской школе, затем был сотрудником «Комсомольца Кубани», работал в Бюро пропаганды художественной литературы Краснодарского отделения СП. На высших литературных курсах при Литинституте учился заочно.

Его стихи публиковались в журналах «Смена», «Наш современник», альманахе «Кубань», коллективном сборнике «Мир молодой». Персональных сборников вышло два: «Бесконечность» (Краснодар: Краевое кн. изд-во, 1967) и «Синий колокольчик» (М.: Мол. гвардия, 1977).

Вернемся к разбору письма, которое мы датируем апрелем 1965 г.

В нем есть слова о ссоре: «С Горским я разошелся. Поэзия где-то вещь бабья, с этой стороны она сделала из Горского жалкую вещь. Одним словом, я накричал на него», и о том, что А. (Вячеслав Акулаев назван первой буквой фамилии) «загнал магнитофон и как личность перестал вызывать к себе интерес». Кузнецов отзывается о жизненных установках неприятного ему А.: «Пошляк, банальнейший тип, и в поэзии ни бельмеса» (способность понимать поэзию – главный критерий выбора, отсеивающий примитивность и пошлость).

В конце письма сказано, что Юрий Кузнецов ходил к Леониду Ивановичу (отцу Горского)³⁷ с просьбой

---

³⁷ Об отце Валерия Горского нам известно, что на войне он был легчиком, после войны сделал успешную административную карьеру, вплоть до второго секретаря тихорецкого горкома партии.

о каком-то «институтском документе», но безуспешно. Тот «сказал, что просто так выдать его не может, нужно, чтобы ты прислал ему в районо личный запрос с объяснением причины». О каком институтском документе идет речь? Если о дипломе, который, по тогдашним правилам, выдавали не ранее полной отработки в школе срока, положенного по распределению, то хранящийся у вдовы поэта (Елены Николаевны Неподобы) диплом выписан 3 июля 1965 г.

Согласно записям в трудовой книжке, принятый 15.08.1964 на должность завуча и преподавателя русского языка вечерней школы № 57 села Первомайского (Тихорецкий район), Вадим Неподоба уволен в связи с уходом в армию 22.09.1964. Отработав менее полутора месяцев, он не имел тогда возможности получить на руки институтский диплом³⁸. Так что весной 1965 г. Вадим мог просить о справке, подтверждающей, что он, хоть и недолго, но вел преподавательскую деятельность по месту распределения. Если бы в зачет выпускнику пошел срок его армейской службы, справка способствовала бы получению диплома без отработки еще одного года. Так оно, видимо, и получилось, о чем свидетельствует выписанный в июле 1965 г. диплом.

Третье письмо (от 2 июля 1965 г.) начинается сообщением, что Горский и Кузнецов «включены в план

---

³⁸ После демобилизации назначенный (24.08.1965) на ту же должность в вечернюю школу № 22 Кореновского района, он далее, уже в качестве директора и замдиректора, работал в вечерней школе пос. Заря, в Заречной средней школе № 4 до 19.06.1969.

Чтобы прояснить моменты трудовой биографии В. П. Неподобы вплоть до 1978 г., которым датировано последнее из опубликованных журналом «Родная Кубань» письмо, скажем следующее. Он стал литсотрудником «Комсомольца Кубани» 09.09.1969, работал в Бюро пропаганды художественной литературы с 16.02.1971 по 01.02.1974 и с 01.02.1978 по 01.10.1978 (и около четырех лет, с 26.03.1974 по 23.01.1978, был корреспондентом на краевом радио).

Краснодарского издательства на 1966 год» по итогам литературного семинара, который провели приезжавшие в Краснодар московские мэтры Михаил Львов и Виктор Гончаров. Конкурс был нештучный: «Из десяти авторов прошли только мы двое». В 1966 г. опубликован первый сборник лирики Кузнецова «Гроза», год спустя – сборник Горского «Бесконечность».

М. Львов пообещал дать подборку стихотворений Кузнецова в 11-й номер журнала «Наш современник», что также было плюсом для поступления в Литинститут: «Хочу во что бы то ни стало вырваться туда». Подавший в апреле заявление о сдаче экзаменов на заочное отделение Кузнецов рад поделиться с Вадимом и новостью о том, что осенью откроют очное отделение³⁹, попутно добавляет: «..В Тихорецке я встречал твоего младшего брата⁴⁰. Он сказал, что тебя обещали отпустить к сентябрю⁴¹... В литинституте первый экзамен 15 октября. Мы до этого встретимся много-много раз». Из приятных новостей еще и то, что в типографию сдают коллективный сборник, который выйдет в сентябре. А значит, будет гонорар, нелишний на фоне жестокого безденежья, не дающего даже возможности ездить из Яблоновки в центр города на работу с пересадкой трамвай – автобус.

В письме есть упоминания о ближайших перспективах Горского. Валерий, пишет Кузнецов, «с помощью отца досрочно приступил к ГОСам». Некоторые из однокурсников уже «развязались с институтом», сдали

---

³⁹ В октябре 1965 г. его приняли на заочное обучение. Кузнецов перешел на очное отделение Литинститута им. А. М. Горького осенью 1966 г.

⁴⁰ Младший брат Юрий (Юрий Петрович Неподоба родился в 1951), учившийся в Краснодарском сельскохозяйственном институте.

⁴¹ Вадима призывали на три года, но затем вышло правительственное постановление сократить до года срочную службу тем, кто окончил высшие учебные заведения.

госэкзамены: Татьяна Смирнова⁴² скоро приступит к работе в школе «где-то возле Анапы».

Четвертое из опубликованных В. И. Лихоносовым писем по времени более чем на 12 лет отстоит от 1964–1965 гг. В нем всего два абзаца. И если бы не три последние строки, оно походило бы на деловую записку с просьбой, которую желательно скорее исполнить.

Письмо это помечено двадцатым февраля 1978 г. На датировку обращаем особое внимание, поскольку в журнальной публикации вместо цифры 2 указана цифра 11. В «Родной Кубани» ошибочно приняли римское написание II за указание на ноябрь, хотя письмо февральское. Полный его текст делает это абсолютно ясным, так как во втором абзаце идет речь о двух календарных датах: день рождения Юрия Поликарповича позади, день рождения Вадима Петровича предстоит отметить.

Первый абзац письма содержит просьбу найти Горского и проследить, чтобы он выслал «свою московскую книжку» для составления характеристик-рекомендаций в члены творческого союза. Книга стихов Валерия Горского «Синий колокольчик» (1977) открыла путь к тому, чтобы краснодарского поэта оценили в столице по достоинству и приняли в Союз писателей.

Кузнецов мог и желал деятельно способствовать этому как уже признанный мастер современной поэзии.

При ознакомлении с ксерокопией, предоставленной сотрудникам Литмузея Кубани Александром Григорьевичем Федорченко, мы обнаружили расхождения с текстом, который опубликован «Родной Кубанью» в 2011 г.

Приводим полный, без редакторской правки и ку-

---

⁴² О Смирновой Татьяне Юрий Кузнецов в рукописях упоминал как о ценительнице и «деятельной пропагандистке» его поэзии.

пюр, текст письма Ю. П. Кузнецова к В. П. Неподобе от 20 февраля 1978 г.

Вадим, привет!

У меня небольшая к тебе просьба. Найми Горского и проследи, чтобы он срочно выслал мне свою московскую книжку. Я напишу ему характеристику в СП. Без текста у меня что-то не выходит. И. Варавва (он до сих пор в Москве) загорелось помочь Горскому, да и мне не след оставаться в стороне.

Ну, ладно.

Как твои дела в Союзе и что с квартирой?⁴³

У меня по-прежнему. Выпивать я бросил с 12 февраля, чего и тебе желаю – с 27 февраля, и, по возможности, навеки.

Желаю удачи!

Юрий К.

20. II.78

В первом абзаце журнальной публикации 2011 г. напечатано: «И. Варавва (он до сих пор в Москве) очень загорелся помочь...», но в оригинале глагол имеет безличную форму: «Варавве загорелось». Во втором абзаце вырезан шутливо-серьезный намек, что сразу же после дня рождения полезно бросить пить; редакторские ножницы откромсали фрагмент с календарными цифрами 12-е и 27-е (на следующий день после моего / твоего дня рождения).

Ни для кого не секрет, что пристрастие к алкоголю мешало Валерию Горскому во всем, чего он мог и желал достигнуть. Не справился с одолевавшей его астмой; в периоды запоев терял способность писать стихи. Эту помеху творчеству отметил Юрий в письме к Вадиму от 23.12.64, говоря, что их друг поехал «на месяц,

---

⁴³ Юрий Кузнецов с женой Батимой и дочерью Анечкой перебрались из московской коммуналки в отдельную квартиру в 1977 г.

Вадиму Петровичу выделили двухкомнатную квартиру в Краснодаре в 1978 г.

кашлять в Сочи. Вернулся оттуда без стихов, худой, как сапожная колодка, с дрожащими зрачками». В следующем письме говорится, что Кузнецов накричал на Горского и поссорился с ним.

Что суть размолвок с Горским всегда сводилась к требованию не растерять талант «под жидкие хлопки шампанских пробок», свидетельствует стихотворение 1965 г. «Вам!». Дата его написания 14 марта 1965 г. и посвящение «Горскому Валерию» есть в рукописной тетради стихов «В конверте без марки».

Вам!

Горскому Валерию

Не со стихами мальчики
– с годами,
Хоть, как окурок, рот им жгут слова,
Не на таланте,
На спирту сторают,
Холодных женщин к коже прислоня.

А было так: взыскательны и строги,
Вдруг судьи, ахнув, путались в очках –
То юные доверчивые строки
Дрожали, как сиянье, на листках.

Дни проплывали в сказочной работе.
Но, прорезаясь, прям и нерушим,
Талант давил, как лагерный режим,
А мальчики мечтали о свободе.

Сбежавший от таланта роком проклят!
Безвестность будет, как презренье,
Вам

Под жидкие хлопки шампанских пробок
Со сцен сходящим,
Не создавшим драм.

Не менее горько звучит обращение к «сгоревшему на спирту», «сбежавшему от своего таланта», потускневшему «другу золотому» в стихотворении 1973 г.:

Только выйду на берег крутой,
А навстречу волна перегара.
Это Горский, мой друг золотой,
Потускневшая тень Краснодара.
Он рубаху рванёт на груди,
Выставляя костлявые мощи:
– Все, мой друг, позади, позади:
И душа, и опавшие рощи.
На закате грусти не грусти –
Ни княжны, ни коня вороного.
И свистит не синица в горсти,
А дыра от гвоздя мирового.
– Уж такой мы народ, – говорю, –
Что свистят наши крестные муки...
Эй, бутылку и дверь на каюк
Да поставить небесные звуки!
Жизнь прошла, а до нас не дошла,
А быть может, она только снится.
Наше море сгорело дотла,
Но летает все та же синица...

В написанной Ольгой Александровной Овчаренко художественной биографии поэта отмечено: «Одно время Ю. Кузнецов даже хотел написать “Жизнь В. Горского”»⁴⁴. Хорошо зная и высоко ценя автора работы, мы не сомневаемся в верности такого свидетельства. Но оно будет иначе понято, если учесть апофатический компонент трансформации творческого замысла

---

⁴⁴ Овчаренко О. А. Юрий Кузнецов: Художественная биография // Русское воскресение. URL:<http://voskres.ru/literature/library/ovcharenko.htm> (дата обращения 27.01. 2024).

в составе персонального мифа поэта. Отменившая необходимость писать «Жизнь В. Горского» логика видна из переключки стихотворения «Некролог» (1987) с философской элегией «Цветы» (1972), написанной годом раньше стихотворения «Только выйду на берег крутой...». Элегия «ни о чём – и обо всём» была попыткой передать мир глазами Валерия, и стихотворение «Некролог» это подтвердило.

«Цветы» и «Некролог» сделали неактуальной реализацию замысла «Жизнь В. Горского» – очень типичной для 1960–1980-х истории талантливого человека, который «под жидкие хлопки шампанских пробок» сходит со сцены, «не создавши драм». Вместо полного обжигающей горечи сюжета в 1989 г. был написан очерк «Слово о друге юности» – предисловие Юрия Кузнецова к посмертно изданному тому же лирике Валерия Горского «Под небом восхода».

В стихотворении 1973 г. не Кубань-река, а «волна перегара» перехлестывает через «крутые берега», размывает тени на южном асфальте. Вокруг золото летнего зноя... Но горечь и гарь истерзанного пьяной жаждой организма не подсластишь есенинскими плачами («и душа, и опавшие рощи»...).

Валерий Горский не писал стихи, когда впадал в запой; закрывшись один, он сутки напролет слушал записи классической музыки – «небесные звуки».

Чем отличается вывод стихотворения «Вам!», написанного в середине 1960-х (в нем сказано, что рок безвестности преследует сбежавших от таланта), от небывальщины о синице, которая море подожгла, и от поговорки о синице вместо журавля? Фольклорные формулы придают не субъективно-авторский, объективный характер выводу о том, что опустошение губит жизнь.

И свистит не синица в горсти,
А дыра от гвоздя мирового.

«Наше море сгорело дотла»... Но предельно накаленный пафос стихотворения не исключает полного сочувствия, человеческого вывода. Этому способствует перемена регистров повествования. Сначала – стороннее «он» («Он рубаху рванёт на груди...»); затем переход к прямой речи страдальца (строки 7–12); далее – к покаянному «мы», «наше» (8 завершающих строк). Боль, вина, беда общие, как страдания, что прожгли плоть распятого («Уж такой мы народ, – говорю, – / Что свистят наши крестные муки...»).

Именно в этом смиренно-лично написанный «Некролог» не совпадает с повествовательной структурой элегии «Цветы», пафос которой определяют такие лирические строки:

Легко, свободно было там,
Где я читал стихи цветам...

Цветы исполнены свободы,
Как простодушные народы...

Я видел в пламени и дыме
Людей, которых больше нет.
Летали пули между ними
И собирали жизни цвет...

Автор ставил задачу подчинить размышления о мимолетности всего земного философскому выводу в пользу жизни, но набор изящно выраженных сентенций не дал объективной целостности, поскольку опорой повествовательной конструкции служила модальность субъекта – высказывания от имени я («Я был один и жизнь одна»). Даже в финальном обращении к матери погибшего элегия «Цветы» осталась декларативной.

Не плачь, родимая, о сыне!
К нему пути не отыскать.

Цветы – нашли его в долине,
Цветы нашли... утешься, мать.

А блеск цветов стоит на листьях
И на далёких детских лицах.

Стихотворение «Некролог» вместило акт молчаливого понимания, в котором воедино сходятся раскаяние («Мы живем как жестокие дети»), молитва («Пусть без страха вступает душа / Под иные высокие своды»), требование почтить умершего минутой молчания, неприятие досужих сплетен толпы, скорой суд и расправу над непонятыми поэтами («Он упал! Помолчите, народы!»). Без деклараций, объективно проступает суть: рожденные поэтами о смерти не догадываются, они принадлежат жизни.

Это умер не он, а цветок,
Что был сорван⁴⁵ давно, но об этом
Догадаться ни разу не мог,
Потому что родился поэтом.

Цвет надежды, не давший плода,
Наши лица он видел туманно:
Ничего не имел никогда,
Даже пил из чужого стакана.

Он встречался со всяким огнём
И задохся от тёмного жара.
Раньше бога забыла о нем
Густопсовая пыль Краснодара.

Он увял, он упал не дыша.
Он упал! Помолчите, народы!
Пусть без страха вступает душа
Под иные высокие своды.

---

⁴⁵ В редакции 1995 г. слово *сорван* заменено на более точное *срезан*.

Умираем не мы, а цветы,
Ничего мы не знаем о смерти.
И с отчизной и Богом на «ты»,
Мы живём, как жестокие дети.

Юрий Кузнецов побывал на могиле друга, положил 46 гвоздик (Валерий скончался на 46-м году жизни), ездил к родителям Горского в Тихорецк.

Младшая сестра Горского Наташа жила в многоэтажной застройке краснодарского микрорайона Гидрострой практически по соседству с Вадимом Неподобой. Кузнецов вместе с Вадимом Петровичем и его женой Еленой Николаевной навещали Наташу, когда Валерия не стало: знали, как было непросто ей не только без него, но и с ним, когда она была нянькой и главной заступницей ранимого, во всем беззащитного брата.

Вадим Неподоба тоже написал стихотворение «Памяти Валерия Горского», которое мы приведем полностью:

Было нам не тесно в этом мире.
По утрам бутылками звеня,
Жил я был у друга на квартире,
Ты с наждачным кашлем – у меня.
А ещё к нам гости приходили
В час, когда все улицы тихи.
Громко говорили, тихо пили,
Вырывали из груди стихи.
Голоса в такой поток сливались,
Что в ночи
                  с чужим теплом внутри
Удивлённо окна зажигались,
А потом не гасли до зари.
Помню холод, грязь слободки серой,
Жесткий свист в слепой бандитской мгле.
Чем мы жили? Только хрупкой верой
В неслучайность нашу на земле.

Свыше голос чудился нам в шуме
Городов. Мы верили ему.
Но под тридцать вдруг благоразумье
Стало щелкать нас по одному.
Тот сбежал, тот стал совсем умерен,
А другой прикинулся шутом.
Ты один себе остался верен,
Вовсе и не думая о том.
Ты. Совсем один. С наждачным кашлем.
В юности остался. На ветрах.
Ей отдал всю кровь свою по каплям,
Никаких не взял за это благ.
Жил всегда в такой неясной дали,
Был таким теплом всегда согрет,
Что друзья проститься опоздали,
Когда ты покинул этот свет.

Через два года после кончины Валерия Горского Юрий Поликарпович составил итоговую книгу произведений безвременно ушедшего поэта – «Под небом восхода» (1989) и в качестве предисловия к ней дал очерк «Слово о друге юности», в котором сказано о минуте, взлетевшей над вечностью:

Его стихи негромки и целомудренны. В них нет сильных страстей. Его степь без вихря, его море без бури, его небо без молнии и грома. Он любил тишину, тепло и свет. Поэтому в его стихах нет шума, холода и тьмы. Любимый его цвет – зелёный. Цвет жизни и надежды. Его тянуло не низкое, а высокое:

Взлетит над вечностью минута...

Минута превыше вечности! Взлетела звёздная минута его надежды и ушла в память о нём. Но да будет светла эта память!

Стихотворение «Некролог» (1987) и очерк «Слово о друге юности» (1989) высветлили суть размолвок и горьких стихов – драму честной борьбы за поэзию без позерства, без холода межличностных границ. Уход одного («Он встречался со всяким огнём / И задохся от тёмного

жара») не перечеркнул обязанность других поэтов служить истинному откровению в слове – высшему уровню понимания мира, при котором грани действительности прозрачны: суть не утаишь ни от Бога, ни от людей.

Гениальное и смиренное органично дополняют друг друга в пространстве народной жизни. В этом и есть главное достижение поэзии на русском пути.

ДВЕ КРАСНОДАРСКИЕ НАХОДКИ РАННИХ СТИХОВ ЮРИЯ КУЗНЕЦОВА

Домашние библиотечные полки порою хранят сокровища. Выставка «Рожденные в 41-м» заставила посетителей припомнить, что у их родителей есть книги с дарственными надписями, листки со строчками стихов... В семейных собраниях жителей Краснодара нашлось несколько автографов Юрия Кузнецова, включая и неизвестные до 2021–2022 гг. стихотворные тексты «Мальчики» (1961), «Служба» (1966).

Стихотворение «Служба» Кузнецов подарил 26 апреля 1966 г. И. М. Ждан-Пушкину. Игорь Михайлович Ждан-Пушкин (1934–2005), поистине замечательный человек, прожил жизнь так ярко и сделал для Краснодара столь много, что книгу воспоминаний о нем назвали «Человек города»⁴⁶. Его дочь Екатерина передала сотруднику Литературного музея Кубани Наталье Ламосовой автограф (листок со стихотворением «Служба») и хранившийся в библиотеке отца сборник «Гроза» с дарственной надписью.

---

⁴⁶ Игорь Михайлович Ждан-Пушкин: Человек города. Краснодар, 2005. Этой книгой издательство «Традиция» открыло серию книг о замечательных краснодарцах, которую тоже назвало «Человек города».

Другая находка – три стихотворных текста, без указания дат убористым почерком записанные на двух листах из общей тетрадки в мелкую клетку: неизвестное исследователям стихотворение «Мальчики», ранний вариант стихотворения «Начало» и довольно длинное стихотворное сочинение «Полные паруса» с подзаголовком большими буквами «ПОЭМА».

Между записями произведений стоят прочерки. Судя по проставленной в верхнем правом углу нумерации листов, это 8-й и 9-й листы какого-то раннего рукописного сборника. Листы хранились в папке Вадима Неподобы, но вместе с папкой пропали в конце 2003 – начале 2005 гг. По настоящий день судьба находившегося в папке собрания рукописей неизвестна.

На основании находок 2021–2022 гг. можно вникнуть в творческую лабораторию поэта и узнать этапы развития замысла, предшествовавшие итоговому оформлению каждого из упомянутых стихотворений.

Один из текстов на пожелтелых, в изгибах стершихся листках (поэма «Полные паруса») показывает предысторию одноименного стихотворения, известного по сборнику «Гроза». Обнаруженная в 2021 г. рукопись свидетельствует, что изначально (1961) стихотворение было пространной поэмой. Но составители дебютного сборника предложили, сократив юношески незрелую «поэму», сделать акцент на героике труда. При сокращении и кардинальной переработке на первом плане оказалась суровая борьба с морем, а не коллизия любовного треугольника. В таком виде «Полные паруса» и напечатаны в «Грозе», а также включены в пятитомник «Стихотворений и поэм» [Т. 1, с. 114–115].

Стихотворение «Начало» – вариант одноименного произведения, увидевшего свет в книге «Стихи» (1978) [Т. 1, с. 119]. Однако найденный список 1961 г. не аналогичен опубликованному в 1978 г. тексту и на стро-

фу короче варианта из литинститутской рукописи «В конверте без марки», имеющегося в комментариях к пятитомнику [Т. 1, с. 120].

Находки ведут к важным текстологическим выводам и уточнениям. Но не только. Зная обстоятельства дарения этих двух блокнотных листов, можно с большой долей вероятности утверждать, что название рукописной тетради «В конверте без марки» (литинститутский период) биографически точно соответствует факту переписки с другом. Юрий отсылал из Читы стихотворения Вадиму, марок на конверт не наклеивая; обычно так и пересылались письма всех солдат-срочников.

Мы говорили, что, даря Вадиму Петровичу сборники стихов, Кузнецов сопровождал их надписями – «...с дружеским рукопожатием», «Последнему другу...», «...у бездны на краю», подчеркивающими взаимопонимание во всем, вплоть до самых трагических поворотов судьбы. Надпись «Нежайшему другу» посредством орфографии вместила гамму оттенков `ближайшему`, `неразлучному`, `нежнейшему`. Автограф Юрия Поликарповича на книге «После вечного боя» заканчивался словами: «Молчи и молись, друг!».

Три стихотворения на пожелтых листах блокнота в мелкую клеточку, найденные осенью 2021 г., хранились у Неподобы вместе с письмами, другими автографами стихов, телеграммами. Это лишь малая толика сокровищ затерянной папки. Но и они важны для истории творческой дружбы длиной в 45 лет.

С уходом Валерия Горского (1987 г.), одного из трех поэтов-одногодков, двое оставшихся глубже осознали смысл неразлучности на перепутьях литературного процесса и жизни, где все перекликается со всем.

Перекличку высветила и находка из семейного архива И. М. Ждан-Пушкина, пополнившая Кузнецовский фонд КГИАМЗ рукописью неизвестного до-

толе стихотворения «Служба»⁴⁷ и сборником лирики «Гроза», на титульном листе которого читаем:

Игорю Ждан-Пушкину, старшему товарищу моего детства, человеку, который меня “открыл”.

Благодарный Юрий Кузнецов.

5 августа 1966 г.

Обращают на себя внимание характеристика *старший товарищ*, моего детства и выделенное кавычками слово «открыл». Конечно, не все ответсекретари газет внимательны к полудетским упражнениям в стихотворстве, далеко не каждый журнальный работник готов бороться за таланты, как это делал Игорь Михайлович Ждан-Пушкин.

Кузнецов помнил его звонок в Тихорецк весной 1958 г.

Девятиклассник послал в краевую газету «Комсомолец Кубани» лирические стихи, которые забрала районная многотиражка, охотно печатавшая рифмованные опусы на производственную тему. А Ждан-Пушкин оценил и поддержал именно наличие «своего» – как признак настоящей поэзии. Через два десятка лет московские издатели, готовя очередную книгу поэта, предложили в качестве вступления поведать о начале творческого пути. И он назвал тот телефонный разговор одним из *трех поворотных событий* начальной биографии, перешедших в сквозные темы стихов: «К ним я буду возвращаться, видимо, еще не раз»⁴⁸.

---

⁴⁷ Текст рукописный стихотворения «Служба» поэта Юрия Поликарповича Кузнецова // КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына. URL:https://archivogram.top/36151087-tekst_rukopisnyu_stihotvoreniya_sluzhba_poeta_yuriya_polikarpovicha_kuznetsova (дата обращения 14.01.2024).

⁴⁸ Кузнецов Ю. П. «Рожденный в феврале под Водолеем...» // Кузнецов Ю. П. Стихи. М.: Сов. Россия, 1978. С. 7. До книги «Стихи» (1878) вышли три сборника: «Гроза» (Краснодар: Краевое кн. изд-во, 1966), «Во мне и рядом – даль» (М.: Современник, 1974), «Край света – за первым углом» (М.: Современник, 1976). В том же году – сборник «Выходя на дорогу, душа оглянулась» (М.: Мол. гвардия, 1978).

Автобиографический очерк Кузнецов озаглавил строкой «Рождённый в феврале, под Водолеем...».

Еще 12 лет спустя, в 1989 г., снова написал очерк под тем же заглавием, но повел речь не столько о себе самом, сколько о специфике «мифического сознания», подчеркнул родство этимологии слов *начало* и *конец*, и то, что в мифе мир отображается круглообразно:

Раньше было одно слово, выражающее цельное представление. Оно осталось невидимой точкой, вокруг которой вращаются представления начала и конца. Когда-то из этой точки вышли космогонические мифы о Мировом Яйце и Мировом Древе, которое тоже круглообразно. (Абрис корневой системы и кроны.)

Мифы – мертвы, они пережиток, считают однодневки-исследователи, имеющие дело с мертвым словом. Поэт так не думает [Тропы, с. 177].

О живой воде Мифа у нас речь впереди (глава «Русский Миф – поэт»). А в настоящий момент вспомним самохарактеристику поэта из эссе «Рождённый в феврале, под Водолеем...» (1989).

Во мне рано обнаружилась одна особенность: в ребенке, в его младенческих чертах я угадывал, каким он станет в старости, а в старике – наоборот. Наблюдая людей, я развил эту способность и мог видеть человека сразу в полном объеме, от рождения до смерти. Поэтому-то в моих стихах много детей и стариков, много связующих начал и концов [Тропы, с. 59].

«Видеть человека сразу в полном объеме, от рождения до смерти» – ключевая установка персонального мифа Кузнецова. Этот миф воспроизводит сознание устойчивое, обретающее полноту в опоре на незыблемое целое. В интервью 1977 г. [Тропы, с. 147] на вопрос: «Лучшая книга. Она впереди?» поэт ответил строками стихотворения «Тридцать лет»: «Не написана лучшая книга, / Но небесные замыслы есть». И пояснил:

“Лучшая книга” – надо понимать, книга жизни. Так вот,

она – и позади, и впереди. Больше, конечно, впереди. Мне надо много своих замыслов воплотить, чтобы ее написать. Хватит до последних дней жизни.

С детства он сочинял стихи, «не задумываясь, что это такое». Однажды тетрадку стихов просмотрел живший по соседству работник местной прессы⁴⁹ и строго сказал: «Не то! Напиши: о машинисте или о доярке» «Это был мой первый наставник, но я сразу почувствовал глухую неприязнь. Такова была участь всех моих наставников: они меня не понимали». Паренек написал о трактористе, стихотворение напечатала районная многотиражка «Ленинский путь». Но от «своего» все же отступить не хотелось. Он отправил кое-что из забракованного соседом в молодежные издания других городов и ждал ответа.

...Как-то зашел вдруг инструктор из райкома комсомола. «Звонили из Краснодара, – сказал он, – одобряли твои стихи. Вечером еще будут звонить в редакцию. Иди и жди...» Всё во мне взмыло на недостижимую высоту и запело. Неважно, кто звонил. Главное, о т т у д а! Об этом мгновенно узнали соседи. На меня приходили смотреть.

– Господи! – говорили моей матери. – Что у него за лицо!..

Прибежал я в редакцию и сел у телефона. Припомнил: я посылал стихи куда-то, в Краснодар, а может, еще куда?.. Невероятные мечты и предположения носились в голове.

---

⁴⁹ В письме Е. М. Сидорову в 2001 г. поэт рассказал: «В 1957 году с нами в одном доме по ул. Меньшикова, 98 (ныне там пустое место) жил некто Павлов, собкор газеты “Советская Кубань”. Это он мне посоветовал писать на рабочую тему. С его лёгкой руки я послал своё стихотворение о трактористе в газету “Ленинский путь”. Через две недели оно было напечатано. То-то было радости! А ведь стихотворение «дежурное», слабое. Вскоре в редакции “Ленинского пути” я познакомился с главным редактором. Это был Григорий Арсениевич Дзекун, добрый человек и большой патриот Тихорецка. Это он поведал мне анекдот о Марке Твене. И охотно продолжал печатать мои серые стихи, про которые мне стыдно вспоминать».

Анекдот – о том, что у Марка Твена украли чемодан, когда он проезжал станцию Тихорецкую.

Я как бы заснул в них. Меня разбудил звонок. Кто-то хвалил мои стихи, особенно строчку: “Выщипывает лошадь тень свою”. Кто-то сообщал, что на днях проездом будет на нашей станции, так чтоб я его ждал на перроне.

Но в условленный день никто ко мне не подошел, и поезд просвистел мимо. Что же я тогда ждал, что ко мне сам Гёте будет спешить?..

Неважно, кто звонит, и даже неважно, откуда звонят. Но тогда я об этом не знал <...> А звонок... Что ж, я о нем вспомнил, когда писал поэму “Золотая гора”⁵⁰. Наверно, он и был тот самый “извет о золотой горе”, на которую желают взойти все, кто пишет прозой или стихами [Тропы, с. 147].

Необычным выражением *извет о золотой горе* Кузнецов назвал отклик на поэзию, – таинство душ, сближающее одаренных людей.

По телефонному проводу паренек неточно расслышал фамилию того, кто звонил ему из Краснодара в Тихорецк (Жбан), не догадался спросить, какую должность он занимает... Но запомнил совет послать подборку покрупнее («все стихи») в литературный отдел газеты «Комсомолец Кубани» некоему Панченко. На имя этого литсотрудника он отправил письмо:

Здравствуйте, уважаемый тов. Панченко! Вы, вероятно, осведомлены, что на Ваше имя придут мои стихи: товарищ Жбан-Пушкин, сотрудник редакции, говорил по телефону, чтобы я все свои стихи прислал Вам <...> Товарищ Жбан-Пушкин говорил по телефону, чтоб я подробно сообщил о себе. Маленькую толику сообщаю.

Живу с матерью. Отец погиб на войне под Севастополем <...> Мне скоро будет восемнадцать лет. Учусь в школе. Кончаю девятый класс [Т. 1, с. 481–482].

Собиравший биографические материалы для книги о Кузнецове Вячеслав Огрызко записал в 2009 г. со слов писателя Виктора Ивановича Лихоносова такое свидетельство:

---

⁵⁰ Поэма «Золотая гора» написана в 1974 г.

Ждан-Пушкин всю весну шестидесятого года носился по городу с двумя поэтическими строчками: “И снова за прибрежными деревьями выщипывает лошадь тень свою” <...> Я соглашался: такого образа в нашей литературе еще не было. Но кто придумал эту лошадь? Ждан-Пушкин сказал, что стихи написал какой-то парень из Тихорецка, которого он любыми путями решил вытащить в Краснодар на совещание молодых писателей [Т. 1, с. 484].

По итогам творческого семинара молодых литераторов в «Комсомольце Кубани» 28 июня 1960 г. напечатали четыре стихотворения Юрия Кузнецова: «Комбайнёр» («Так вот где, сверстник, встретил я тебя»); «Я жил, как все, в любви или в обиде...»; «Морская вода»; «Есть люди открытые, как пустые квартиры» (в сборник «Гроза» оно вошло как «Триптих мирской»). Игорь Ждан-Пушкин тогда же предложил поставить в перспективный план Краевого книжного издательства выпуск сборника лирики Кузнецова, но реально дебют состоялся после демобилизации с воинской службы, в 1966 г.

Подписанный на титульном листе экземпляр сборника «Гроза» хранился в домашнем архиве Ждан-Пушкиных вместе с листком стихотворного автографа:

Служба

Сжата память в кулак,
Сжаты замыслы, письма, свиданья.
Как намек, как культура, как смерть,
Не доходит любовь – объясните вы мне!
Мы пробиты прыщами.
Как мат,

Откровенны у нас сновиденья.
Ходим в странной одежде,
Какую носили отцы на войне.
Только эти сравненья
Покажутся литературны и глупы,
Когда гаркнет дежурный: – Равняйся! –

И в шеренгах дыханья сомнут.
По ранжиру – один к одному.
И в ямочках круглых,
Подбородки взнесутся.
    Как гребень волны,
И над миром замрут.
И ударит эпоха в литавры земных полушарий,
И вздрогнут как нервы, границы,
И пойдут, и пойдут батальоны –
Невесты заплачут навзрыд.
И проснутся отцы на забытых фронтах
И поднимут пустые глазницы.
Млечный Путь
Из-под толстых стандартных подошв запылит...

Юрий Кузнецов
Игорю Ждан-Пушкину,
старому, как детство, товарищу
26.4.66 г.

Текст важен среди ранних произведений Кузнецова как свидетельство связи «начал и концов» в его персональном мифе – «круглообразности» алгоритма, удерживающего объем жизни как таковой.

Подобный алгоритм заложен в сюжетное строение поэмы «Золотая гора» (1974), которую Юрий Кузнецов задумал и написал как хождение за объективной, постигаемой «в глубокой тишине» мерой Истины. Из строк поэмы явствует, что любовь – отклик глубины душ человеческих на высоту истинной поэзии.

Он пил в глубокой тишине
За старых мастеров.
Он пил в глубокой тишине
За верную любовь.

Она откликнулась, как медь,

Печальна и нежна <...>

На высоте твой звёздный час,

А мой – на глубине.

И глубина ещё не раз

Напомнит обо мне.

Любовь «откликнулась как медь, печальна и нежна»... находка из семейного архива Ждан-Пушкиных помогает расслышать камертон кузнецовского персонального мифа, увидеть значимость перехода от книжных метафор к реальным поступкам.

Свой путь к взрослению Кузнецов отмерял тремя веками. За первой осталось детство (мечтательность тихорецкого паренька, просидевшего два года в 9-м классе из-за того, что увлеченное писание стихов мешало освоить школьную программу). За второй – пединститутский опыт (отказ от «литературности»). Третьей вехой было расставание с Краснодаром. Перерастаи «территориальные рамки» помогла служба в армии. Однако он знал, что перерастание дается целостным переосмыслением опыта, приходящим не сразу – вызревающим при целостном взгляде на пройденное.

Зрелость наступает вместе с возможностью вобрать целостность мира.

Валерий и Вадим думали так же. И проявили недюжинное чувство юмора, оформив отъезд Юрия на литинститутскую учебу осенью 1966 г. тем, что вручили под медные раскаты духового оркестра уезжающему другу огромный, как земной шар, арбуз. Пафос вокзальных проводов обыграл строку «И ударит эпоха в литавры земных полушарий» – плакатную отсылку к кубинским событиям, имевшуюся в подаренном Ждан-Пушкину и явно известном им тексте.

Потрясают осенний перрон
Золотые литавры⁵¹ и трубы.

Их прислало бюро похорон
По изысканной выдумке друга.

Круглообразное схождение всех параллелей на пиру жизни символизировал шар арбуза, зеленый как крона Древа Жизни. В честь всего настоящего, как Земля (не плоских окружностей карты земных полушарий) – гремела звонкая медь оркестра.

С такой же щедростью творческого оптимизма ответил и Юрий. Его «Прощание с Краснодаром» – знак благодарности неразлучному братству поэтов – явило душевную полноту, которая, стирая наносное, дает слияние голосов в потоке, заставляющем «удивленно зажигаться окна, а потом не гаснуть до зари» (слова из стихотворения Вадима Неподобы «Памяти Валерия Горского»). «Чем мы жили? Только хрупкой верой / В неслучайность нашу на земле. / Свыше голос чудился нам в шуме / Городов. Мы верили ему...» (из того же стихотворения).

Юрий Кузнецов назвал «молодости раскатами» тот мальчишеский максимализм, то желание «носить одежду как фронтовики», то упорство в «спорах до хрипоты» о современном искусстве. Взаимное понимание росло из отвержения манерности и показных эффектов. Даже при увлеченности яркой метафорой все трое внутренне тяготели к тому, чем плоды зрелого урожая весомее первых проклюнувшихся почек.

---

⁵¹ Для благозвучия поэт назвал литаврами другой инструмент духового оркестра – медные («золотые») тарелки. Громоздкие барабаны литавры слишком велики; их используют при исполнении симфонических произведений со сцены, а не в походных передвижных оркестрах.

Стихотворение, автограф которого весной 1966 г. Юрий Кузнецов вложил в подаренную Игорю Ждан-Пушкину книжку лирики «Гроза», не похоже на созданное осенью того же года «Прощание с Краснодаром». Кузнецов (см. приписку «Старому, как детство, товарищу») соотнес его с ранним отрезком биографии, когда армейская служба была еще впереди. Как и юношеская поэма «Полные паруса» (мальчишечий взгляд на героев-тружеников рыболовецкого судна)⁵², «Служба» была фантазией, растворившейся в реальном опыте, полученном на пути к взрослению.

Стихотворение риторично, каркас логики задан цепочкой метафор: когда связь времен проснется от рыдания солдатских невест, «откроют пустые глазницы» погибшие на фронте отцы воинских поколений. Читатель, следуя траектории авторской мысли, видит одно за другим: сначала шеренги солдат на огромном плацу (по команде «Равняйся» подбородки взметнулись, подобно волнам мирового океана); потом карту полушарий Земли; и, наконец, космические дали. Но при этом «Служба» – шагок к будущему «Прощанию с Краснодаром». Почка дала-таки плод по мере того как трое мечтателей повзрослели.

Созревание предполагало неразрывность слов и дел. Осенью 1966 г. Вадим и Валерий привели на перрон духовой оркестр⁵³ и подарили своему Юрке на дорогу арбуз, живой аналог земного шара.

Может быть, я, ребята, вернусь!
Но прощальными машут руками.
И на память мне дарят арбуз,

---

⁵² См. с. 82–87 нашей книги.

⁵³ Эхо этого эпизода – прозвучавшие из уст верной любви («Золотая гора») слова: «Она откликнулась, как медь, / Печальна и нежна / – Тому, кому не умереть, / Подруга не нужна».

Исцарапанный именами.
Я читаю: «Валерка», «Вадим»,
Кабаки, переулки, закаты...
Мы неверным молчаньем почтим
Нашей молодости раскаты <...>
Не грустите, Валерка, Вадим,
Я вернусь знаменитым поэтом.
Мы ещё за успех воздадим,
Шапку оземь и хвост пистолетом!

По мемуарному очерку того же Александра Федорченко, который, как мы говорили, на рубеже 1990–2000-х был сотрудником журнала «Родная Кубань», не представит особой трудности обрисовать расклад мнений местной литературной среды. Пафос очерка «Романтик родимых дорог»⁵⁴, вышедшего в подборке 6-го номера «Литературной России» за 2011 г., окрашивают упреки за то, что эта среда отторгла Кузнецова.

«Мне думается, – написал А. Федорченко, – мощь и оригинальность кузнецовского стиха, его космизм, способность поэта различать еще никому невнятные звуки нарождающегося хаоса – все это <...> от русской почвы, русского народного эпоса, столь своеобразно преломленных в поэтическом сознании». Мемуарист подчеркивает: раздвигая рамки привычных понятий, Кузнецов, «как это и свойственно большому таланту», встал в поэзии особняком («ему трудно подражать»). Очерк критичен по отношению к «местным высоколобым “ценителям”», которые «ничего лучшего у него не отыскивали, кроме строки о том, как в лунную ночь лошадь выщипывает свою тень. “Старик! А ведь здесь что-то есть! Что-то есть!”» (передано мнение Игоря Михайловича Ждан-Пушкина

---

⁵⁴ Федорченко А. Романтик родимых дорог // Звать меня Кузнецов, я один: Воспоминания. Статьи о творчестве. Оценки современников. М., 2013. С. 77–85.

о ранних стихах Кузнецова). Реакция других краснодарских мэтров на поступление Кузнецова в Литинститут, говорит Федорченко, была снисходительно-великодушной: «Другие, так те и вовсе великодушничали: “А мы его в Москву отправили. Пусть там подучится”».

Итак, зачем молодой провинциал решил «учиться на поэта» в Литинституте? Сторонние наблюдатели полагали: для внешнего лоска, ради возможности стать знаменитым. Но есть принципиально иные суждения. Та же «Литературная Россия» опубликовала записи Сергея Гонцова по следам бесед «обо всём на свете» с Мурманом Джгубурия, переводившим кузнецовские стихи на грузинский язык:

...Собеседник довольно чеканно сформулировал отличие “гения” (например, Кузнецов) от “классика” (поставьте сюда любое подходящее имя, какое больше нравится).

“Гений” – это “пробойщик”, а классик – и “пробойщик”, и “пространственник”. Таким образом – посредством деятельности Кузнецова что-то было “проломлено”, и хвала Творцу за это. Правда, проламывал Кузнецов что-то – неким своим пространством⁵⁵.

Сам Кузнецов («Золотая гора», 1974) говорил о движении по извету глубины, которое противоположно установкам европейской образованности. Герой поэмы, взойдя к застолью олимпийцев, «слил в одну из разных чаш осадок золотой»... Но глубина дается не этим. Для глубины нужна неотделимость от народа, верность «сказке русского лица».

Сквозь самобытную природу Русского Мифа увидеть лицо Земли, как видят космические братья Солнце и Луна, – вовсе не прихоть фантазии. Сказка сказывается, наполняя живой водой «неупиваемую чашу» земного бытия.

---

⁵⁵ Гонцов С. Каменщик был и король я // Литературная Россия. 2011 № 6. 23.02.2015. URL: <https://litrossia.ru/> (дата обращения 14.01.2024).

Я пил из черепа отца
За правду на земле,
За сказку русского лица
И верный путь во мгле.

Вставали солнце и луна
И чокались со мной.
И повторял я имена,
Забывшие землёй.

Зрелый ответ на пиршественное приглашение друзей, описанное в «Прощании с Краснодаром»,⁵⁶ дало стихотворение «Я пил из черепа отца». Дата его создания – 9 мая 1977 г., объединяет память о Дне Победы и дне похорон боевого командира Поликарпа Кузнецова, геройски павшего в 1944 г. Символично, что в персональном летоисчислении сына-поэта на 1977 г. пришлось 33-летие (возраст Христа).

Кузнецову курс Литинститута помог в целенаправленной работе над «круглообразной» концентрацией ходов поэтической мысли.

Разбирающим стихи Юрия Кузнецова литературоведам, критикам следует учитывать, как сказка сказывается: специфика персонального мифа поэта такова же, как связь «всего со всем» в поле эпических энергий Мифа отечественной культуры⁵⁷. Гений (ген, матрица органично развитого культурного предания) в нем – скрепа пространства (судьбы народа в прошлом и будущем). Когда нет возможности, пробив затор,

---

⁵⁶ Корка арбуза, если его не резать, а есть, вычерпывая мякоть и сок, напоминает пустой череп.

⁵⁷ Внутренняя энергетика персонального мифа Юрия Кузнецова подобна гравитации сил, выстроившей макрокосм судеб наших соотечественников XIX столетия как золотой век. В последующих главах книги мы рассмотрим вопрос о взаимосвязи мифа национальной культуры с персональными мифами ее представителей.

вернуть к работе «часы вечности», остановленные вследствие искусственно созданной перегородки, нарушен космический закон. Нет абриса симметрии, и органично развитая крона невозможна без полноценных корней Древа Жизни.

Абрис симметрии восстановится, если вернуться к мышлению метонимичному (по целому видеть часть, по части целое). Грузинский переводчик Мурман Джгубурия в беседе с Сергеем Гонцовым сказал: хвала Творцу, что не лишил нас возможности проломить заторы.

Если «посредством деятельности Кузнецова что-то было “проломлено”», ошибочно полагать, что поэт двигался навстречу «звукам нарождающегося хаоса» (по А. Федорченко, в этом и «космизм кузнецовского стиха», и особенность «русской почвы, русского народного эпоса»).

Только игнорируя суть творческого метода, делающего все в жизни неслучайным, можно трактовать жизненные шаги, планы, намерения Кузнецова как калейдоскоп случайностей. Тем более – приправлять рассказ о биографии поэта снобизмом. В очерке В. Огрызко «Нашей молодости раскаты» отношение Кузнецова к провинции прокомментировано с опорой на строки «Не грустите, Валерка, Вадим, / Я вернусь знаменитым поэтом. / Мы ещё за успех воздадим...»: «Кузнецов оказался прав наполовину. Он действительно стал знаменитым поэтом. Но в Краснодар уже не вернулся. Может, это было и к лучшему. Иначе поэт точно быстро бы завял, как Горский и Неподоба»⁵⁸.

На самом-то деле никто не «завял» и не распрощался друг с другом, когда детский и юношеский этапы

---

⁵⁸ Огрызко В. «Нашей молодости раскаты» // ВикиЧтение. Газета День Литературы 2009. № 160 (12). URL:<https://pub.wikireading.ru/161270> (дата обращения 14.01.2024).

остались позади. Пришла зрелость братства. Для неразлучных спутников на поэтической стезе устойчивость жизненных связей уже никогда, ничем не могла быть перечеркнута, отброшена.

По свидетельству Елены Николаевны Неподоба (жена поэта)⁵⁹ и Любви Кушнир (младшая сестра В. П. Неподобы), познакомились эти юноши не в институтских стенах. На два года ранее, летом 1858 г., в Краснодаре проходил краевой семинар молодых литераторов Кубани, куда пригласили 17-летнего белореченского школьника Вадима Неподобу и его сверстников, приехавших из Тихорецка – Юрия Кузнецова Валерия Горского. «Они стали впоследствии его самыми близкими друзьями <...> Трое друзей были совершенно разными и внешне, и характером, абсолютно непохожими во всем <...> очень мощным, и внутренне и внешне, был Юрий Кузнецов. Валерий Горский, напротив, тихий, застенчивый, интеллигентный, иногда безвольный перед жизненными обстоятельствами, нежный и тонкий лирик. Он мог “шепотом” достучаться до любого сердца⁶⁰. Вадим же был импульсивным, зачастую эмоционально несдержанным, мог, невзирая на лица, сказать человеку, что он думает. В пылу спора эмоции захлестывали здравый смысл, в этот момент он мог рубануть плеча, а потом, поостыв, сожалел об этом и приносил извинения»⁶¹.

Стремление быть модным и успешным рождает соперничество. «Казаться, а не быть» – удел умов незрелых – заканчивается «сплошной литературщиной».

---

⁵⁹ Неподоба Е. «Неслучайность наша на земле...» // Кубанский писатель. 2016. № 2. С. 2–3.

⁶⁰ Так сказала о Горском радиожурналист Наталья Деняк в записанной ею беседе с Юрием Кузнецовым и Вадимом Неподобой (1990-е гг., цикл радиопередач «Ренессанс» о художественной интеллигенции XX в.).

⁶¹ Кушнир Л. П. Семья поэта .... С. 130–132.

Отлично понимая это, Кузнецов писал одному из молодых амбициозных литераторов: «Ни одного живого слова. Видимо, серебряный век соблазнил Вас книжными призраками. Не забывайте, что это век распада. Вы хотите казаться, а не быть <...> Если вы не обратитесь к реальной жизни, из Вас ничего не выйдет: не только поэта, но и полноценного человека» [Тропы, с. 259].

Сцепление судеб отцов и детей вывело траекторию жизни трех друзей-поэтов 1960-х за рамки индивидуалистического существования. Складывался по-русски понятный смиренно-личный итог.

Валерий и Юрий к моменту поступления в институт хорошо знали друг друга. На филфаке их взял под крыло второкурсник Вадим Неподоба, руководивший литературным кружком. Парней сблизило то, что все они с пеленок хлебнули военного опыта.

Родители Валерия выбрались по завершении обороны Ростова в Краснодарский край, надеясь, что теплый климат спасет от астмы их рожденного 26 ноября 1941 г. сына. Вадим появился на свет в Севастополе 26 февраля 1941 г. и еще не умел ходить, когда мать, спасая двух маленьких сыновей от бомбардировок, перебралась в землянку, вырытую около 30-й батареи, где заряжающим одного из артиллерийских орудий служил ее муж. Поликарп Кузнецов командовал отрядом разведчиков при форсировании Сиваша, освобождал Крым и Севастополь, погиб на Сапун-горе, когда его младшему сыну Юре было три годика. Мальчик знал отца лишь по рассказам матери, а войну – по ее же воспоминаниям о том, как семья красного командира (Раиса Васильевна с тремя детишками) жила под немецкой оккупацией в станице Александровской, когда враги заняли Краснодарский край.

«Нас настигла война, ветер фронта ударил наотмашь...». Эта фраза пединститутского дневника заканчивается словами: «Мать читает листки пожелтевшие

писем – всё что осталось от дыма боев и отца» [Тропы, с. 320]. Но путь взросления требовал стать мужчиной. Еще раз напомним строки стихотворения «Служба»: «Ходим в странной одежде, / Какую носили отцы на войне. / Только эти сравненья / Покажутся литературны и глупы, / Когда гаркнет дежурный: – Равняйся –». В том же дневнике читаем:

Я лег головой на стол. Сосед-студент спросил:

– Когда тебя разбудить?

– В субботу, когда кончатся занятия.

А был только понедельник <...>

Кривыми молниями я вычертил свою биографию. Жребий брошен. Как по воде от камня, расходятся круги. Это круги под моими глазами. Глубокий мороз Сибири водочной крепости. Он обжигает насмерть. Южане, мы хлюпаем носами на таком морозе и шарахаем задубельми, как саркофаги, сапожищами. Я правофланговый [Тропы, с. 322].

Отучившись один курс, Юрий, не сдавая летнюю сессию, вернулся в Тихорецк. К решению пойти на срочную службу в армию подтолкнул конфликт со средой, не принимавшей его высокомерия. Но строгий анализ собственного чувства неприкаянности вел юношу к совершенно противоположному выводу:

Человек не ставит себя выше других; выше себя его ставят эти другие, хотя бы потому, что всячески противятся этому [Тропы, с. 319].

Ответ на заданный самому себе вопрос: «Когда я только стану официально признан поэтом, чтоб были оправданы все мои недостатки!» – юноша искал в свете целостного результата («...Хочу быть дисциплинированным, как красота») и относил к недостаткам все отвлекающее от дисциплины («Я обладаю множеством достоинств, но обнаруживаю только недостатки»). Цитируем мартовские 1961 г. записи, из которых ясно, что решение покинуть стены пединститута было не спонтанным.

Стихотворение «Прочтите наши дневники» Юрий Поликарпович напишет тремя годами позже, 4 апреля 1965 г.:

Чтоб разобраться в жизни сложной
Мы прибегаем к дневникам.
И падая,
        и чуть прихрамывая,
Зажав мозоли в кулаки,
Несём мы наши биографии
Распухшие, как дневники.

В дневниках армейской поры будет прямо сказано: «Начинались поиски отца. Мне нужен был он».

В карауле перед заступлением на пост написал заявление в партию. Я его сложил вчетверо и положил в карман. Я [еще не] не спешил подавать его. Мне надо было еще многое обдумать, еще многое мне было неясно. Ясно было одно: отец стоит со мной рядом и он мне поможет во всем разобраться [6, с. 321].

Юрий ушел в армию по осеннему призыву 1961 г., демобилизовался в июле 1964-го. Прибыл к родным берегам на пароходе «Грузия» с последней партией солдат-срочников, летом 1962 г. переброшенных на Кубу в связи с Карибским кризисом.

Вадим служил в ракетных войсках. Его, как окончившего вуз,⁶² мобилизовали спустя год, хотя забирали на три.

Осенью 1964-го вагон поезда мчал новобранцев на Урал. Георгию Шестакову, которого взяли со 2-го курса политеха, запомнилось, как этот парень вслух читал стихи под стук колес. Оба оказались в Нижнем Тагиле, но Георгий проходил срочную службу без сокращений, ровно три года.

---

⁶² Вячеслав Неподоба также поступил в пединститут, но позже Вадима. Попал на один курс с Виктором Лихоносовым, но дружил с другим однокашником – Юрием Селезнёвым.

Еще через несколько лет, в 1979 г. ученик и многолетний подопечный Вадима Виктор Чумаченко познакомил своего учителя с Еленой Шестаковой. Она, недавняя однокурсница Виктора, тогда работала в обществе книголюбов. Встреча эта подарила Вадиму Неподобе неразлучную спутницу жизни и еще одного брата (шурина) в лице бывшего однополчанина – Георгия Шестакова.

Такая кристаллизация судеб органично делает родным все искреннее, честное, талантливое.

Каждый в зрелости торил свою, вполне достойную и самобытную стезю, однако десятилетие за десятилетием из этого сплетался неразрывный узел.

Из трех друзей-одногодков Валерий Горский скончался первым, в 1987-м; в ноябре 2003-го не стало Юрия Кузнецова; Вадим Неподоба умер в сентябре 2005-го.

«Очень тяжело пережил он смерть своего гениально-го друга Ю. Кузнецова: “Я уйду вслед за Юрой”. Каждая из их встреч, которыми он напряженно жил, была для него всегда радостным событием», – читаем в очерке В. К. Чумаченко «В своей судьбе мы не вольны...»⁶³.

Взаимоотношения Неподобы – Горского – Кузнецова мы показали во втором разделе этой главы по фактам из переписки Юрия с Вадимом. Но были и рукописи стихов.

Одну из них в конце 2021 г. А. Федорченко передал Н. Ламосовой вместе с ксерокопией письма Кузнецова Вадиму Неподобе от 20 февраля 1978 г.

Расскажем еще кое-что важное об этой рукописи на двух листах блокнота в мелкую клетку (со скругленными краями, поуже листов школьной тетради).

Чтобы уместились в почтовый конверт, листки были согнуты пополам. Скорее всего, они пришли к Вадиму

---

⁶³ Чумаченко В. К. «В своей судьбе мы не вольны...» ... С. 11.

Неподобе по почте из дальневосточной воинской части (г. Чита), где отбывал «учебку» Юрий в первый год своей армейской службы.

Нумерация в правом верхнем углу показывает, что листы были 8-м и 9-м в некоем рукописном сборнике. Он был составлен позже школьных («Сочинения Ю. Кузнецова», «Избранные сочинения Кузнецова Юрия П. ЛИРИКА. Стихи и песни» и др.), раньше литинститутского сборника «В конверте без марки».

На лицевой части 8-го листа размещены два стихотворения.

Верхнее из них – «Мальчики» еще не введено в научный оборот.

По характеру самонаблюдений и душевному состоянию лирического героя оно имеет аналоги в автобиографической прозе, дневнике времен пединститута, а также двух стихотворениях с датировкой 4–8 апреля 1965 г. («Прочтите наши дневники», «Молодые художники») из рукописной тетради «В конверте без марки».

Эта пара стихотворений отражает конфликт между двумя составляющими души лирического героя – человека одновременно и «городского», и «природного». Мотивы темноты (тревожный опыт военных переживаний, дыхание ночного моря, «фаэтон рояля») сложно аккомпанируют тяге к облакам.

В стихотворении «Мальчики» (1961) показана смута чувств юного существа, которое неясно понимает, что с ним происходит («Я ничего вокруг себя не разобрал!»), и мучимо обступающим одиночеством.

Мальчики

От взглядов женщин, как удавов, холодели,
Грустя, мечтали о высокой красоте.
Тянули папиросы, как коктейли,
И о любви пытали сверстниц в темноте.

Краснели девочки и ничего не говорили
Они, наверно, не умели говорить.
Они вам – ласковые – ласки не дарили –
Не приходилось, видно, в жизни им дарить.

На танцах пропадали вы,
О пропадали!
Сгорая на корню, я тоже пропадаю.
К раскосым декольте, танцуя, припадали.
Самонадеянный, я тоже пропадаю.

Один, без девушки, я возвращался с танцев,
И облакам плывущим
  долго вслед кричал:
– Куда вы всё уходите?
Останьтесь!
Я ничего вокруг себя не разобрал!

Возможность объективной самооценки и есть граница между художником и нехудожником. Такова основная мысль стихотворения «Молодые художники» (1965). «В дыму осеннем папирос / Мы бредим импрессионистами / Талантливыми, как мороз». Оно рисует атмосферу магнитофонных вечеринок, наполненных бесконечными спорами о модных, наполненных яркой экспрессией течениях в искусстве.

Мы спорим яростно и часто,
В судьбу поверив горячо.
Ещё мы мальчишки,
Мы счастливы,
Но не художники ещё.

Бездумное счастье – признак либо детской незрелости, либо самоуспокоенности косного ума: «Счастливые не исповедуются, / Нет биографии у них». В стихотворении «Прочтите наши дневники» это ангельское состояние осмыслено как недоступное тем, кто спорит,

«в судьбу поверив горячо»: «...В жизни нечто чертовское / Толкает, будто голод, нас. / Смеясь и мучаясь не меньше, / Мы дышим, как во тьме волна. / Везёт на беспощадных женщин, / Нас отлучающих от сна. / Они, как мины, в нас заложены, / Как грусть по белым облакам».

В «Молодых художниках» мотив тяги к искусству передан метафорой, которая позволяет осознать движение музыкальных фраз как звучание («фаэтон рояля длинный / Нас по булыжникам везет»), подхваченное извне вовнутрь («А после / фаэтон рояля / Развозим по домам»).

Продолжая разговор о тексте стихотворения «Мальчики», хранившемся в папке автографов Кузнецова, накопленных Вадимом Неподобой за десятилетия дружеского общения, скажем: почерк бисерно мелок. Чуть более крупны буквы в стихотворном тексте «Начало», занимающем нижнюю половину листа.

«Начало» – ранний вариант, отличающийся от более позднего (рукопись «В конверте без марки») разбивкой на строфы и двумя лексическими расхождениями. Мы отметим их прямым полужирным шрифтом.

Три строфы найденного варианта этого стихотворения описывают три среза жизненных впечатлений.

Атмосфера вечеринок («бьющая как ночные джунгли» музыка, залистанные книги Хемингуэя, курево и коктейли, громкие споры, флирт, шутки, хохот) уже позади. При прощании раздарены друзьям и подругам модные записи джаза (их изготавливали кустарным способом на пластинах рентгеновских снимков), докурена последняя на гражданке заграничная сигарета.

И вот – ночь, железная дорога, свист ветра за окнами мчащегося поезда; остриженные новобранцы (лирический герой – один из них) до хрипоты наорались песен и спят, «открыв, как от песен, рты».

Начало

С разбитой рентгеноплёнки
бил джаз как ночные джунгли.
Хемингуэй залистанный
вёл о коктейлях спор.
Острили да хохотали,
но, наплевав на шутки,
Пришла из военкомата
повестка, как кредитор.
Я раздавал пластинки
с джазами на скелетах,
Девчонкам, которых обманывал,
прийдя, говорил: прости.
До пальцев я допил последнюю
французскую сигарету,
Прощаясь со всем, что было,
и тем, что могло б прийти.
Как сердце, вагон качало,
и звёзды в окне свистели.
Остриженный, с чемоданом,
глядел я из темноты.
И песни, что знал по Бровкину,
охрипнувши, пел со всеми.
А после мы спали в обнимку,
открыв, как от песен, рты.

Этот текст (12 строк), хотя с графической разбивкой лесенкой визуально он выглядит как 24 полустроки, короче известного по рукописному сборнику «В конверте без марки», где Кузнецов добавил между второй и третьей строками четырехстрочие со словами, что мальчикам в узких джинсах «недоставало самих себя».

Причина «прощанья со всем, что было», – отторжение «пустяков случайного»; совершен выбор в пользу того, чем, пусть и не сразу, но выстроится судьба.

Мы процитируем добавленную в литинститутский период строфу⁶⁴ чуть позже, при разборе сюжетно-композиционной логики всей подборки, посланной другу-студенту из армии.

Третье произведение найденной с помощью А. Г. Федорченко рукописи – «Полные паруса» наиболее пространно и имеет подзаголовок «ПОЭМА». Это ранний вариант стихотворения «Полные паруса», напечатанного в сборнике «Гроза» (1966) после основательной переработки, сделавшей текст почти на сотню строк короче.

На оборотной стороне 8-го листа с переходом на лицевую и оборотную сторону листа 9-го Кузнецов записал поэму мелким убористым почерком, практически, без верхних и нижних полей: экономил место, чтобы уместить на трех страницах. Приведем этот рукописный текст, выделяя полужирным прямым шрифтом фрагменты, которых нет в одноименном стихотворении дебютной книги лирики Кузнецова.

Полные паруса
ПОЭМА

Море буянит...

А там,

впотьмах,

Затисканы баяны,

Как девки, в руках.

Самый первый ухарь

В горсть тебя берёт.

И бьёт его, как угорь,

Ручной твой рот.

А я – как на пытке,

---

⁶⁴ См. с. 88 нашей книги.

**Стою в своей любви
Аж ногти впились
В ладони мои.**

**А утром – ветер резкий.
Призывный шум винта,
Рыбаки в зюйдвестках
Обоймой у борта.
Как знамя, парус всходит,
Бьёт рында нам.
Как через пень-колоду
Айда по волнам.
Чайки, бакланы,
Отвесный расчет.
Плечистые баркасы,
Как сети, тянут след.**

**Волны под нам
Рыбой полны.
Жабры шестернями
Краснеют до поры.
Водяные, рытые
Пылятся холмы.
Солёные, как рифы,
Восходим мы.
Мы голодны, как пламя,
Как деревья, сильны.
Морями, берегами
По взгляд занесены.
Нас море бьёт тараном,
Мы в море горим.
Как бешеным талантом,
Мучаемся им.**

**Качка, бессонница,
Солёный небосвод.
На утреннее солнце**

**Нас кормчий ведёт.
Он бородат, что днище,
Мечта костром в глазах.
И ветер в лёгких свищет,
Как в полных парусах.**

**Море в корчах,
Рассвет от пены сед.
Волна неразборчивая
Глокает сеть.**

Чеканки крупной
Идёт судак –
Вся казна Нептуна
Блестит в сетях.
Мы взмокли и запарились,
Отчаянно нам.
Прилипла палуба,
Как чешуя к ногам.

**Но море пуще рыбы
Хвостом нас бьёт.**
Меня румбы,
Запелый вал идёт.
Паруса зарифлены,
Сквозь строй нас гонит шквал.
В руках, будто в рытвине,
Буксует штурвал.

А ты – как за стеною,
Моя мальчишья страсть.
Лопнувшей струною
Тебя стегает страх.
До сердца промокла,
На берегу стоишь.
Как в стёклышки бинокля,
Сквозь слёзы ты глядишь.

Худым баяном дышит
Низкий небосвод.
Море дыбом
На ухаля прёт.
Срывает по касательной,
Свинчаткой бьёт в висок.
Круг ему спасательный –
Траурный венок.

Он у меня, балуясь,
Тебя отбил.
Взятяжку поцелуй,
Как самосад, курил.
Любовь от скуки выдумав,
Он только целовал.
Как деньги на выпивку,
Кидал слова.
И часто нож свирепый
Решал наш спор.
Шрамы как свидетели
Живут до сих пор.

А я, не раздевшись,
За ним полетел.
Подводным растением
Он в глубине чернел.
Шёл вал в пике и в бреющем.
Я выдохся в борьбе.
Вцепясь в меня, он бредил,
А бредил о тебе.
Не мог я больше выдержать,
В груди – не продохнуть...
Меня сумели вытащить,
А ты его
забудь.

Сидят ходики

Дятлом на стене.
Любви хочется,
Как девчонке, мне.
Сверчок колотится,
В луне сады.
Со звуком колодезным
Падают плоды.
Мерещится. Снится.
Гудит прибой в крови.
Как волны, ресницы
Загнуты твои.

К берегу лодкой
Прибило простор.
Крепче, чем водка,
Креплённый шторм.
Вышибает слёзы,
Как пробку, что одно.

Но море сломано
О борт давно.

Баркас как яхонт
От полных брызг...

Раскинув руки,
якорь
Бросится вниз.
Чайки с хохотом
Ударят над бортом.
С бури по сходням
На землю сойдём.
Останется от моря
Бурун в глазах
Да пена, которая
Не тает в волосах.

Ты слезами смотришь,

Бушлат его берешь.
Ко мне, рассыпав слёзы,
На сердце упадёшь.
Обнимешь, ослабшая,
Меня, как скалу.
Попросишь остаться,
А что тебе скажу?

Подбит зайцем,
В облаках, небосвод.
Как дом
                    хозяина,
Нас море ждёт.
Весь в мыле,
                    вот он
На ост простёрт
Проклятый, как водка,
Любимый простор.

При переделке сюжета за рамками повседневной работы рыбаков на траулере и их борьбы с морем осталась первоначально изображенная коллизия любовного треугольника: два матроса промыслового рыболовного судна влюблены в девушку, которая ожидает их на берегу; один погиб, второй пытался его спасти, но не смог вытащить из пучины.

Среди сохранившихся рукописных текстов Юрия Кузнецова можно найти наброски, судя по которым, сюжет этого произведения обдумывался в первой половине 1961 г.

Например, запись в дневнике от 31 марта 1961 г.: «Мы идём, как через пень колоду, через пень колоду – по волнам» [Тропы, с. 320] соответствует фрагменту из второй строфы поэмы: «Бьёт рында нам. / Как через пень-колоду / Айда по волнам». В этом мартовском дневнике есть и оксюморон «Проклятый, как водка, любимый простор», хотя его контекстное окружение несколько иное: Кузне-

цов прямо говорит о намерении покинуть студенческую скамью. Жребий брошен, скоро ему быть солдатом в обледенелых сапожищах.

Глубокий мороз Сибири водочной крепости. Он обжигает насмерть [Тропы, с. 322].

Вероятнее всего, посланный другу в Краснодар из Читы автограф был частью рукописного сборника, составленного в самом начале армейской службы. Как этот сборник назывался, мы не знаем.

Зафиксированные в разбираемом нами автографе 1961 г. произведения автобиографически значимы: это свидетельство отношения к институтскому опыту как оставленному позади. Мысль, что в этом опыте было невозможно обрести себя, возникнет чуть позже – Кузнецов дополнит ею ранний вариант стихотворения «Начало»:

Я рад, да и вы спокойны,
                                мальчики в узких джинсах.
Вам много недоставало,
                                но в общем – самих себя.
Сводил нас пустычный случай,
                                разводит теперь судьба [т. 1, с. 120–121].

Это, как мы уже говорили, станет третьей строфой в варианте из рукописного сборника «В конверте без марки».

Несомненна адресация найденной рукописи на двух листах Вадиму Неподобе, чья школьная мечта поступить в Севастопольское мореходное училище не осуществилась в 1958 г. из-за травмы. Неудачный прыжок в воду при купании на море помешал пойти на один из приемных экзаменов, и парня вычеркнули из списка поступающих⁶⁵.

---

⁶⁵ Этот момент юношеской биографии мы знаем по рассказам жены поэта Елены Николаевны. Вадим Петрович сам объяснял свое непоступление в мореходку именно так.

Морская тема – главная в поэме «Полные паруса», стилизованной под Джека Алтаузена. Следующие его строки взяты в эпиграф:

Холодные луны,
Песчаные дюны,
Когда-то нам снились
Шотландские шхуны...

Ритмический рисунок поэмы аналогичен ритму элегического стихотворения «Детство», которое в тетради «Сочинения Ю. Кузнецова» имеет дату 1 февраля 1958 г. и помечено галочкой [т. 1, с. 385–387].

Элегия «Детство» также достаточно пространна (13 строф). В ней говорится, как грезил о море мальчишки из степного городка близ железнодорожной станции. Но сны о шотландских шхунах ушли к ребятам помладше, когда лирический герой повзрослел, для него и его сверстников миновала пора слушать сухой треск шпал, скользить по осыпающемуся от ветра щебню курганов, «махать рогаткой бандитским воронам».

Закольцовывающий тему рефрен «Когда-то желали / Мы быть моряками» соотнесен с дневным («Деревья пылали / В заре с облаками») и ночным состоянием пространства («Созвездья шептали, / Сойдясь с облаками»). Лирическая ретроспекция в недавние, но уже отдалившиеся детские мечты согрета истинной привязанностью к родным местам, где выросли эти мальчишки, неисправимые романтики.⁶⁶

---

⁶⁶ Александр Георгиевич Федорченко (род. 23 авг. 1942 г.), сын железнодорожника, тоже тихоречанин, в детстве и юности знаком с Юрием Кузнецовым не был. Часть очерка «Романтик родимых дорог» А. Федорченко посвятил «теме железной дороги, теме поездов», заметив: «Нота эта у поэта не возникла вдруг, из ничего, а является весьма органичной»; «Слагая строки о своем провинциальном городке, где “улицы выходят прямо в степь”, поэт писал и такое: “Был город детства моего – дыра, Дыра зелёная и голубая...”»

Нераздельная сцепка судеб не исчезала. Переосмысливая то, что дал мир детства и юности, что принесла с собой зрелость, они были искренни – в стихах, дневниках, письмах. Юрий, Вадим, Валерий делились всем важным, что находили в книгах, с чем встречались лицом к лицу в жизни. «И падая, и чуть прихрамывая, / Зажав мозоли в кулаки, / Несем мы наши биографии, / Распухшие, как дневники». По внутреннему сокровенному естеству русского характера друзья-поэты не могли иначе. Это и делало каждого более сильным, чем они могли бы быть по отдельности, не вместе друг с другом.

Подытожим рассказ о новонайденных автографах Юрия Кузнецова.

Стихотворение «Начало» (1961) включено в рукопись последнего прижизненного авторского сборника «Крестный путь»: Кузнецов считал его важным именно

Сказано хлётко и по-кузнецовски размашисто».

По описанным событиям видно, что автор принадлежал к кругу людей, Кузнецову не близких. «Было время, когда в Краснодаре проходил выездной секретариат Союза писателей России. Я подошёл к одиноко стоявшему Юрию Кузнецову, напомнил о себе. Заметил, между прочим, что недавно встречал Акулаева. “Славка!.. – протянул он задумчиво. – Да, это была наша молодость... И она никогда не вернётся” <...> Он сказал это так, словно только что перед ним промелькнул Тихорецк, почти полувековой давности, гудки паровозоремонтного завода по утрам, огромный глиняный ангар для зенитных установок близ военного аэродрома с ястребками на лётном поле, магазин на Штыковой и “круглые порожки”, пристанционный паром с хрустящими ракушечными дорожками, клумбами петуний, душистого табака и вербены. А по выходным – фланирование поросли молодой по Бобкин-стриту <...> Совсем на одесский манер! И, конечно, танцы с заезжим оркестром, где взывали трубы, тромбоны и саксофоны... Заправлял этой музыкой музыкант некто Вадим из Краснодарского мединститута. Как было тогдашним модникам не похвастаться своим “ёжиком”, черной перекрашенной рубашкой либо белыми, а то и красными, входящими в моду, носками!» (Федорченко А. Романтик родимых дорог // Звать меня Кузнецов, я один... С. 80–82).

как начало – решительный шаг навстречу цельности. Поезд мчит призывника навстречу абсолютно другой, чем «на гражданке», реальности.

Стихотворение «Служба» констатирует невозможность заслонить масштаб всеземных событий инфантильными заботами и иллюзиями эгоизма.

Из армейского опыта у Кузнецова выросло понимание эпохи и своего мужского предназначения в ней.

Две краснодарские находки автографов 1961–1966 гг. расширили представление о раннем творчестве поэта, подарили тексты и варианты, которых нет в пятитомнике стихотворений и поэм Кузнецова.

Заметный в них, очень значимый узел мотивных линий и образных идей имел своей сердцевиной дружбу с поэтами-одногодками, в которых Юрий видел свое alter ego. Узы дружбы крепили, как и всё более ощущаемая неразрывность со старшим поколением. Отцы героически прошли Великую Отечественную, детям выпало испытание невоенными, однако отнюдь не простыми обстоятельствами мирного времени.

В заключение добавлю к сказанному нечто от себя. Игорь Михайлович Ждан-Пушкин оказал горячую поддержку и мне, помог найти спонсоров, когда в 2002 г. понадобились средства на издание монографии о Пушкине-журналисте. Он не менялся с годами, и далеко за шестьдесят остался артистичен, неистощимо щедр на рассказы о встреченных им талантливых людях.

Я живу в центре Краснодара, недалеко от здания городской администрации. Но там не приходилось бывать после 2002 г.: мэрия так и осталась для меня местом, где двадцать лет назад был кабинет Игоря Михайловича, всегда кипевший интеллектуальной энергией и просветительскими начинаниями.

А по дороге на работу, идя по улице Коммунаров

вдоль трамвайных путей к улице Мира, я всякий раз миную дом номер 136 – пристройку к старинному особнячку. Дверь и ступеньки расположенного в ней жилища выходят прямо на тротуар. Недавно квартиру приобрели новые хозяева, и в доме проводили ремонт. Я попросила рабочих пустить меня внутрь. Направо за входной дверью – комната, которую снимал вначале 1970-х Вадим Петрович Неподоба. На ее стенах у изголовья дивана Виктор Чумаченко видел приколотые к обоям листки автографов Юрия Поликарповича.

Теперь я могу подержать в руках два пожелтелых листочка, прочесть, перепечатать, передать людям несколько стихотворений Кузнецова, написанных в начале – середине 1960-х гг. И все не верится, что остальные рукописи из затерявшейся папки Вадима Петровича Неподобы так и канут в небытие.

Когда Юрия Поликарповича расспрашивали о малой Родине, он отвечал: «Поэт должен родиться только в провинции. Близость к ключевому говору и природе – это просто необходимо <...> Крупные города порождают версификаторов». Но добавлял, что, по его мнению, «жить поэту надо лишь в Москве. Ибо провинция засасывает. Москва – безусловно, город жестокий, но здесь средоточие культуры. Это – духовный центр. Скажу прямо: я погиб бы без Москвы. Хотя жить в ней очень трудно» [Тропы, с. 166].

В интервью корреспонденту краснодарской газеты «Комсомолец Кубани»⁶⁷ Кузнецов подчеркнул, что «сохранить себя настоящему автору», «не утратить цельности, верности высоким идеалам» помогает образованность: «Малограмотный человек не станет писателем,

---

⁶⁷ Кузнецов Ю. П. «Стихи не пишутся, случаются», 1986 г. (Беседу вела Татьяна Василевская).

душу надо образовывать, культивировать». О молодых заметил: «Они и русскую литературу порой плохо знают, что уж говорить о мировой. А ведь еще есть и музыка, и живопись. Есть единая система культуры. Я и сам не очень образованный, но всю жизнь читаю, учусь <...> Ко мне часто обращаются с рукописями молодые, я всегда готов помочь. Понимаю, по собственному опыту знаю, как нелегко начинать», и посоветовал ехать учиться «в Москву, в литературный институт: «Там <...> прекрасная библиотека, личные контакты, встречи. Заочное обучение ничего не дает. Понимаете, прозаик, исследователь жизни может жить где угодно. Поэту – сложнее. Ему необходима интеллектуальная среда, а Москва (исторически так сложилось) – это централизация, концентрация духовной жизни» [Тропы, с. 148].

Во второй и третьей главах нашей книги пойдет разговор о зрелом творчестве Кузнецова и об уроках, которые мы, читатели, можем извлечь для себя, вникая в его цельное, зрелое поэтическое понимание мира.

«Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная», – говорил Александр Сергеевич Пушкин. Пусть эти слова из повести «Арап Петра Великого» будут и нам добрым напутствием к неравнодушному прочтению стихов замечательного поэта-мыслителя, одного из самых достойных сынов нашей великой родины России.

Воскресение Христово.
Конец XVI в.
Русский Север.

Глава II

**ЗРЕЛОЕ
НОВАТОРСТВО**

Полюбите живого Христа,
Что ходил по росе
И сидел у ночного костра,
Освещённый как все.

Где та древняя свежесть зари,
Аромат и тепло?
Царство Божье гудит изнутри,
Как пустое дупло.

Ваша вера суха и темна,
И хромает она.
Костыли, а не крылья у вас,
Вы разрыв, а не связь.

Так откройтесь дыханию куста,
Содроганию зарниц
И услышите голос Христа,
А не шорох страниц.

Материю не оживить тем, кто кроит-перекраивает ее разрозненные куски и обломки. Отлученный от фундаментальных свойств мирового культурного процесса социум оказывается на краю пропасти без понимания, как от нее спастись. Готовые признать, что гонка инноваций опасна, западные интеллектуалы публикуют эссе, рассчитанные на сенсацию, но не дающие целостного зрелого ответа на экзистенциальный вызов.

В конце 1990-х Оксфордский университет выпустил трехтомную монографию Мануэля Кастельса «Галактика Маклюэна» (1999–1998), в которой читаем, что Интернет уничтожил Галактику Гутенберга⁶⁸.

Галактика Гутенберга – обобщенное название массива книжно-журнальной продукции, накопленного после изобретения типографской печати – сделалось популярным благодаря эссе Маршалла Маклюэна «Галактика Гутенберга» (1962)⁶⁹. Этот канадский литературовед показал механизм действия медиа, распределив по тематическим блокам фрагменты огромного числа источников так, чтобы сумма смыслов подвижно менялась. Другая книга Маклюэна («The Medium is the Massage: An Inventory of Effects», 1967) тоже разоблачала тотальный обман: каламбур по поводу тезиса «The medium is the message» – «Средство коммуникации является сообщением», созданный переменной одной буквы (message / massage), подчеркивал коварную роль СМИ. Они «массажируют» информационный поток, чтобы продлевать век массовой культуры (Mass Age – `век масс`). Поколения обречены на инфантильность из-за смены узоров в калейдоскопе информационного потока, ко-

---

⁶⁸ См.: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

⁶⁹ The Gutenberg Galaxy. Toronto, 1962; на рус. яз: Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. Киев, 2003.

торый завораживает – исключает для зрителей (читателей) прямой контакт с живым миром; они не знают его закономерностей, не могут освоить, поддержать органичное развитие культурно-жизненных практик.

Почему закат культуры как рок преследует западно-европейскую цивилизацию? Известно, что на отрезке Нового времени лишь одна из европейских наций – российская – продемонстрировала золотой век национальной культуры (плод зрелой поддержки народных начал словесности). Но в XX столетии мы поплатились за увлечение модернизмом, внедрение западных установок вхождением в полосу заката (30 лет Серебряного века, затем век железный, поставивший под угрозу российский тип культурного бытия).

Читая книгу Освальда Шпенглера «Закат Европы» («*Der Untergang des Abendlandes*»; буквальный перевод «Закат западных стран»), мало кто из европейцев знал, что Шпенглер пересказывает философско-историческую концепцию Николая Яковлевича Данилевского, чей труд «Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому» увидел свет в 1869 г. на страницах журнала «Заря». Первый том «*Der Untergang des Abendlandes*» вышел в 1918 г., второй – в 1921-м; «Россию и Европу» Данилевского перевели на немецкий язык в 1920 г.

В дореволюционной России книга «Россия и Европа» переиздавалась неоднократно⁷⁰. Предисловие Николая Страхова к 4-му переизданию (1895) полезно прочесть свежими глазами на фоне общественных перемен нашего времени. Успех книги, сказал талантливый публицист-почвенник, «ясно доказывает, что между множеством слоев и кругов нашей интеллигенции есть и такой

---

⁷⁰ В советский период переизданий не было вплоть до 1990-х гг.

круг, в котором не только жив истинный патриотизм, но и возбудилось его отчетливое понятие, совершается умственный труд народного самосознания»⁷¹.

Соратник Ф. М. Достоевского, Н. Н. Страхов считал патриотизм мыслящего человека не безотчетной тягой к родной земле, а прямой обязанностью на поприще умственного труда и в практической жизни быть верным народному самосознанию. Если мы сегодня не задействуем столь же отчетливое понятие об истоках народного самосознания, нам не удастся избежать коллапса культурного бытия. Словами «Русский путь» в заглавии книги мы подчеркнули несходство типов цивилизации, выработанных Россией и Европой.

В чем не совпал русский путь с путем западным? Не было отрыва элиты народа, отрыва, возникающего из-за несимметричности «правил», которые господа диктуют вассалам, но не исполняют сами. Интеллектуальным лидерам Ренессанса был доступен эпический уровень миропонимания, а интеллект эпохи позитивизма не поднимается над уровнем понимания дискурсивным, который зависит от конструкторов (научные, политические, культурологические теории) и подвластен риторическому манипулированию.

Название II главы «Зрелое новаторство» совпадает с названием нашей книги о Юрии Кузнецове, вышедшей более 10 лет назад⁷². Мы продолжим разговор о поэте, зрело работавшем над устранением ошибок модернистского XX столетия. Он сделал все возможное, чтобы отвести народ от роковой черты обвала опор самобытности, расшатанных на пути заката культуры.

---

⁷¹Страхов Н. Н. Предисловие от издателя // Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1895. С. 7.

⁷²Третьякова Е. Ю. Юрий Кузнецов: Зрелое новаторство. Краснодар, 2013.

Пророческое знание грядущих судеб и пути Спасения приходит не сразу даже к таким одаренным и мощным мыслителям. Истоком творческого метода для Кузнецова послужило неприятие метафорического типа мышления. В эссе «Рождённый в феврале, под Водолеем» (1989) поэт сказал:

...Метафора способна, как мёртвая вода из сказок, срastить отдельные части в тело, но само тело остаётся мёртвым. Его может оживить живая вода, а она есть в символе и мифе.

Был ли Кузнецов философом? И да и нет. Он шел путем Державина, Пушкина, Тютчева, Достоевского, следуя поэтической природе русского Мифа. Той эпической традиции, которая живет в тысячелетнем становлении языков и культур...

Параллели с книжными памятниками Древней Руси, с наследием античных мудрецов, с классикой отечественной литературы помогут нам увидеть изнутри «школу», в которой творчество и жизнь национального поэта неотъемлемы от народной жизни (ее бытийственных энергий, которые правят данностями вневременными, более мощными, чем данности исторические).

Юрий Кузнецов, как когда-то Александр Сергеевич Пушкин, считал «вечным источником поэзии у всех народов» религию [Пушкин, т. 6, с. 412]. Мы цитировали пушкинское высказывание о том, что просвещение спасено не Польшей, а Россией – наследницей православной книжности Средневековья, которая «приняв свет христианства от Византии», была верна практикам классической древнегреческой школы⁷³. Приведем еще один отрывок, в котором слова «и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей» подчеркнул сам Пушкин:

---

⁷³ См. с. 6 нашей книги.

Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заимлет он гибкость и правильность.

Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного; но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей [Пушкин, т. 6, с. 11].

Цивилизацию Запада сформировал латинский тип образованности; в войнах, политической и умственной деятельности римско-католический мир старательно вытеснял «греческую веру». Когда в середине XV в. ослабленный крестовыми походами Константинополь стал турецким городом, православие не ушло с арены истории. Оно устремилось к северо-востоку и, ширя свое пространство, достигло приарктической оконечности Евразии. Собрание русских земель дало основу добрососедству огромного числа племен, выросшему в многоязыкий Российский народ – нацию наций. Следы гигантского по важности и масштабам процесса объективно зафиксированы: православный компонент стал самоназванием целой группы народов (славяне), конфессиональный фактор – словом *крестьяне*, родственным слову *христиане*.

Судьбы восточной / западной ветвей славянства также предопределены различием типов образованности: восточный (греческий) соответствует православию, тогда как тип западный (латинский) – католицизму. Правители, перенимавшие от Рима принцип «разделяй и властвуй», сталкивали народы между собой. Власть православная поддерживала сплочение культурно-жизненных практик, не препятствуя естественному разви-

тию этнических языков – как сказал Пушкин, стихии, данной людям для сообщения мыслей.

Эта пушкинская характеристика единства судеб книжного языка и простонародного наречия очень важна для понимания особенностей, полученных словесностью на православной почве (язык, отечественная культура, русский цивилизационный путь). Говоря о сообщении (общении, восприятии) поэт имел в виду, что владеющие книжным знанием люди, как и простой народ, следуя органике живого языка, мыслят и действуют соборно. При таких культурных обстоятельствах навык писать по правилам грамматики, владение риторическими приемами, умение концептуально обобщать сведения отнюдь не помеха к тому, чтобы руководствоваться высшим – эпическим – уровнем мировоззрения.

В ареале земель католических и протестантских все складывалось иначе: шло отмежевание культуры «верхов» от «низовой» культуры. Латинский речевой этикет и книжная наука (прерогатива господ) игнорировали эпический компонент языковой способности, что обрекало высшие сословия на утерю естественного языкового чутья – навыков невербального восприятия смысла.

Сохранность эпического компонента – неотъемлемое свойство православной образованности (русской книжности Средневековья) и классики отечественной литературы XIII–XIX вв. «Русская школа» и в Новое время не расставалась с наследием школы Древней Греции. Опыт «русской школы», альтернативный установкам европейского Просвещения, ценен как исторический феномен и образец, доступный изучению. Воспользоваться этим при выработке стратегии, проективно задающей из прошлого – через современность – будущее вполне возможно. Для этого надо, не модернизируя (избегая подмены естественного искусственным, смиренно-личностного – индивидуалистским), задействовать модель информационного

и образовательного пространства, не омассовляющую общественное сознание (пушкинская модель⁷⁴).

Пагубные последствия омассовления будут устранены по мере возврата к эпическим культурно-языковым практикам. Иначе говоря, осуществив в условиях XXI столетия древление Мифа, мы тем самым обеспечим фазовый переход от гибели (закат культуры) к спасению.

Самый темный час ночи – перед рассветом.

Александр Пушкин не знал в кругу образованных людей своего времени столь полного одиночества, какое выпало на долю Юрия Кузнецова. Никто другой из творческих людей конца XX в. не проявил нестигаемого упорства в стремлении устоять «на невидимой точке», аккумулирующей эпическую энергию народного культурно-языкового предания.

Чтобы тело мифа срослось, сбрызнутое живой водой (каждая вещь заговорила сама в подсветке множества смысловых полюсов-антиномий), следовало работать не метафорами и аллегориями (авторскими переносами смысла) и брать сразу множество ходов мысли, как бы наматывая пучки нитей на один клубок. Такая динамика опробована в поэме «Золотая гора» (1974). Однако не пир на Золотой горе, а семейную трапезу родных людей («Семейная вечеря», 1977) назвал Кузнецов местом схождения концов и начал.

Над могилой матери он произнес слова покаяния:

Покаяния вздох покидает
Эту землю для горних высот,
Где, быть может, архангел поймает
И до Бога его донесет.

---

⁷⁴ Третьякова Е. Ю. Коммуникативное пространство печати: Пушкинская модель. Краснодар, 2002.

В этом стихотворении 1998 г. видим поэта скорбящим на тихорецком погосте. «Оседает под тяжестью неба / И родная могила, и жизнь». Искони положено перед Богом ответ предрезать, не отделяя родителей от детей.

В гражданской лирике Кузнецова немало сказано про ошибки и заблуждения времени: просчеты недальновидной государственной политики, то, что народ заставили «кланяться безликой пустоте» («Ложные святыни», 1989). Но не горечь обвинений и разоблачительных слов питает всепонимающие души. Нет зрелости без всепонимания и полной самоотдачи.

Читая ранние юношеские стихи, можно видеть: как все молодые поэты конца 1950-х – первой половины 1960-х гг., Юрий Кузнецов начинал азартным увлечением метафорой. То, в чем он не совпал с мейнстримом «эстрадной поэзии» (Роберт Рождественский, Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина, Булат Окуджава), срослось и дало целостный поэтический метод позже. Не примкнув ни к одному из литературных направлений 1970–1980-х, Кузнецов по «извету глубины» – молчаливому компасу внутренней связи всего со всем – он начал строить «поэтическую вселенную», воскрешая целостность самобытной жизни русского Мифа.

В первом автобиографическом эссе «Рождённый в феврале, под Водолеем» (1977) читаем:

Мой отец погиб <...> Это жестокая правда моей поэтической судьбы. Если бы он вернулся с войны живым, трагедия народа была бы для меня умозрачительной, я был бы ненужным поэтом; пошёл бы по боковой линии народной жизни, как обеспеченный генеральский сынок <...> неминуемо впал в духовное одичание метафоризма. Я недолго увлекался метафорой и круто повернул к многозначному символу. С помощью символов я стал строить свою поэтическую вселенную [Тропы, с. 58].

Настроить камертон помогали реплики на русскую классическую поэзию (в частности, на элегию

Ф. И. Тютчева «Слезы людские, о слезы людские, / Льётся вы ранней и поздней порой...»). Так Кузнецов нащупывал возможность писать смиренно-лично, без субъективной лирической позиции.

Образную идею его стихотворения, выражающего скорбь о том, что все святое в прошлом и позабыто без возврата («Икона Божьей Матери», 1996), можно передать другими словами, даже полезно отчасти прокомментировать. «Божьей матери образ печальный» проступил на дождевом стекле. Если мы не внимаем таким знакам, говорит лирический герой этой ламентации, «что-то страшное с нами случится». По правде сказать, уже случилось... В раме окна святой лик «живыми слезами сочится», а унаследовавшие «по деду» слепое безбожие «человеки» равнодушны к этому:

Кто на веру из нас не тяжёл!
Кто по деду у нас не безбожник!
Всякий сброд через хату прошёл,
В нашей хате растёт подорожник.

Незабудки давно отцвели
И забудками стали навеки.
На земле не хватает земли.
Степь не та и не те человеки.

Укоры в неверии никогда не сравняются по силе с энергией непосредственной веры. Этим «Икона Божьей Матери» уступает «Новому солнцу» (2001) – светлому пророчеству о том, что сбывается для всех, кто верит. В «Новом солнце» запечатлено со-переживание потока, в котором мы все через несчислимые беды наши восходим к радости христианского обновления мира. Это стихотворение не перескажешь, его, подобно молитве, лучше прочесть целиком, ибо не как ритор, а как иконописец передал поэт горный свет откровения.

А над нами всё грозы и грозы,
Льются слёзы, кровавые слёзы,
Да не только от ран ножевых.
Матерь Божья над Русью витает,
На клубок наши слёзы мотает,
Слёзы мертвых и слёзы живых,
Слёзы старых, и малых, и средних,
Слёзы первых и слёзы передних...
А клубок все растёт и растёт.
А когда небо в свиток свернётся,
Превратится он в новое солнце,
И оно никогда не зайдёт.

Небо в свиток свернётся... На фреске 1170 г. в одном из Киевских монастырей видим события Апокалипсиса: ангел сворачивает небо в свиток.

Как и стихия живых языков (дух языка), соборность делает возможной прямую экзегезу – беспрепятственное восприятие смысла, не опосредуемого толкованиями, трактовками. «Извет глубины» и высоту Горнего воссоединяет энергия, эпически упорядочивающая движение глыб подсознательного. Если лирическая субъективность растворена в лучистой ауре культуры-веры, не препятствуя соприкосновению души каждого с сакральным целым Бытия, повествование может подняться на уровень не субъективный.

Когда слова работают как краски на иконе, в свечении иконописных нимбов, с человеком говорит Бытие. В наиболее совершенных словесных произведениях (высокой поэзии) проявлена духовная, не материальная сущность языка.

Смех раздаётся молодой.
Свеча смеётся в старом храме.
Она зажглась сама собой.

Православное утверждение Истины запечатлели мно-

гие кузнецовские стихотворения 2001–2003 гг. («Полюбите живого Христа», «Преображённый храм» и др.), его итоговая трилогия поэм. Таков плод зрелого новаторства: зрелость самосознания и вера в неизбывный спасительный потенциал духа целостно совпали друг с другом.

Юрию Кузнецову было даровано понимание простое и одновременно абсолютно полное в масштабе вневременном.

Сентенцию, которая нравилась Гёте и Шиллеру, – «Кто жил для лучших людей своего времени, тот жил для всех времен» – русские романтики воспринимали с существенной поправкой: для всех времен живет тот, кто жил для народа. Сказанное классиками помогает увидеть насущные задачи нашего дня.

Живет, а не имитирует жизнь тот, кто осмысленно и зрело способствует повороту навстречу духовному преображению и расцвету страны.

НИЧТО НЕ ИСЧЕЗАЕТ

Во вступлении к изданному в 1989 г. сборнику избранной лирики Юрий Кузнецов сказал: «Ничто не исчезает. Забытое появляется вновь». И, чтобы закрепить сей творческий тезис, продублировал название автобиографического очерка, которым начинался сборник «Стихи» 1978 г.: «Рождённый в феврале, под Водолеем...».

С гороскопом не поспоришь: дату рождения и ход созвездий на небе человеку не изменить. Но отцентровать личностное развитие можно – как бы «сворачивая в свиток» пространство, с которым ты не на миг соприкоснулся, а освоил через срастание с обширными пластами общенародного опыта. Это и стало творче-

ским методом Юрия Кузнецова – методом, который альтернативен индивидуализации (субъективной переработке всего, с чем соприкасается человек).

Поскольку наброски и черновые рукописи он не выбрасывал, по сохранившимся черновикам видно, как он работал. Можно реконструировать не только становление отдельных замыслов, но и изменения в подходе к писательству как таковому.

Установке «ты сам свой высший суд» Кузнецов интуитивно следовал чуть не со школьной скамьи, однако к нему довольно рано пришло инстинктивное понимание того, что высшие закономерности никакими суррогатами не подменишь.

Александр Пушкин также не уничтожал свои рукописи, пометки творческой лаборатории, черновики писем – дневниковую развертку пути, осознаваемого честно, без изъятия и вымарывания шагов на пройденной дистанции.

Первой попыткой самонаблюдений Кузнецова была повесть о молодом человеке, похожем на него самого. Он писал ее весной-летом 1959 г., но бросил, не решив, говорить ли от первого лица («Я медленно шел...»)⁷⁵ или вести рассказ со стороны («Шурка Багрянский медленно шел...»)⁷⁶

Гудящие пчѐлами акации роняли пахучий творог. Он ложился на пропитанные солнцем тротуары, а люди шли и топтали пахучие белые крошки. Акации цвели и сонно покачивались своим белым месивом и самыми длинными ветками постукивали в распахнутое окно дома. Из окна,

---

⁷⁵ «Раньше мне хотелось стать пиратом, потом человеком-невидимкой, потом [сражаться где-нибудь с врагами, защищать родные города, а теперь] поэтом как Есенин». Наброски юношеской прозы и дневниковые записи приводятся по кн.: «Тропы вечных тем...».

⁷⁶ Сместить точку зрения и вести рассказ от лица друга (alter ego) позволял герой, напоминающий Александра Сердюка – парня, с которым Юру Кузнецова сблизило увлечение поэзией Есенина в первый год по окончании школы-

опершись локтями на подоконник, глядел молодой человек. Акации так густо раскинулись, что с улицы ни окна, ни человека, глядящего из него на улицу, не было видно <...>

[Шурка Багрянский] Я медленно шёл по улице. На душе как-то [грустно, но счастливо] спокойно, но чего-то не хватает: в руке аттестат зрелости, свёрнутый дудочкой и огнистый лохматый пион, а близко позади уже навсегда далёкая школа <...> Товарищи разбежались на речку купаться: радость – получили аттестат. А я решил бродить по [улицам родимого] городу. [Всё здесь знакомо.] Как печи, гудят засеянные пчёлами акации, а высоко-высоко в колокольчиковом небе истекает лучами махровое солнце.

Героя повести тяготит пелена обступающего одиночества, которое (он этого боится) исключит возможность понимания жизни.

Когда человек поймёт жизнь буквально (современную), он бывает или морально понижен, или же воскрешён заново. Но большинство людей не понимают жизни до конца. Они часто думают, что поняли; на самом деле – нет; но иногда это им удаётся – на миг. Миг гаснет – и всё, и снова тьма. Я, по моему, не пойму жизни и навсегда останусь в “середине”.

От пединститутского периода остались «Зеленые ветки»⁷⁷, «Карусель», примечательные тем, что занятие стихотворством автор приравнивает к сражению за чистую совесть:

Я писал стихи, иногда легко, чаще трудно, а было время, когда не мог выдать ни строчки, но не писать было ещё трудней. Мне казалось, что я бездарь, обыкновенный бездарिशко

семилетки: «Он учился в соседнем классе – и мы не шибко знали друг друга, хотя часто косились».

⁷⁷ Название «Зеленые ветки» мотивировано фрагментом текста, связанным с памятью о погибшем отце: «Иногда мать перебирала пожелтевшие листки писем – всё, что осталось от войны и от отца. Мне расплывчато снился военный человек, похожий на отцовскую фотокарточку. Он шёл впереди всех в белом дыму с чёрным пистолетом. Отца похоронили чужие люди. Теперь он лежит, весь в росе, мокрый, и над ним шумят зелёные ветки» (Текст этой незаконченной повести цитируем по изданию 2015 г. [Тропы, с. 293–316]).

с велосипедом для редакций. Я представлял так: жизнь идёт, тяжела, но я должен давать бой. Даже отступая, должен давать бой. Должен писать. Кроме того я дал слово. А совесть не прощает не сдержанных слов. Я хотел чистой, как у всех людей, совести. И даже так: не гладкой жизни, но гладкой совести.

Оценка «Ты поступаешь в жизни, как поэт» касалась не стихотворства, а решения, бросив институт, пойти служить в армию.

После летней сессии я взял обходной лист, а потом уехал к матери в город детства» <...>

Светлана сказала:

– [Что ты наделал? <...>] Сумасшедший! Зачем ты это сделал? Армия! Ты же там огрубеешь.

Я закричал:

– Во-первых, я жить хочу! Грубо, да! Но это будет наглядно. Я хочу огрубеть, как кусок глины. Пусть жизнь из меня сделает простую чашку, зато из неё люди будут пить чай. Каждому нужно в жизни иметь своё место. А я в конце концов для того и ухожу из института, чтобы доказать ему свою преданность, чтобы там, вдали, выверить себя, узнать и определить своё место в жизни. И если я увижу, что моё место здесь, в институте, я вернусь сюда, но если в другом месте, пойду туда, но это будет тот же институт.

– Ты поступаешь в жизни, как поэт!

В дневниках весны 1961 г. он над собой подшучивал: «Всё книги и книги: Демокрит, Вольтер, Бальзак, Достоевский, Олдингтон. Как давно я не был на земле! Хожу по ней и спотыкаюсь, как будто разучился ходить». Позже формулировал уже без тени иронии, сжато и афористично: «В тихой битве культур безумный теряет голову, а умный душу» (запись от 21 сент. 1967 г.); «Во сне меня спросили: Что лучше: ум в луче или луч без ума?» (запись от 30 дек. 1969 г.).

Кузнецова не прельстила мода на нестандартность авторского стиля: размен на субъективные чувства мешал по-крупному подойти к оценке современни-

ков и современности. Между тем критики подмечали именно «индивидуальный стиль». И, не находя ключа к кузнецовскому творческому методу, наперебой сыпали укоры в самолюбовании и эгоизме...

С эпиграммой «Как он смеет! Да кто он такой?» (1981) случилась практически та же история, что и с «Собраньем насекомых» (1830) – эпиграммой, за которую Пушкину упорно мстили альманашники и журналисты из досады на неспособность соперничать с «Литературной газетой».

Такого рода нападки на «аристократию талантов» Пушкин парировал элегией «Поэту»:

Ты царь. Живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды глубоких дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.
Они в самом тебе, Ты сам свой высший суд...

Кузнецов написал, что ответ дает время:

Пусть они проживут до седин,
Но сметёт их минутная стрелка.
Звать меня Кузнецов. Я один,
Остальные – обман и подделка.

На людях Юрий Поликарпович был человеком молчаливым, углубленным во внутреннюю работу, которую не разгадаешь со стороны. Но в автобиографическом очерке «Воззрение» (2003) он сказал, что момент, когда у него «прорезалось мифическое сознание в “чистом виде”», относится к периоду учебы в Литинституте: 1967 г., стихотворение «Отсутствие».

Ты придёшь, не застанешь меня
И заплачешь, заплачешь.
В подстаканнике чай,
Как звезда, догорая, чадит.
Стул в моём пиджаке

Тебя сзади обнимет за плечи.
А когда ты устанешь,
Он рядом всю ночь просидит.

Этот чай догорит.
На заре ты уйдёшь потихоньку.
Станешь ждать, что приду,
Соловьём засвищу у ворот.

Позвонишь.
Стул в моём пиджаке
Подойдёт к телефону,
Скажет: – Вышел. Весь вышел.
Не знаю, когда и придёт.

Суть всеобъемлющей работы через стихотворение «Отсутствие» передать было нельзя: ее не передашь ни каким одним стихотворением. Процесс реконструкции первичной природы мифомышления берет человека «всего без остатка», и лишь итог – персональный миф поэта – суммирует все продуманное и сделанное творческой личностью как открытую перед Богом и народом исповедь пройденной жизни.

Персональный миф Пушкина, персональный миф Кузнецова – целостные результаты смиренного (со всем миром) присутствия в действительности и всепонимания – всемирной отзывчивости, как сказал бы Достоевский.

Кузнецов говорил: я поэт с резко выраженным мифическим сознанием.

Такое сознание не делимо на «пласты» и «срезы», а синкретично Миф в силу присущей ему гравитации «сворачивает в свиток» (вбирает, уплотняет в поле языковых энергий понимания) все доступное людям на земных путях.

Нельзя винить публику рубежа 1960–1970-х гг. за ее читательские вкусы. Согласно стандарту десятилетия, поклонники «эстрадной поэзии» любили плакатный стиль, прямые индивидуально-авторские высказы-

вания, ясность черт лирического героя. Публичное пространство вскоре размыло эту ясность ради иллюзии движения – «детски резвого» перевертывания картин (сугубо внешнее обновление приемов лишено свойств истинной поэзии и не воспитывает глубокого отношения к жизни).

Перепевы кузнецовского стихотворения «Отсутствии»⁷⁸ были явлением вторичного ряда, как и печатавшиеся при Пушкине в «Вестнике Европы» (1830, ч. 2), «Московском телеграфе» (1830, № 32) переделки эпиграммы «Собрание насекомых».

Сознавая лживость утверждений, что публике угодно чтение, к серьезной работе ума не побуждающее, Пушкин твердо говорил: суд глупца, смех толпы – не повод плодить скудоумие. «Восторженных похвал пройдет минутный шум – / Услышишь суд глупца и смех толпы холодной / Но ты останься тверд, спокоен и угрюм».

Сатирики-пародисты вырядили кузнецовского героя в пиджак эгоиста, безразличного к сантиментам надоевшей ему подруги. Но другие стихотворения, например, «Снег» (1968) по-настоящему очаровали ценителей поэзии. Литературные критики отмечали изящество камерной вещицы о «старинном смертном счастье». «Обнажится под тающим снегом / Пустота – никого, ничего» (нечаянно обнаружилась пустота на месте, где только что – родные это видели – на пороге стоял пришедший с зимней улицы весь облепленный снегом человек). Но те же критики⁷⁹ проигнорировали дополнявшее эле-

---

⁷⁸ В сатирическом перепеве некоей М. Ивановой (не исключено, что это псевдоним) читаем: «Ты придешь, а я спрячусь под стол, / Надоело твоей быть жилеткой. / Плакать будешь, сморкаясь в подол, / Вместо чая чада сигареткой». И закончила пародию так: выкинув «обсопливленный слезами» пиджак, герой зароет в саду телефон и прикрепит к дверям объявление, что «весь вышел».

⁷⁹ Шевченко О. В. Символ в поэзии Юрия Кузнецова // Первые литературные Кузнецовские чтения ... С. 86.

гию «Снег» стихотворение «Сотни птиц» (1969), у которого источник некамерный – Неопалимая купина, птицы Божьи, которые не ткнут, не прядут.

Этот зимний пейзаж написан не слоями красок; слоятся все заиндевелое пространство. Вот на ветви куста села тревожная стайка нахохленных пичуг, и на белом полотне возникло черное пятно: «В зимнем воздухе птицы сердиты, / То взлетают, то падают ниц»...

На равнине внезапно погаснет
Зимний куст – это снова они.

Пеленою полнеба закроют,
Пронесутся, сожмутся пятном,
И тревожат, и дух беспокоят.
Что за тень?.. Человек за окном.

Человека усеяли птицы,
Шевелятся, лица не видать.
Подойдешь – человек разлетится,
Отойдешь – соберётся опять.

Одинаково полно открытая для глаз и для ума, знакомого с библейскими ассоциациями, картина зимнего пейзажа вся трепещет и дрожит. То, что ощутил изумленный поэтическим поворотом мысли человек, не отделить от дрожи продутого стужей пространства.

Несовпадение с итогом стихотворения «Снег» огромное! Там растаявшая на глазах у родных оболочка исчезла. А здесь не может исчезнуть, ее тормозат и собирают силы небесные. Никем не считанные стаи зимних птиц не дают ни автору, ни читателю остановиться на сказанном. В «Сотнях птиц» физически чувствуешь, как твоего ума коснулись данности, которые влекут за собою.

И в стихотворении «Диван» (1969) те же объективные силы стаскивают тебя с лежбища, на которое плюхнулся спать незадачливый герой. По прочтении фразы

«вмятины встали, чтоб не тревожить его» ты уже никак не совместим с «нищим хозяином». Этот бесплодно сгоревший человек уже не ты. Он бурей ворвался в собственный дом, но быстро израсходовал свой запал; он падает, сраженный мертвым сном, а ты встаешь: тебе не лежит на диване, как не лежалось шоферу Роману Звягину в шукшинском рассказе «Забуксовал» (1973). Звягин не усидел дома, побежал поговорить с учителем литературы, когда вдруг впервые задумался над гоголевской птицей-тройкой: почему в ней едет Чичиков?

«Диван» развенчивает самонадеянность пустых умников: ничего не услышавшие в тишине отцовского кабинета, они мнят себя небесными метеорами. Но чересчур быстро выгорают и камнем падают вниз⁸⁰.

Не дистанцируясь от жизненного опыта старших поколений, поэт впустил в душу неутихающую вдовью боль: «Взгляни на мать – она сплошной рубец. / Такая рана – видит даже ветер! / На эту боль нет старости, отец». И в стихотворении «Отцу» (1969) нарисовал отчаяние слабого мальчишки:

Мне у могилы не просить участия.

Чего мне ждать?.. Летит за годом год.

– Отец! – кричу. – Ты не принёс нам счастья!.. –

Мать в ужасе мне закрывает рот.

Лишь сострадание ближним способно вытянуть из пустоты и глухоты («Ладони», 1981). Миссия поэта – преодолеть холод в себе и в других («Раскрываю огню и любви / Ледяные объятия»). Финальные четыре строки отсылают к евангельскому сюжету распятия.

Рукавицы роняя в снегу

На земном крутосклоне,

---

⁸⁰ См. на с. 141–142 о стихотворении «Лежащий камень» (1997).

Я от брата и друга бегу
И дышу на ладони.

Проступают на них два лица:
И чело и морщины.
Узнаю свою мать и отца.
Мы навек триедины!

Сколько раз в кулаки я сжимал
Эти лица родные.
Сколько раз к небесам воздымал
Их, как солнца двойные.

Сколько раз бил ладонь о ладонь,
Ни о чём не печалюсь.
Над землёй высекая огонь,
Эти лица встречались.

Подберут рукавицы мои
Тороватые братья...
Раскрываю огню и любви
Ледяные объятия.

Но ладонь от ладони ушла
В голубом небосклоне.
Вбиты гвозди, и кровь залила
Эти лица-ладони.

В разрыве жизненных скреп виновата юношеская бесшабашность? Хлестаков или Чичиков на всей скорости мчит мимо знакомого хутора в столицу? В этюде «Последние кони» (1969) сдвоены смыслы *разогнать* – `убыстрить` ; *разогнать* – `убрать, смести`. Лихой ездок не то что шапку – и голову готов потерять.

...Разогнать бы печаль.
Божьей дланью срывает мне шапку со лба.
А! Мне шапки не жаль!

Топот, ржанье, окраина... Хутор мелькнул.

Дед, я знаю, один.
Вышел он, поглядел и рукою махнул
– Пропадай, сукин сын!

Одинокий, брошенный на окраине времен ветхий старик тоже не накопил в «веке скоростей» ничего, кроме пустых проклятий.

К 60-летию Кузнецова в 2001 г. Воениздат выпустил малым тиражом (60 экз.) книгу «Юбилейное». В ней шесть разделов по 10 стихотворений.

Хотя в Содержании разделы помечены лишь номерами, каждый из них открывается вынесенной на отдельный лист строчкой-эпиграфом: 1. «Но русскому сердцу везде одиноко...», 2. «Это было на прошлой войне...», 3. «Все дороги рождают печали...», 4. «Для того, кто по-прежнему молод...», 5. «Опасно встать с горами равным...», 6. «То не лето красное горит».

Эпиграфы гранят исповедь автора: скрепляют композицию в целом, не задавая строгий вектор внутренней тематики каждого из разделов.

Главное в «Юбилейном» – думы о судьбах страны, которой выпало быть защитницей православно-христианского мира и выстоять под невероятным натиском, вопреки европейским раздорам и войнам.

Шестидесятилетний поэт начал и завершил эту исповедальную книгу словами о любви, обращенными к Родине («Ты во имя грядущей любви / Города сотрясала и села») и к самому себе («То не лето красное горит, / Не осенний пламень полыхает – То любовь со мною говорит / И душа любви благоухает»).

Ни одно из 60 стихотворений сборника не рождает бесстрастного созерцательного отношения к потоку событий, в который все мы вовлечены. Глубоко лиричный в сочувствии печалям человеческим, автор категоричен в оценке ошибок инфантильной мысли, в отвержении гордыни стоящих на вершине, но «имеющих душу

не горы». Он предельно остро чувствует испытующий современников накал «электронного наваждения»:

Одного, другого ненароком
Тронешь, и тебя пронижет током,
Мрак включён. Остерегайся впредь?
Ты задел невидимую сеть.

Тут система, ну а мы стихия,
А за нами матушка Россия,
А за нами божия гроза...

В 3-м разделе («Все дороги рождают печали...») с «Атомной сказкой», «Превращением Спинозы» (1989), «Очевидцем» (1988) соседствует стихотворение «Сидень» (1986) о человеке, который дошел до предела страстей, исчерпал свои желания. Никто не позавидует, но и никто и не отвертится от сочувствия этому сидню:

Все дороги рождают печали...
В чистом поле на груди камней
Он сидит – и вселенские дали
Вкруг него, словно царство теней.

Он встречает прохожего бранью.
А сидит он в чем мать родила,
Потому что когда-то желанья
Обобрали его догола.

Ничего он теперь не желает:
Ни письма, ни ума, ни любви.
Размахнётся и камень швыряет –
Отгоняет желанья свои.

Осаждённый, как грешник, тенями,
Ранним утром на солнце глядит
И его отгоняет камнями:
– Отойди от меня! – говорит.

Незрелость на культурных перепутьях – тема раздела 4-го, названного строкой стихотворения 1980 г. о прогрессе, обернувшемся руинами великих идей.

Для того, кто по-прежнему молод,
Я во сне напоил лошадей.
Мы поскачем во Францию-город
На руины великих идей.

Ничто не слито одно с другим, во всем сказывается непонимание. Непонятая истина («Наша истина – сито полное, / В чьих руках оно, ты не спрашивай») и нелепо растроченная удаля («Не поминай про Стеньку Разина / И про Емельку Пугача. / На то дороженька заказана / И не поставлена свеча»). Не понятый своей судьбою друг, тоже поэт («Он легко верил только себе, / Всё хватал на лету и смеялся. / “Ты слепая!” – сказал он судьбе / И один на распутье остался») и «ненавидящая тяжкая любовь» («Я хвачусь среди замершей ночи / Старой дружбы, сознания и сил / И любви, раздувающей ноздри, / У которой бессмертья просил»). Непонятые камни («Но чужие священные камни, / Кроме нас, не оплачет никто»)..

«Пятно» разоблачает гонку сухого беспамятного эгоизма. Многообразие смертей станет все, на свою беду столкнувшееся с ветровым стеклом «чужой машины», для которой нет ничего живого – ни бескрайней степи, ни растений, ни птиц.

Вперёд, вперёд, пока ещё цела
И голова, и ноги, слава Богу!
Дорога человека увлекла...
А воробей перелетал дорогу.

Как мелкий вор, он в клюве нёс зерно
И не успел заметить той причины,
Что превратила страх его в пятно
На ветровом стекле чужой машины.

Остановил машину человек,
Сорвал в степи сухой пучок полыни
И стёр пятно – и позабыл навек...
Нельзя перелетать чужой гордыни.

«Ты не стой, гора, на моем пути» (1976) – реплика на тезис Архимеда: «Дай мне, где стать, и Землю поверну» («Δός μοι πᾶ στῶ καὶ τὰν γᾶν κινήσω») – помогает понять опасность заблуждений тех, кто готов бездумно скovyрнуть и отмахнуть все земное.

Ты не стой, гора, на моём пути.
Добру молодцу далеко идти.

Не мешай ногам про себя шагать,
Не мешай рукам про себя махать.

Говорит гора: – Смертный путь един.
До тебя прошел растаковский сын.

Сковырнул меня изо всей ноги,
Отмахнул меня изо всей руки.

– Не мешай, – сказал, – про себя шагать,
Не мешай, – сказал, – про себя махать.

Не ищу я путь об одном конце,
А ищу я шар об одном кольце.

Я в него упрусь изо всей ноги.
За кольцо схвачусь изо всей руки.

Мать-Вселенную поверну вверх дном,
А потом засну богатырским сном.

«Смертный путь един»... Вот сам с собой на ходу разговаривает второй «растаковский сын»⁸¹, не знающий ничего иного как «про себя шагать, про себя махать».

---

⁸¹ «Такой-растакой» – эвфемизм (формула, употребляемая взамен грубых ругательств, чтобы собеседник понял осуждение, но не слышал разрушительных слов).

Скромный Ваня возьми да взгляни.

А она говорит: – Между сосен
Полетаем, на мир поглядим
И детей нарожаем и бросим,
На край света с тобой улетим.

О дороге, о жизни, о смерти
Поведём мы потешный рассказ.
Будут слушать нас малые дети,
Мудрецы станут спорить о нас.

Думу думал Иван – что за птица?
Взял ружье да её пристрелил.
Стали сны нехорошие сниться,
Помечтал он и хату спалил.

При честном любопытном народе
Свою душу не стал он смущать.
Поглядел – куда солнце заходит –
И подался край света искать.

Притчи про «скромного Ваню», «сидня», «растаковского сына» будят сонную мысль, отменяя скольжение по «асфальту». Как из квашни выпирающая глубина объемлет смысл очень многого. *Земное тесто* «наплывает бугристым потоком» на тех, кто почти утратил возможность отличать верх от низа.

Об этом сказано в стихотворении «Вина» (1979).

Полон воздух забытой отравы,
Неизвестной ни миру, ни нам.
Через купол ползучие травы,
Словно слёзы, бегут по стенам.

Наплывают бугристым потоком,
Обвиваются выше колен.
Мы забыли о самом высоком
После стольких утрат и измен.

Мы забыли, что полон угрозы
Этот мир, как заброшенный храм.
И текут наши детские слёзы,
И взбегает трава по ногам.

Да! Текут наши чистые слёзы.
Глухо вторит заброшенный храм.
И взбегают ползучие лозы,
Словно пламя, по нашим ногам.

Нет, не пусто эхо пустот (вариация присловья
«Переливать из пустого в порожнее» – «Пустой орех»
тоже создана в 1979-м).

Так много в сердце пустоты
Земной и вечной.

И все пустое на земле
И под землёю
Вдруг окликается во мне
Само собою...

Другое стихотворение того же года, «Стук», варьирует тему «Стучите, и вам отворится». Оно включено в 5-ю часть книги.

Рухнул храм... Перед гордым неверьем
Устояла стена. А на ней
Нарисованы суриком двери
С приглашеньем: «Стучите сильней!»

Что жалеть? Не такие потери
Проходили за давностью дней.
Для кого предназначены двери?
Кто просил, чтоб стучаться сильней?

Разве можно туда достучаться?
Все равно за стеною обрыв...

Человек, который бьется головою о дверь, «сам хва-

тился убогой потерей, / Да забыл он за давностью дней: / Сам взрывал.. Сам чертил эти двери / И просил, чтоб стучали сильней». Но небесные силы откликаются на «запоздалый порыв святотатца»: дверь отворилась и его, «чтоб совсем не разбился, / Подхватил на лету серафим». Стихотворение дарует надежду спастись у края бездны.

Откровение о спасении вне губительного потока стоит Древом Жизни и сияет во все стороны света даже тогда, когда, обсыпанные галдящим легионом бесов обломанные ветки срывает ветер, и они летят вдаль, разнося прах и тлен по городам и весям (притча «Видение», 1988).

Как родился Господь при сиянье огромном
Пуповину зарыли на Севере тёмном.
На том месте высокое древо возшло,
Во все стороны Севера стало светло.

И Господь возлюбил непонятной любовью
Русь Святую, политую Божией кровью.
Запах крови учуял противник любви
И на землю погнал легионы свои.

Я увидел: всё древо усеяли бесы
И, кривляясь, галдели про чёрные мессы.
На ветвях ликовало вселенское зло:
– Наше царство пришло! Наше царство пришло!

Одна тяжкая ветвь обломилась и с криком
Полетела по ветру в просторе великом
В стольный город на площадь её принесло:
– Наше царство пришло! Наше царство пришло!

Книга-исповедь «Юбилейное» борется за победу царство света над царством тьмы. Мы помним, какой была воинская специальность Юрия Кузнецова во время службы в армии. В исповедальной книге неслучайны написанная в 1962 г. «Пилотка» («Мы сделаем такое, черт возьми, / Чтоб после

нас пилоток не носили»), стихотворение «Связь» (1984), осмысливающее тему памяти как иссушенную забытьем, но целительную и спасительную.

Он был связистом на войне,
А нынче бродит в тишине,
Звук издавая странный
Ногою деревянной.

Среди теней, среди светил
Он стук морзянки уловил,
Идущий ниоткуда,
И понял: дело худо.

На братском кладбище ни зги
В сухое дерево ноги
Стучал слетевший дятел,
Или с ума он спятил?

Тире и точки слух прожгли,
Живая боль из-под земли
Ему стучала в уши:
«Спасите наши души

Спасите наши имена!
Спасите наши времена!
Спасите нашу совесть!
Одни вы – не спасётесь!»

Лишь до поры до времени диалог о скрытых пустотах соотносился с индивидуальными путями к вере/неверию (по крайней мере, мог быть истолкован в таких границах). «Свиток» персонального мифа уплотнялся. И накопленная сверхплотным веществом гравитация дала новое качество – свет мудрости Целого . «Новое солнце»⁸² (2001),

---

⁸² Согласно средневековой христианской онтологии, Бог свободно творит Бытие из ничего.

«Преображенный храм» (2001), «Солнце Родины смотрит в себя» (1988). Слова «Это Китеж, всплывая со дна, / Из грядущего светит крестами» излучают энергию общенародно освоенного созидательного смысла. Это и есть притяжение золотого века, в котором лучезарный нимб родной земли – не метафора и не выдумка, а залог возможности соборно освободиться от тьмы, воскресив пространство жизни, наполненной истинной любовью.

Сиянье видят и тянутся к нему все родные, братски открытые друг другу души.

ПРОЗРАЧНОСТЬ И ПРОЗРЕНИЕ

Среди стихотворений Юрия Кузнецова о неразрывности всего вокруг нас примечателен лиричный и в то же время эпически спокойный этюд «Темные люди» (1997).

Мы тёмные люди, но с чистой душою.
Мы сверху упали вечерней росю.
Мы жили во тьме при мерцающих звёздах,
Собой освежая и землю и воздух.
А утром легчайшая смерть наступала,
Душа, как роса, в небеса улетала.
Мы все исчезали в сияющей тверди,
Где свет до рожденья и свет после смерти.

В нем о бессмертии говорит естество обычных земных процессов: ночью выпадает роса, утром она испаряется. Такая поэзия, которая мудрее и глубже философии, – родник природной сообразительности людей, питающий ум молчаливыми прозрениями как иммунитетом к любой фальши. Благодаря такой поэзии людям легче сопротивляться уловкам «менторов» и «риторов», поднаторевших в умении управлять мнением «толпы».

Желая властвовать умами, философы эпохи Просвещения⁸³ называли Средневековье «темным» и подменяли веру в Бога ставкой на рассудок и прогресс. Что это природе живых языков и исконной культурной традиции народов чуждо, говорил Пушкин:

Ничто не могло быть противоположнее поэзии, как та философия, которой XVIII век дал свое имя. Она была направлена противу господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов, а любимым орудием ее была ирония холодная и осторожная и насмешка бешеная и площадная [Пушкин, т. 6, с. 412].

Вольтер, указывал Александр Сергеевич, «написал эпопею, с намерением очернить кафолицизм» и «60 лет наполнял театр трагедиями, в которых, не заботясь ни о правдоподобии характеров, ни о законности средств, заставил он свои лица кстати и некстати выражать правила своей философии. Он наводнил Париж прелестными безделками, в которых философия говорила общепонятным и шутливым языком, одною рифмою и метром отличавшимся от прозы» [Пушкин, т. 6, с. 412].

Идеологи компьютерной эры тоже на все лады пропагандировали вот-вот готовую наступить победу искусственных технологий. И что же? На этапе глобализации их проекты проваливаются как утопия: нет ничего жизнеспособного вне стратегии народосбережения. Это онтологическое условие не отменить никакими ухищрениями риторики. Свет мировых пустот, «обет молчанья перед Богом» выводит мир из лабиринта иллюзий и праздных толков о «свободе»:

---

⁸³ См. также нашу статью на эту тему в сб.: Кузнецовские чтения 2013–2014 гг. Русский мир и Европа. Пространство и время в творчестве Юрия Кузнецова. М., 2015. С. 71–77.

Что шепчет демон, ухо щекоча?
Откуда в слабой женщине болтливость?
Где кротость духа? Где его свеча?
Шумит свобода. Где её стыдливость?..

Вперёд, вперёд! Веди, угрюмый стих!
Веди меня по всем камням-дорогам
К безмолвью просветлённых и святых,
Обет молчанья давших перед Богом.

Веди в подвалы вздыбленных держав,
Где жертвы зла под пытками молчали;
Ни истины, ни правды не предав,
Они самозабвенно умирали.

Стихотворение 1991 г. «Молчание Пифагора», по историческому смыслу родственное трагедии «Борис Годунов» (1825) и пушкинскому кредо (элегия «Поэту», 1830), говорит о том, что не следует вести людей к пустому развлечению, болтовне и бездумью.

Замри, мой стих!.. Безмолвствует народ
В глухой долине смуты и страданья.
И где-то там, из мировых пустот,
Очами духа светит щит молчанья –

«Безмолвствует и спит» река забвенья (она «лишь тень застывшего мгновенья»), полная дрожи и мерцания река времен «все помнит и шумит». Но все принадлежащее жизни стихает пред светом Истины. Тишина рядом с теми, кто дорожит целомудрием любовного чувства: «Любовь слила два сердца – взор во взор, / Они молчат на берегу пустынном. / Ни слова, о, ни слова, Пифагор, / О красоте, чья двойственность в едином!» Строгого молчания требует связь с ушедшими в мир иной. «У вечного покоя не шумят, / А для других стоят в молчанье строгом. / Не просто так покойники молчат, / А чтоб душа заговорила с Богом».

Пифагор достиг знания обо всем: «Он жил и ничего не мог забыть, / Он камень пронизал духовным зрением. / Ему случалось человеком быть, / И божеством, и зверем, и растением». Он «первым из людей замкнул уста / И сей завет назвал щитом молчанья».

Своим молчаньем он сказал о том,
Что истина рождается не в спорах.
Но многие философы потом
Жизнь провели зазря в словесных орах.

Что перипетии многоречивой молвы – лабиринт без выхода, герой «Испытания зеркалом» (1985) узнал от гостя, который, как в поэме Есенина «Черный человек», явился из зазеркалья⁸⁴.

Ты в себе, как в болоте, погряз,
Из привычек не вышел ни разу.
Дальше носа не видел твой глаз,
Дальше глаза не видел твой разум.
Оттого ты всю жизнь изнывал,
От томления духа ты плакал,
Что себя самого познавал...

Гость из бездны называет кривдой все, чем заморожено индивидуальное познание; укоряет за нарциссизм – привычку во всем искать собственное отражение: «На пустое кричишь ты: “Моё!” / В роковое уставясь зеркало».

Ты поверил, что правда сама,
А не кривда глядит из зеркала.
Ты, конечно, сошёл бы с ума,
Если б в нём отраженье пропало.
Ты попался в ловушку мою,
На дешёвую склянку купился.

---

⁸⁴ В романе Достоевского «Братья Карамазовы» тоже есть сцена, где Иван Карамазов разговаривает с чертом.

Глянь вокруг! Ты, как Данте в раю,
В лабиринте зеркал очутился.
Зеркалами я скрыл глубину,
Плоскость мира тебя отражает.
Вместо солнца ты видишь луну,
Только плоскость тебя окружает.

Конечности построений ложного знания Кузнецов посвятил поэму-мистерию «Сошествие в ад» (2003). Об истинном назначении поэзии сказал в стихотворении «Голос» (1987), навеянном лермонтовскими «По небу полуночи ангел летел» и «Выхожу один я на дорогу»:

И вестник молчанья на землю сошёл,
Он мира коснулся и голос обрёл:
«Звезда подо мной, а под вами земля.
Я вижу: сквозят и сияют поля,
И недра прозрачны, и камень лучист,
И прах на дороге, как бездна, сквозист.
Но это не каждому видеть дано,
Светло в моём сердце, а в вашем темно».
Он бродит, неведомый вестник, и с нас
Не сходит сиянье невидимых глаз.
Младенец от тёмного мира сего
Смеётся – во сне он увидел его.
Светло в моем сердце. И слышу в ночи:
«Сияй в человечестве! Или молчи».

Ключевую роль категорий молчание, свет, прозрачность, прозреньё в единстве персонального мифа Юрия Кузнецова признают не все критики и литературоведы, публикующие свои трактовки личности и поэзии Юрия Кузнецова. Но сам поэт считал их существенными для Русского Мифа в целом.

«Мрачный одинокий талант» – характеризует поэта Вячеслав Огрызко (заголовок очерка, опубликованного на страницах газеты «Литературная Россия») ⁸⁵.

Энергично пишущий на кузнецовскую тему Кирилл Анкудинов в эссе «Меченый атом» утверждает:

Юрий Кузнецов <...> осознал, что человек <...> – это кукла, полумашина, полностью контролируемая, зомбируемая мифами, “многовековым наследием предков”. И сам он <...> тоже (как и все) лунагически следует по неуклонным магнитным орбитам мифов. Мифы разрывали этого человека (мифомедиума) на части, сжигали изнутри. А он мог их выплеснуть только через вдохновенно-смутный “избяной сюр” ⁸⁶.

Анна Ретеюм акцентирует «готические черты» поэзии Юрия Кузнецова, называя его творчество квинтессенцией «черного стиля», воплощением «принципа трагического ущерба» ⁸⁷. На такого рода интерпретации Юрий Кузнецов ответил сам в стихотворении 1989 г.:

Я знаю землю, где впотьмах
Горит свеча закона,
За кругом света бродит страх
И слышен рев дракона.

Но есть светлейшая страна
Иной красы и стати.
Свеча закона там бледна
Пред солнцем благодати.

---

⁸⁵ Огрызко В. Мрачный одинокий талант // Лит. Россия. 2013. № 35–36, 38. URL:[https:// Litrossya.ru](https://Litrossya.ru) (дата обращения 27.01. 2024).

⁸⁶ Анкудинов К. Меченый атом // Звать меня Кузнецов, я один ... С. 9.

⁸⁷ Ретеюм А. «Воздушный замок атомного взрыва»: Готические черты поэзии Юрия Кузнецова // Миф и действительность в творчестве Юрия Кузнецова: Материалы III науч.-практ. конф., посв. творч. наследию Ю. П. Кузнецова, 12–13 февр. 2009 г. М., 2009. С. 157–167; Ретеюм А. Сила поэзии Юрия Кузнецова // Юрий Кузнецов и мировая литература: к 70-летию со дня рождения: V ежегодн. междунар. конф., посв. творч. наследию Ю. П. Кузнецова 9–10 февр. 2011 г. М., 2012. С. 69–94.

Нагнетание мрачных красок в интерпретациях возникает тогда, когда критики всецело увлечены вторичной переработкой мифоматериала – отслеживают перипетии мифологем социокультурного пространства, бродя по лабиринтам вторичных языковых систем⁸⁸ и пытаясь вести за собой и читателей. Они стараются не вспоминать, что еще древнегреческий философ Платон называл лабиринты пещерой, в которой люди живут представлениями о тенях, поскольку выхода в освещенный солнцем мир не имеют. Поглощенный механикой вторичного взгляд не чувствует реальности. Когда умозрительные практики зациклены на доводах рации, сознание отключено от естественных (первичных) природных данностей языка.

Такая когорта критиков, сколь активно бы ни работала, не оценит подвижничество Юрия Кузнецова как поэта-гражданина, не приблизит читателей к русской школе образованности, в свете установок которой можно разъяснить народные эпические начала культуры-веры, спасительность гармонии. Светлые доминанты кузнецовского художественного мира – проводник живой энергетики. Но чтобы выйти из «пещеры», «распрямить лабиринты» модернистского кризиса, нужна такая перенастройка корпуса гуманитарных наук, при которой вторичное не будет подавлять первичные начала устного поэтического предания, органику Мифа и наследие мировых религий.

Эпоха Нового времени лишила многие европейские

---

⁸⁸ Идея отделять вторичные языковые системы от первичных была сформулирована в беседах основателей Тартусской семиотической школы Владимира Андреевича Успенского и Юрия Михайловича Лотмана. Об этом см.: Успенский В. А. Прогулки с Лотманом и вторичное моделирование // Лотмановский сборник. М., 1995. Вып. 1. С. 99–127; Поселягин Н. В. О понятии «вторичные моделирующие системы»: Из истории раннего российского структурализма // Вестник РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2010. № 1. С. 13–20.

нации эпического компонента языкового развития. Искусственно моделируемые нововведения, ротация дискурсов, системы идей, воздвигаемые ценой полемик и споров, а потом разрушаемые в новых противоборствах, создали заторы и руины – мертвое наследие, которое, расшатывая память, травмируя психику людей, несет в себе угрозу заката культуры.

Только многовековой опыт народной жизни, скрепленный привольным нравственным выбором гарантирует устойчивость. Когда эпический уровень языковой способности людей нормально развит, жалки и бессмысленны претензии индивидуалистов волюнтаристски распоряжаться общественными практиками исключительно в своих интересах.

В эпическом предании есть место всем жанрам и любым видам пафоса⁸⁹. Плач остается плачем, радость радостью. Но катарсис – обобщение происшедшего и пережитого при восхождении от слов и эмоций на невербальный уровень – укрепляет, облагораживает людские души, высветляет грани земных перипетий. Обладающие эпическим самосознанием люди не одиноки: для них мир не безмолвствует и ничто не скрыто – все доступно прозрению.

Поэму-триптих о Христе Кузнецов начал словами:

Знаменьем крестным окстил я бумагу. Пора!
Бездна прозрачна. Нечистые, прочь от пера!

Прозрение вознесло над бездной – к прозрачным, как роса, душам. В поэме «Рай» читаем:

---

⁸⁹Пафосом (πάθος `страдание`, `страсть`, `возбуждение`, `воодушевление`) древнегреческие мудрецы называли эмоцию, отклик слушателей на речь оратора, на увиденное или услышанное произведение. Иная трактовка (пафос как качество речи оратора) дана в римской риторике.

Мы приближались к звезде своего назначения.
Топнул по туче Господь: – Это здесь! – И кругом
Все засияло. Мы стали в пространстве другом.
Воздух был свеж и прозрачен.

Внизу простиралась
Голая местность и где-то в тумане терялась.
Сонмы великих и малых убогих людей
С тучи сходили внутри светоносных лучей.

«Сонмы» – очень большое множество. Оно внутренне
едино, хотя состоит из «великих и малых» (обозначение
отчасти земное) «убогих» (уже Небесное: `у Бога`).
В созерцании нарастающего света видим, как от тучи
отделился, сияя во все купола, и вознесся («куда – только
Богу известно») град Китеж, чьи стены приобрели про-
зрачность: меч Херувима «блистая, бродил за стеною. /
Мало-помалу она становилась сквозною»...

Через такие образы сознаешь: эпический поэт
не фантазирует. Он открывает себе и нам силу сознания
соборного – естественную, как естественно слияние ка-
пелек росы. Каждая росинка сама по себе концентриче-
ски отображает все, что есть вокруг; взгляд «от чистого
духа и мира сего» (словесная призма) прозрачен, подоб-
но росе. Гармонически точно совместимые проекции
из мира людей в мир природы поразительны. Но, как
и слитность человеческих сознаний, круговорот воды
на планете (туманы, росы, облака, дожди; громада
мирового океана, принимающая в себя потоки всех
рек; зимние состояния той же воды, превращающиеся
от холода в снег и лед) причастен глобальному Целому.
И это всего понятнее как свойство души, неотрывной
от Целого, из которого ее никакой механической тягой
или посторонней силой не вытянуть.

Хотя путь каждого человека персонален (пройден
им самим), соборность духовно-жизненного наследия,

насквозь пронизанного пульсом сердца человеческого, – качество единое. Вневременному ядру христианского мира органически соответствует пульс всего, что аккумуляровано русским Мифом. Вершина персонального мифа Юрия Кузнецова – поэмы «Путь Христа», «Сошествие в ад», «Рай» убедительно засвидетельствовали это.

До определенного времени все в его персональном мифе было пучками нитей, наматываемыми на один большой клубок. Но поэт сознательно шел к воскрешению русского Мифа. Клубок стал свитком небесных сил, явив Целое глобально нераздельным при переходе из одного «агрегатного состояния» (вода – росинки, потоки ливня, реки, озера) в иные (кристалл льда⁹⁰, воздушность облачного пара).

В отличие от мифологем общественного сознания (разрозненных обломков, прокручиваемых на мельнице вторичной переработки информации), компоненты архаического Мифа (мы будем называть их мифемами) глобально слитны – сквозь каждую мифему носитель этнического языка видит (интуитивно ощущает) круговорот вещества Вселенной. Мысль всесильна, когда поэтически объемлет целое, в этом корень убежденности Юрия Кузнецова, что «Русский миф – поэт». Живой водой скреплены мифемы Корень, Зерно, Яйцо, Дуб, Роса, Камень, Лист, Трава... Взаимосвязь всего в искони обжитом человеческим родом пространстве не буквами писана. Она обеспечена обычаем народным как совокупностью достойных, в экзистенциальном смысле верных решений и поступков.

Кузнецов не занимался сочинительством на бумаге. Он действовал, полагая главным достичь в себе и в окружающих цельности, без которой народ не народ.

---

⁹⁰ Кристалл (др.-греч. κρύσταλλος – 'лед', 'горный хрусталь').

Первой удачей на этом пути была поэма о Тихом зáрече⁹¹ – одном из бесчисленных городков русской глубинки, где встает рассвет неразрывно близких друг другу судеб («Дом», 1969–1973).

Без ресторана, без толпы,
Без лифта и швейцаров.
Над ним в холодной вышине
Пылают наши звёзды,
Под ним в холодной глубине
Белеют наши кости.

.....
В нём жили птицы и жуки,
Собаки и трава,
Стрекозы, воздух, пауки,
Цветы и синева.
Летели мимо поезда
И окнами смеялись.
Шла жизнь, но люди, как вода
В графине, не менялись.

Нераздробленное пространство жизни не создать самому; оно возникает ранее, чем ты, его участник, родился на свет. К мысли об этом Кузнецов вышел в юношеской поэме «Сыны революции»⁹²: «Я родился давно, / Я еще до рождения жил».

Я родился поздней.
Впрочем,
это ошибка.
Я поверить такому никак не могу.

---

⁹¹ В реальной географии Кубани это Тихорецк (город, именуемый так по названию реки Тихонькая, на которой он расположен).

⁹² Некоторые фрагменты поэмы перешли в текст напечатанного в книге «Гроза» (1966) стихотворения «18-й год».

Я придумаю тысячи жизней
И к собственной жизни примерю <...>

То, что не было раньше меня,
Я в такое не верю...

Всеобъемлющую обязанность говорить и мыслить от лица народа Юрий Кузнецов не суживал жанровой спецификой произведений. Его художественный метод действовал независимо от палитры жанров, будь то поэма «Дом», лирика («Я пел золотому народу», «Знамя с Куликова поля», «Сказка гвоздя», «К Родине», «Плач о самом себе») или публицистика. Считая очень немногих современных ему литературоведов дельными, Кузнецов признал правильным критерий мер, предложенный донецким филологом Владимиром Фёдоровым в эссе «Кто он такой?» (альманах «День поэзии-1990») ⁹³. Целое человека должно быть равно целому народа.

Сама по себе формула **поэт = народ** не новейшее открытие. Категории «гений народа», «гений языка» в XVII столетии имели смысл имперсональный. Европейские философы романтизма пытались соотнести индивидуальное с вопросом о народности литературы. И. Г. Гердер («Идеи к философии истории человечества», 1784–1791) опирался на платоновскую теорию *палингенесии* в своей трактовке полноценной передачи культурного достояния. Воспитавшие Пушкина участники литературного общества «Арзамас» понимали гениальность как призму восприятия / проецирования культурного опыта («магический кристалл» гармонии). Аналогичная трактовка включена во «Введение в историческую поэтику» (1894) Александра Николаевича Веселовского как прямое указание, что кристалл

---

⁹³ Фёдоров В. В. ...Кто он такой? // День поэзии-1990. М., 1991. С. 158–164. Это высказывание более полно приведено на с. 254 нашей книги.

народной нравственности формирует объективную оценку бытия.

Кузнецов в ответе на предложенную Аллой Киревой анкету «Как отличить истинную поэзию» (1987) сравнил свойство настоящей поэзии со свойством алмаза – способностью давать купол сияния, отражая солнечный свет.

Истинная поэзия от подделки отличается структурой. Старое сравнение алмаза со стеклом. Алмаз сияет сам собой. Во тьме над ним возникает купол сияния, чего не происходит со стеклом. Для этого нужно, чтобы на стекло упал свет луны. Оно отражает чужой свет.

В подделке нет своего света, она отражает чужой свет. Поэтому из тьмы веков сияет только подлинное искусство, а не подделка [Тропы, с. 82–83].

Мир светится сам собой: каждый цветок, каждая былинка травы отчетливее видны на сияющем своде; любовь и нежность к малому не позволяют что-либо забыть или перепутать; большие и малые волны пульсируют, воссоединяя пространство вне времени: «Сиял травы зеленый свод, / Смыкались облака, / Цикады час, кукушки год / И вóрона века»...

Из уст мальчишки в поэме «Дом» слышим: «Я не хотел, чтоб время шло!». Ласку, а не иронию вызывает порыв внука, поломавшего дедовы часы: отогну, думал он, стрелки, они не будут кружить по циферблату, и мир сделается вечным.

Из часовой тарелки,
Пронзив кинжально циферблат,
Торчали обе стрелки.

Наивная «простая жизнь души» здесь качество мироощущения героя, когда он был ребенком. А как сохранить слитность с родным миром в сознании человека, немало повидавшего бед? Лихолетья принуждали лю-

дей жить враздробь: гражданская, потом Вторая мировая война, великие стройки пятилеток поглощали чуть ли не весь человеческий материал, заставляя забыть дорогу в отчие края. Но настал срок вернуться – и отец мальчика нашел Тихий зарев таким же, как до войны.

Родина, исток... Поэт, как фотограф, наводит резкость, – и в объективе сосуд с тихой и чистой водой:

Летели мимо поезда
И окнами смеялись.
Шла жизнь, но люди, как вода
В графине, не менялись.

Фабула поэмы «Дом» охватывает разные ипостаси мира, но авторской линии близок образ мальчика по имени Владимир. «Итак, Владимир... мысль спешит / О нём сказать заранее. / Пространство эпоса лежит / В разорванном тумане. / К чему спешить? В душе моей / Сто мыслей навесу. / Укаждой мысли стопутей, / Каку огня влесу. / Во мне и рядом тишина, / Огни и повороты. / Душа темна, душа полна / Трагической дремоты». С мыслью сбересть тихую тайну прозрачности, наполнить ею земные пределы, поэт говорит:

Поэма презирует смерть
И утверждает свет,
Громада времени, вперёд!
Владимир, твой черёд.

На этой решающе важной, но еще не преодоленной черте читатели поэмы «Дом» расстаются с автором и героем. Формулу «во мне и рядом», напоминающую строку Тютчева «Все во мне и я во всем», Кузнецов сделал заглавием лирического сборника «Во мне и рядом – даль» (1974), составленного на следующий год после завершения работы над поэмой «Дом».

Круг земного бытия обязывает человека чувствовать нечто большее, чем сиюминутные потребности, не проспать свое предвечное назначение. К осмыслению этого императива в литературе XIX столетия вела онегинско-обломовская линия, однако формулировки лишней, маленький человек соответствовали рамкам условий людского общежития, то есть регистру драматических перипетий. А Кузнецов мыслил в регистре трагедийном. В очерке «Воззрение» он назвал XX столетие «героическим, но по-своему»:

В нём оказался только один богатырь – русский народ. Он боролся с чудовищами и даже с собственной тенью. Но это богатырь, так сказать, рассредоточенный. Его нужно было сфокусировать в слове, что я и сделал. Человек в моих стихах равен народу.

Стержневой жанр древнегреческого театра, трагедия выражала реакцию родоплеменного коллектива на вызовы, по масштабу превосходящие возможности рода, полиса, государственных и военных конклавов. Литература Нового времени, с ее первостепенным вниманием к индивиду, попыталась смотреть на мир через призму драматических коллизий. Это погрузило сознание в туман: конфликт поколений («отцов и детей») растекся без границ, как содержимое разбитого яйца. Критерии самоидентификации человека, общества стали неустойчивыми. Сама возможность существования самобытности народов пошатнулась с утратой эпической традиции.

«Пространство эпоса лежит / В разорванном тумане». Трагическая дремота – роковой последний рубеж для мира, в котором слишком и слишком многое (практически, всё) мешает очнуться от усыпления иллюзиями. Кто не проснется – не только сам погиб, но погубил народ его родивший.

Туман остался от России
Да грай вороний от Москвы.
Ещё покамест мы живые,
Но мы последние, увы.
Шагнули в бездну мы с порога
И очутились на войне,
И услышали голос Бога:
– Ко Мне, последние! Ко Мне!

Божественный Глагол, звучащий в стихотворении 1998 г. «Призыв», – не слово автора. Высший Логос развернет людей к спасению: они не погибнут, последние станут первыми. Схождение концов и начал очистит мир трагедийным накалом энергии, картонные рамки драм обычной жизни сторят вместе с лабиринтами мнимостей, писанных чернилами, отпечатанных в книжных томах Вселенной Гутенберга, оцифрованных в паутине пресловутой Галактики Маклюэна.

Грядущая отмена модернистской эпохи не допустит оцепенения в грезах.

Обратим еще раз внимание на кузнецовское развитие мотива слезы людские. Льющиеся, как «струи дождевые осенью поздней порою ночной» (Тютчев), слезы станут новым солнцем, «И оно никогда не зайдет»⁹⁴. Залог полноты – путь к Преображению, состоит в том, чтобы расплесканные капли слились в единство, разбудив мир живой водой, отменив смертельный морок. Такова формулировка задач, которые Кузнецов ставил и решал средствами поэзии.

Годом ранее стихотворения «Призыв» он написал «Лежачий камень» (1997) – притчу об упавшем с неба метеорите. Раскроем том лирики и перечтем эту притчу.

---

⁹⁴ О стихотворных репликах на «Слезы людские...» мы говорили на с. 104–106.

Лежащий камень. Он во сне летает.
Когда-то во вселенной он летал.
Лежит в земле и мохом зарастает...
Упавший с неба навсегда упал.

Старуха-смерть снимала жатву рядом,
И на него нашла её коса.
Он ей ответил огненным разрядом,
Он вспомнил голубые небеса.

Трава племён шумит о лучшей доле,
Река времён обходит стороной.
А он лежит в широком чистом поле,
Орел над ним парит в глубокий зной.

На плоском полотне пейзажа видим неподвижную точку в небесах (над обессиленной зноем степью парит орел), да старуху-смерть с ее орудием жатвы. Источник колеблющегося шума – река («В реке времён все волны зашумят») не задевает лежащий камень, обходит стороной. «Трава племён шумит о лучшей доле», но умирает, подсеченная косой.

Посмотрим, что добавляет к сказанному в первой части («Упавший с неба навсегда упал») вторая часть стихотворения. Она содержит прямое обращение к русскому человеку, предупреждение о последней точке следования на пути к смерти:

И ты, поэт, угрюм ты или весел,
И ты лежишь, о русский человек!
В поток времён ты только руку свесил,
Ты спишь всю жизнь, ну так усни навек.

Спокойно спи. Трава племён расскажет,
В реке времён все волны зашумят,
Когда он перекатится и ляжет...
Он ляжет на твою могилу, брат!

Притча эта тоже призывает очнуться от сна.
Поэт верил в возможность искупить роковую вину.

И как показывает пронзительный лирико-философский шедевр 1985 г., думал о прощении:

Вспылит земля на резком повороте,
И отлетит живая злоба дня.
За эту пыль, за эту смерть в полёте
Я всех прощу... Но кто простит меня?

Резкий поворот, на котором злоба дня отлетит, как пыль, не станет концом человечества, если свершится возврат к Целому. Сквозь морок трагической дремоты поэт вел современников к принятию единства прошлого – настоящего – будущего («Как жизнь одну, три времени приемлю»).

В Мифе нет смерти и нет времени. Есть пространство, в котором соприсутствуют и взаимодействуют члены единого родоплеменного коллектива. Его благополучное состояние (в итоговом разделе книги мы поговорим о том, что в Мифе век – мера не времени, а качественного состояния пространства) упрочивает христианская онтология. Она гармонизирует многовековой опыт жизни племен и народов, взаимодействие разных этнических культур.

Хотя в Средневековье христианский историзм (опора на Святое писание и Святое предание) дал стимул формированию наций, титанизм очагов Возрождения вне органического развития не имел устойчивой опоры: за возрожденческой концепцией гуманизма пришла идеология Просвещения, веру в Бога заменили утопической верой в прогресс.

Имея сходство с культурными процессами эпохи Возрождения, взлет русской национальной культуры XIX в. отличался от них общенародно закрепленными жизненными практиками православия, верой в Воскресение – спасение народов от гибели в «последние времена», когда сойдутся концы и начала.

Исповедальным чувством полна реплика на лермонтовский шедевр «Когда волнуется желтеющая нива» (1837), написанная Юрием Кузнецовым в 1990 г., в преддверии своего 50-летия.

Когда со свечой страстотерпца
Молитву творю в тишине,
То сердце открыто во мне
И в Боге развернуто сердце.

В молитве мы оба ясны.
Свет веры сквозь купол небесный
Проходит, связуя две бездны,
Два сердца и две тишины...

Господь отвечает на зов...
Окалину дух отряхает.

И с мира спадает покров,
И дьявол в аду отдыхает.

Судьба отпустила ему еще 12 лет жизни. Поистине геройская закалка характера позволила не сломиться в горькие, жестокие и трагические для Родины годы.

На пределе возможностей одного человека личностное становится всенародным. Персональный миф писателя, воспитывая эпическое восприятие мира у читателей, крепил стержень русского Мифа.

Поэт и гражданин, Юрий Кузнецов провидел возврат к тысячелетним истокам нашего духовного Отечества. На предугаданном пути он шел почти один, однако довел работу до стадии зрелой.

С достигнутой им ступени стала очевидна фальшь модернистских трактовок феномена русского самосознания.

Открытость и несуетность слов поэта трезвит умы, помогает ясно видеть *что есть наша Родина и вера.*

О, Боже!

Дай мне хотя б на мгновенье одно

Рай лицезреть. Что потом – все равно.

– Больше проси! – Нищете подобает смиренье.

– Что подобает, то слепо. Я дам тебе зренье.

Прочь с Моих глаз на мгновение в тысячу лет!..

.....

– Много ли это: мгновение в тысячу лет?

– А до скончания мира, – таков был ответ.

К СПОРАМ О ПОЭМЕ «ПУТЬ ХРИСТА»

Судить о художественных произведениях на религиозную тему не просто. Журнальная критика начала 2000-х гг. не была готова адекватно откликнуться на религиозные поэмы Юрия Кузнецова, Интернет запестрил пренебрежительными, резко отрицательными оценками трилогии «Путь Христа».

Несколько таких публикаций попались мне на глаза раньше, чем полный текст триптиха. Тогда я знала только его фрагменты, в частности, «Христову колыбельную». Выдвинутые критиками обвинения не соответствовали светлomu поэтическому впечатлению от колыбельной песни, полной света любви и глубоко тронувшей мое материнское сердце.

Грубым сведением счетов отличился Николай Переяслов⁹⁵, не скрывавший своей неприязни к тому, кто «единолично решал, кому выдавать визу для въез-

---

⁹⁵ Переяслов Н. Латентный постмодернизм Юрия Кузнецова // Сибирские огни. 2005. № 10. URL: <https://www.sibogni.ru/content/latentnyy-postmodernizm-yuriya-kuznesova> (дата обращения 20.01. 2024).

да в Вечность» (так критик оценил работу Кузнецова на должности зав. отделом поэзии в журнале «Наш современник»). Переяслов назвал триптих о Христе «простейшим способом заявить о себе и самоутвердиться в искусстве, взгромоздившись на спину всей мировой культуры, и, стоя там, на плечах зарубежных и отечественных классиков, выцарапать на граните вечности свою нетленную строчку: “Тут был Вася” (или, применительно к нашему случаю – “Юра”». И осудил живую предметность повествования: Кузнецов «выбрал путь не собственного духовного восхождения и подъема своих поэм до уровня постижения Господних заповедей и Его божественного образа, но путь опускания всей истории прихода Спасителя на землю до уровня своего чисто материалистического мышления»⁹⁶.

Христос в поэме говорит ученикам на тайной вечере: «Будьте как люди. А большего вам не дано».

Ешьте и пейте на благо идущих веков
Тело и кровь, что за вас предаются на муки.
Память Мою на земные берите поруки.
Будьте как люди. А большего вам не дано.

Если это «опускание истории Христа на землю», то прав поэт, а не сгустивший чернильные тучи критик.

Сочные мазки, которыми набросаны в поэме-триптихе эскизы Евангельских событий, не застыт уровень духовный.

Из-за клеветнического тона и путаного слога статьи Переяслова невольно вспомнилось: «Лучшая критика на плохие произведения – создание произведений хороших». Автор этого афоризма Василий Андреевич Жуковский был первоклассным поэтом, человеком верующим.

---

⁹⁶ Переяслов Н. Латентный постмодернизм Юрия Кузнецова ...

Когда краски, лепка фигур естественны, читатель не перепутает перо голубиное и перо воронье.

Бездна прозрачна. Нечистые прочь от пера!

Вероисповедные произведения Юрия Кузнецова замечательны мастерским использованием притч. У Сократа тоже была притча о том, что перо прорастает вместе с энергией души – люди как бы незримо оперяются для полета. Христианин до Христа, Сократ пришел к пониманию Бога как Истины.

Повествователь триптиха о Христе движем жаждой просветления. Ни о чем подобном вы не прочтете в эссе «Напролом» К. Анкудинова, который, строя свою концепцию «мифо-модернизма», называет Кузнецова «русским Йейтсом»:

Совершенно ясно, что Йейтс и Кузнецов одинаково смотрят на человека, цивилизацию, природу, творчество, фольклор <...> Мы имеем дело с общим типом сознания, сформированным модернистской эпохой. Всякая национальная литература на определенном этапе обязана пройти через такой тип сознания, для того чтобы нормально развиваться в дальнейшем.

Если творчество Йейтса давно признано классическим, оно – неисчерпаемый источник для филологов всего мира <...> и огромное влияние Йейтса на последующую (в том числе и современную) англоязычную литературу не оспаривает никто, его читает молодежь, увлекающаяся “ню-эйджем” <...> то Кузнецов до сих пор пребывает не в своем контексте, многие считают его <...> маргиналом <...> Как водится, пророка в своем отечестве нет <...> Отечественным специалистам пора проснуться и обратить внимание на наследие Кузнецова, иначе иностранцы их опередят, поскольку интерес к мифо-модернизму – одно из самых актуальных культурных веяний нашего времени⁹⁷.

---

⁹⁷ Анкудинов К. Напролом. Размышления о поэзии Юрия Кузнецова // Новый мир. 2005. № 2. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mir/2005/2/naprolom.html (дата обращения 27.01. 2024).

Кирилл Анкудинов причислил «Детство Христа», «Юность Христа», «Путь Христа» к «явным неудачам»: Логика Евангелий, сказал он, вытеснена логикой Мифа, в связи с чем неясен статус этих поэм о Христе: «Непонятно, что они представляют собой – светские художественные произведения, внутрицерковные тексты или оккультно-эзотерические откровения»⁹⁸.

Не Кузнецов смешивает области сознания, а сам критик, поправил литературовед А. Татаринов: «Кузнецов – самый значительный русский поэт рубежа тысячелетий <...> а не богослов, не религиовед, не сектант. Но критики, не готовые работать в ситуации, когда «литература, касаясь христианства, слишком близко подходит к религиозной реальности, представляют каждый авторский апокриф «не “литературой”, а символом новой веры, отрицающей православие»⁹⁹.

Мы со своей стороны полагаем, что все встанет на свои места, если не замещать категорией мифы (во множественном числе) категорию *архаический Миф*, у которой нет множественного числа.

Как и живые этнические языки, архаический Миф рожден метонимическим мышлением. Но, как повелось в европейской полемике о классицизме и романтизме, этого не учитывали. Ее участники эксплицировали свой собственный тип мышления на неясную им природу мировосприятия архаического. Древняя устная языковая традиция казалась им скоплением мифов. Авторитеты европейской эстетической мысли соглашались признать поэзию единственным участком словесности, где изредка напоминает о себе гений (`ген`, `код` древнейшего наследия этниче-

---

⁹⁹ Татаринов А. В. Последние апокрифы Юрия Кузнецова // Первые литературные Кузнецовские чтения: Материалы. Краснодар, 2006. С. 65.

⁹⁸ Анкудинов К. Напролом ...

ских языков), но четкого соотнесения понятий поэзия и народность выработано не было.

И по возможностям обобщения сути наука явно уступала изустной народной мудрости. Поэт-философ Евгений Баратынский написал об этом:

Старательно мы наблюдаем свет,
Старательно людей мы наблюдаем
И чудеса постигнуть уповаем.
Какой же плод науки долгих лет?
Что наконец подсмотрят очи зорки?
Что наконец поймет надменный ум
На высоте всех опытов и дум,
Что? – точный смысл народной поговорки.

В связи с этим высказыванием вспомним несколько пословиц об истине и лжи: русские «Лжей много, правда одна», «У лжи ноги коротки», «Ложь на гнилых ногах ходит», «На лжи далеко не уедешь», итальянскую «La bugia ha le gambe corte» (буквально – «ложь на коротких ногах»). Народные поговорки ассоциируют устойчивое единство с правдой (реализмом), неустойчивость – с умножением «гнилых», «коротконогих» неправд.

В Евангелии от Матфея есть сюжет про женщину из Ханаана¹⁰⁰, молившую Христа излечить ее дочь от беснования. «Не хорошо взять хлеб у детей и бросить псам», – ответил Сын Божий, имея в виду, что послан нести учение сынам израилевым. «Господи! Но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их», – возразила несчастная. Иисус сказал: «О женщина! Велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему. И исцелилась ее дочь в тот же миг» (Мтф., 15, 21). На заре христианства два

---

¹⁰⁰ Ханаан – населенные арабскими племенами земли, на которые привел Моисей свой народ через Красное море, спасая соплеменников от плена Египетского.

типа реализма, христианский и языческий (оба – плод живой и непосредственной веры, а не фарисейства или схоластики) непротиворечиво дополняли друг друга.

Инструмент архаического мышления, притча (в корне этого слова сохранилось значение `приткнуть`) служила разъяснению Христова Слова и Дела; послужит и впредь: притчевое умозрение (**зреть = видеть**) тренирует эпический уровень восприятия, зрелость (**зреть = созреть**) народного ума.

Поэма «Путь Христа», о которой Кузнецов говорил: «Это моя словесная икона», написана ради того, чтобы современники помнили о событиях Священной истории, вникая в них созерцательно, думали о них, не отягощая разум догмами и сторонними интерпретациями.

Русское название икон образá дублирует слово *εἰκών* (`образ`), замечательное тем, что оно для древних греков обозначало практику иконоческого (зрительного, а не словесного) восприятия. Ольга Михайловна Фрейденберг («Миф и литература древности», 1978)¹⁰¹ поясняет: сравнения, экфразы¹⁰² в древнем ахейском эпосе выполняют функцию не нарративную (нарратив – повествование), а зрительную:

Если сравнения называются по-гречески *εἰχόνες*, то тем более к экфразам применим этот термин “образов” и “изображений” (“картин”). Действительно, античные экфразы также называются *εἰχόνες*, как и сравнения. Позднейшая рационализирующая мысль полагает, что

---

¹⁰¹ Собранные воедино и изданные в 1978 г работы по теории мифа профессора ЛГУ О. М. Фрейденберг (1890–1955) – главное творческое наследие этого авторитетного представителя отечественной классической филологии. Ольга Михайловна (двоюродная сестра Бориса Пастернака) пережила блокаду Ленинграда, не уехала из города, чтобы не оставить без помощи свою больную мать.

¹⁰² Экфраза (с греч. `изложение`, `выражение в деталях`) – описание какого-либо предмета визуальных искусств (живописи, архитектуры, скульптуры) в художественном произведении.

экфразы носит такое название потому, что описывает картины живописи, εἰκόνες; на самом деле, она сама εἶναι. Ни в сравнениях, ни в экфразах еще нет движущихся сюжетов¹⁰³.

Итак, словесная икона показывает нечто независимое от движения сюжета (рассказывания). Говорящий рисует словами, не привнося ничего от себя. Для древних мастеров не было сомнений, что слушатели (читатели) располагают тем же объемом невербального восприятия, что и сам рассказчик. Полный объем восприятия требовался для понимания любых родов словесного искусства.

Невербально воспринимаемая устойчивость смысла (стихия взаимосвязи частей в Целом) в эпосе устойчива. И это главное, чего нет в сюжетостроении, обычном для литературы Нового времени, подчиненной эстетическому канону, закрепившему деление на три литературных рода: эпос, драму, лирику.

Эпическое восприятие «строит» целостное понимание независимо от того, что рассказывает повествователь. К высшему уровню понимания поднимает не автор высказывания (тот, кто излагает события), а Миф – залог устойчивости понимания при приволье ходов мысли (траекторий восприятия, понятных слушателям взаимодействий между смыслообразами). Поскольку в эпосе смысл мифем карнавальному перевертыванию не подчиняется, носители живого языка ориентируются в окружающем мире, соображая быстро, самостоятельно, и главное – независимо от того, что высказано и что не высказано в речи.

Поговорки, пословицы – быстродействующий тренинг народной смекалки. Зрелые участники ситуации иконического сравнения, мастера и наставники вроде Сократа, умеют говорить притчами. Они организуют

---

¹⁰³ Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 96.

акт совместного «философствования», притыкая нити (`куст`, `гроздь`) образной ткани друг к другу так, чтобы взор ума слушателей объял все Древо Жизни.

В древнегреческой культуре привязка речи к говорящему в публичных действиях не импровизационных, а постановочных имела специфику драматическую (комедия и трагедия на сцене театра) или лирическую (элегии, ямбы, мелика).

Трагедии и комедии в античном театре ставились как диалог актера (актер в наиболее раннюю эпоху был один) с хором (хор откликается на рассказ, выражая народные чувства).

Тексты, передающие эмоции и мысли отдельного человека, исполнялись как речитатив или песня под аккомпанемент струнных инструментов (что запечатлено в выражении «классическая лира»).

Древнегреческий способ иконического сравнения вошел в состав средневекового христианского понимания искусства как неавторского творческого акта («Творим не мы сами, а Господь нами»). Это нужно учитывать при анализе высших форм реализма в искусстве, а также при разъяснении причин, в силу которых православная вероисповедная традиция не породила противоречий между образованностью (книжностью) и устными народными культурно-языковыми практиками.

Категория *хоудождество* обозначала переход нерукотворного в рукотворное: творит Бог; люди выступают лишь как умелые рукодельники (*-хоудогъ-* корень слова, родственный англ. *hand* – `рука`) ¹⁰⁴. Художник рисует словами как красками: обладая эпическим чутьем, показывает предмет (а не толкует его). Произведение поэтично в той мере, в какой активизирует у читателей

---

¹⁰⁴ В Средневековье об умозрительных представлениях говорилось: умно строить.

и слушателей внимание созерцательное. Никто из участников такой коммуникативной ситуации не сомневается, что Истина не изрекаема и не принадлежит никому одному.

Ритор же действует как ментор, чья задача – курировать, направлять восприятие слушающих, встраивать в некую систему догм. Он внушает, манипулирует сознанием аудитории (тогда как объективно никакие рациональные доводы Истиной в последней инстанции быть не могут).

Вернемся к поэме «Путь Христа» и перечитаем сцену в доме прокуратора Понтия Пилата. Этот диалог об истинном в мире.

Дом прокуратора – призрак меж злом и добром.
На Иисуса он глянул двуглавым орлом.
Молвил Пилат, возвышая свой голос судейский,
И загремел его жребий: – Ты царь иудейский?
Молвил Христос: – Ты сказал и сказал не своё.
Но не от мира сего ныне Царство Моё!
«Ритор!» – подумал Пилат и на время забылся.
Голос глаголил: – На то Я пришел и явился,
Чтоб проповедовать истину, только её.
Истинный в мире да слушает слово Моё!
Глянул Пилат на Христа и промолвил с тоскою:
– Истина? Сам-то ты знаешь, что это такое?
Я ненавижу туземцев, сикеру и ложь.
Ты непохож на туземца. – И ты непохож. –
И усмехнулся Пилат, и промолвил с тоскою:
– Ладно, ступай. Я не вижу вины за тобою...

Мы упоминали, что А. Татаринев, разбирая жанр апокрифов в статье 2006 г., опроверг нападки на Кузнецова как сектанта или создателя нового эзотерического учения. Но факт, что жанровое мышление сформировано в Новое время, исследователь оставил за скобками.

Статья «Последние апокрифы Юрия Кузнецова» сама по себе показывает, насколько влиятелен в литературоведении и по сей день инструментарий эстетического анализа, созданный при переработке аристотелевой «Поэтики» европейскими теоретиками классицизма.

Однако давно пора признать, что жанровый подход не эффективен для раскрытия специфики памятников древнего эпоса. Ключа к художественному реализму, питаемому раннехристианскими воззрениями, этот подход не дает. Европейская эстетическая мысль – наследница латинской книжности Средневековья.

А древнерусская книжность, транслируя навыки эпического восприятия, не сковывала внутреннюю энергию народных эпосов, устойчиво сохраняя принципы, унаследованные ею от древнегреческой классики. Полноценное усвоение соответствующей школы вполне возможно и в наши дни: основы православного понимания Истины естественно, органично сращены с русской культурно-языковой традицией. И закономерно, что на вершинном этапе личностного развития самый значительный русский поэт пройденного нами рубежа тысячелетий создал православные поэмы.

Нет сомнений в том, что литературные апокрифы¹⁰⁵ вобрали спектр чувств, переживаемых человечеством христианской эры. По разнообразию он соответствует всей палитре красок земной жизни. Как любой повествовательный материал, апокрифические тексты окрашены субъективным восприятием происходящего.

С метаморфозой *радуга / белый луч* мы имеем дело в первобытном мифомышлении (имперсональном), в мышлении смиренно-личностном (православно-хри-

---

¹⁰⁵ Литературные апокрифы – древние (в ряде случаев не сохранившие конкретных сведений об авторстве) и авторские произведения на сюжеты ветхозаветной и новозаветной истории.

стианском). Понятие о психологии (от др.-греч. ψυχή – `душа` и λόγος – `учение`) в контексте феноменов соборной духовности (mens – лат. `дух`, `духовность`) проще всего объясняет, как цвета радуги могут превратиться в прозрачный белый луч света. Целое, при всем богатстве психологических красок мирской жизни, делает христианскую ментальность просвещенной.

Субъективно-лично окрашенные апокрифы бывают частью более пространныго художественного текста, автор которого художник-реалист. Например, в роман Достоевского «Братья Карамазовы» входит «Поэма о великом инквизиторе». Апокриф содержит коллизию, характерную для внутреннего мира Ивана Карамазова – человека, перипетии личностного становления которого осложнены софизмами и жесткой логикой доказательств, которая сломала психику этого гордеца. Великий эпик Фёдор Достоевский раскрыл драму личности, мучимой сомнениями и отчаянным отрицанием Высшей Справедливости: показал ментальное пространство персонажа, не вторгаясь с поучениями в ментальное пространство читателя.

В большинстве литературных произведений малой формы («Лотова жена» А. А. Ахматовой, «Свободы сеятель пустынный...» А. С. Пушкина) инстанцией повествования служит не персонаж и не автор, а так называемый лирический герой¹⁰⁶ – достоверная зарисовка чувств. На эту зарисовку (психологический комплекс переживаний) в силу достоверности показанных эмоций реагирует читатель: заражается ими либо их не приемлет (отвергает, осуждает, смеется над ними и т. д.). Бурный расцвет лирики, обогативший ее новыми

---

¹⁰⁶ *Лирический герой* – категория, введенная литературоведом Лидией Яковлевной Гинзбург (1902–1990). См.: Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Л., 1979.

жанрами, был обусловлен активностью индивидуального субъективно-личностного начала в литературе Нового времени.

Лирика одушевляет и природу: деревья, животные, пейзаж включаются в переживание. Тут один шаг до натурфилософии. В том случае, когда физический объект и человеческое сознание соединены в неразъемный психоэмоциональный комплекс, важно выявить характер скреп. То есть учесть, являются ли скрепы метафорическими (авторское перенесение свойств с одного предмета на другой) или метонимическими (имперсональное растворение в объекте, свойственное носителям архаического Мифа).

Тогда как натурфилософия предполагает аморфное «всё во всем», христианская вера формирует призму (кристалл) ментальности, высвеченной светом вероисповедной Истины. Смиренно-личностному мировосприятию дано гармонизировать огромный хор голосов в больших художественных полотнах.

Триптих Ю. П. Кузнецова «Путь Христа» можно сравнить с поэмой «Кому на Руси жить хорошо» (1863–1877). Н. А. Некрасов намеревался дать панораму народных мнений первого десятилетия после отмены крепостного права. Ответ на вопрос, почему написанные за многие годы работы над поэмой фрагменты не были собраны Некрасовым воедино¹⁰⁷, возможно, связан с тем, что конструирование сюжета влияет на восприятие смысла текста (воспринимается читателями как авторская оценка изображенного). Вполне возможно, Некрасов хотел оставить за собой роль свидетеля (очевидца), а не интерпретатора.

---

¹⁰⁷ В академическое собрание сочинений включен вариант сюжета, составленный учеными советского времени. Он акцентирует выбор в пользу идеалов Гриши Добросклонова.

Кузнецов воссоздал не панораму мнений, не некий современный срез восприятия Евангельских сюжетов, не восприятие собственное (авторское). Аналог, близкий поэме «Путь Христа» эмоциональной окраской, представляют собой написанная на украинском языке поэма Т. Г. Шевченко «Мария» (1959) и сделанный в 1939 г. Б. Л. Пастернаком ее перевод на русский язык.

В них сюжет о рождении Христа передан устами верующего человека из крестьянской среды. Борис Пастернак бережно сохранил допущенные кобзарем отступления от канонического Евангелия, передав сердечное простодушие, которым лучится характерный, с южнорусским оттенком, просторечный пересказ Священных событий.

Автору поэмы «Мария» тоже хотелось, чтобы официальный не заглушил звучащий в глубинах народного сердца молчаливый голос Истины. И замысел вполне удался, апокриф не исказил христианского взгляда на искупление страданий человеческих. Целостный художественный эффект достигнут из-за психологической достоверности чувств лирического героя.

Сами по себе такие замыслы – признак переломных рубежей в жизни народа, которые из-за масштабности вызовов обостряют необходимость хранимого православием христианского историзма, более устойчивого и мощного, нежели тот, что выработан европейцами Нового времени.

Поэма-триптих Юрия Кузнецова – знак общенародного подведения итогов XX столетия. Скольких людей оно обездолило! Похоронки, сводки о погибших в боях, пропавших без вести, умерших от голода, невинно замученных в концлагерях... Статистику жизненных потерь множили сиротство, вдовство безотцовщина. Над миром разрасталась не стихающая огромная, на всю планету, беда. Не каждый мог впустить в сознание ее масштабы.

Наиболее прозорливым стало ясно, что при отсутствии воли к мужественному отпору этой беде нельзя остановить погибель у края последних времен. Сын красного командира, павшего в Великую Отечественную, очевидец Карибского кризиса Юрий Кузнецов принял обязанность защитить Россию не умозрительно. Наш общий долг не оплошать на пороге третьего тысячелетия христианской эры стал для него жизненным императивом.

В 1991 г. на встрече с читателями в телецентре Останкино¹⁰⁸ Юрию Поликарповичу прислали вопрос: «Ваши стихи пронизаны болью о России. Вы считаете, она погибла безвозвратно?». Он ответил:

Да, у меня такие стихи... Значит, мы хороним её, да... Ну что ж... Знаете, я раньше, лет двадцать назад, писал очень печальные стихи о России, а сейчас всё это сбывается, как будто я в воду глядел... Но самая главная печаль ждёт нас впереди. Так я чувствую. Я к этой печали готов. Говорят о возрождении. Я говорю о *воскресении*. Погибшее – воскресает. Это было с Россией несколько раз. В Смутное время... И сейчас... Всё погубило. Но она воскреснет. Такая вера у меня. У нас главный православный праздник – Пасха, то есть Воскресение. В католичестве и протестантстве основной праздник – Рождество Христово. А у нас – умер Христос и воскрес. Так что для нас Воскресенье – наш народный праздник. До сих пор мы это чувствуем. То есть умерла Россия, и она воскреснет. Я вот в это верю. А возродиться, то есть – родиться – можно ведь другим человеком... другим... А я хотел бы, чтобы воскрес – не искажился – русский дух, русский национальный характер, лучшее в нём.

Сказал, что считает источником своей поэзии Добро и Свет:

---

¹⁰⁸ Для нас поэт – пророк: Стенограмма юбилейного вечера к 50-летию Юрия Кузнецова в концертной студии Останкино, 1991 г. // Звать меня Кузнецов, я один ... С. 314–319.

Много лет меня пытаются в критике определённого круга представить как поборника сатаны. Почему-то приписывают мне, что я язычник. Не знаю, словно это что-то такое плохое... Вот Илья Муромец живёт до сих пор, это тоже язычество... Я не то чтобы не согласен, но не могу это принять. Да, в стихах у меня часто, устойчиво мелькает символ вселенского зла: сатана, бесы. Но противопоставлен этому всему – свет. Свет – это и любовь к Родине (у меня много стихов о Родине). Так что источник – Свет, Добро, конечно...

При ответе на записку из зала, в которой говорилось «мы живем в оккупированной стране», Кузнецов добавил:

Многих патриотически настроенных интеллигентов раздражает вот это терпение, такая вроде бы бессловесность. Нет, это нужно понимать в *евангельском* смысле. Это именно не забитость, а долготерпение. Просто мы близки к принятию евангельских истин. Поэтому просто нужно обратиться к вере. Иного не дано. Потому что коммунистическая утопия – рай на земле – уже очевидно, чем обернулась – кровью, морями крови... Так что воскресение церкви, воскресение веры – только это – больше ничего нас не спасёт <...> ВЕРА – камень несокрушимый, твердыня духа. Говорю как православный человек и как поэт.

По вместимости чувств кузнецовский триптих о Христе аналогичен полотну Александра Иванова «Явление Христа народу». Художник изобразил скопление взволнованных людей, которые по-разному реагируют на весть о том, что приближается Спаситель.

За поставленными в эпическом триптихе Кузнецова «Путь Христа» вопросами стоят данности трагические, но концентрируемый поэмой поток энергии, при невероятной насыщенности, устремлен не к взрыву: вера в Благодатность Целого удерживает Вселенную.

По строкам зачина поэмы «Путь Христа» попробуем ощутить, как достигается равновесие.

Всё началось со свободы у древа познания
И покатилося-поехало в даль без названья.
Всё пошатнулось, а может, идет напролом

В рваном и вечном тумане меж злом и добром,
Пень да колода, и всё ещё падает в ноги
Мёртвое яблоко с голосом: будем как боги!

«Идти напролом» значит двигаться в пространстве, заваленном препятствиями («пень да колода» – останки деревьев, утративших крону и плоды). Ориентир верх / низ доведен до самой острой осязаемости: так обостряются чувства, когда двигаешься на ощупь.

Все предстает потерявшим движение в «рваном тумане меж злом и добром». Звук упавшего яблока, сорванного первыми обитателями рая (мертвое яблоко «все еще валится в ноги»), и тот не сдвинулся со своего места после Адама и Евы.

В фольклоре наличествует парность антиномии живая / мертвая вода (молодильные яблочки / яблоко, погружающее в смертный сон, как в «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях»). Но полюсами Мифа нельзя вертеть как игрушкой: «карнавальность»¹⁰⁹ забавна, однако она размагничивает компас, помогающий сопротивляться гибели. Сказано: любовь сильна как смерть. Неверно мыслит тот, кто готов играючи подменить начала жизни фантомом смерти. В зрелом творчестве Кузнецова игре в перевертыши сопротивляется любая фраза. Сказано, что рваный туман застит пространство меж злом и добром. Если переставить слова зло и добро в этой фразе, это исказит естественную картину природы: зло и туман – болотистые низины; а лучи Добра высоки и прозрачны.

Апостол Матфей учил: «Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И зажегши свечу не ставят ее под сосу-

---

¹⁰⁹ Из работ Михаила Михайловича Бахтина в литературоведение вошла концепция карнавальности культурных смыслов. Но его идея амбивалентности (взаимозаменяемости верха / низа) в средневековой смеховой культуре верна применительно к практикам «западным» и не соответствует практикам «восточным» (не нарушающим органику Мифа).

дом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца Вашего Небесного» (Мф. 5:14–19).

Не философские умозаключения, а чувство изумления пред лицом Истины связывает с читателями автора поэмы-триптиха. Песню о свете без заслонов поет восставший из мертвых Лазарь.

Даже в земных преисподних
Светит оно широко.
Трудно подняться на подвиг,
Всё остальное легко.

Гимн Свету звучит из уст того, кто острее других ощутил жизнетворность солнца. Но к числу светлых песнопений относятся «Христова колыбельная», «Христова подорожная», плач Марии. Высветлены все перемены ракурса сюжета.

«Трудно подняться на подвиг», но только поднявшийся одолеет препятствия на пути.

В тесных земных преисподних
Дремлет великий покой.
Можно проснуться на подвиг
Только по вере святой.

Братья и сестры, вставайте!
Вера сияет во мгле.
Богово Богу отдайте,
А остальное земле.

В красочности картин поэмы-триптиха природные свойства земной красоты – свидетельство того, что все земное нуждается в свете. Нет радуги без солнечного луча. Краски стираются, глохнут в темноте, но расцветают живыми брызгами разноцветья в ответ на энергию Солнца.

Слово должно наполняться жизнью, как день – прямыми солнечными лучами.

ПТИЦЫ, ДЕРЕВЬЯ, ЛЮДИ

На встрече в телестудии Останкино кто-то спросил поэта: что означает в его стихах строчка «рыба-птица садится на крест»? Кузнецов пояснил:

Это древний символ. Идёт ещё от шумеров. Воспринимайте это как символ природы: рыба-птица – верх-низ; она кричит: хочет докричаться до нас (уже охрипла), но мы её не слышим. Вообще, да, много символики, но символики именно народной, то есть забытой. В стихах я её воскрешаю, не надеясь особенно на понимание современников. Но иначе я не могу. Надеюсь, что потом поймут – читатели будущего времени.

Лучших соратников-воскресителей народной символики поэт нашел в когорте отечественных этнологов и лингвистов XIX столетия. В первую очередь это создатель «Словаря живого великорусского языка» Владимир Иванович Даль (1801–1872), основатель русской мифологической школы Фёдор Иванович Буслаев (1818–1897) и его последователи Александр Николаевич Афанасьев (1826–1871), Орест Фёдорович Миллер (1833–1889), Александр Афанасьевич Потебня (1835–1891).

Труды Потебни публиковались с 1862 г. Он отдал 30 лет разработке учения о внутренней форме слова в языке – плодотворного применения идей немецкого философа Вильгельма фон Гумбольдта¹¹⁰. Изданный в 1891 г. труд Александра Потебни «Мысль и язык» высоко оценил А. М. Горький. На вопрос, по какой книге можно научиться быть писателем, он отвечал:

---

¹¹⁰ В. фон Гумбольдт (1767–1835) выдвинул идею о единстве путей развития всех языков мира и считал теорию языка дисциплиной универсальной. Русский гумбольдтианец Потебня шел путем, альтернативным западному гумбольдтианству – одному из направлений позитивистской лингвистики. Отбросив идеалистическое содержание лингвофилофского учения Гумбольдта, его немецкие ученики занимались систематизацией семантики морфем (внутреннего состава слова).

мне встретила лишь одна такая книга – «Мысль и язык»¹¹¹. К 1920-м гг. она стала раритетом, и Алексей Максимович ратовал за переиздание работ замечательного педагога и ученого, необходимых как руководство для талантливых самородков.

Методика потебнянского анализа поэтических текстов пригодится нам в мастер-классах (глава III). Сейчас только на одном примере покажем, как чуткость к слову пробуждает эпический уровень языковой способности.

Есть метафора птица-время; *птицы летают* (разнонаправленное движение), но в выражении *время летит* подразумевается полет однонаправленный. Через едва заметный призыв асимметричности форм глагола поэт уловил лакуну – ответвление смысла, которое молчаливо достраивается само собой. И воспользовался этим в стихотворении «Сирень и береза» (1992):

Время-птица летит и летит,
А устанет – на ветку садится.

В капитальном труде А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (1865–1869)¹¹² Юрий Кузнецов нашел немало примеров того, что народная фантазия уподобляет мир «растущему дереву, на котором гнездится птица-солнце, кладет белые и черные яйца и высиживает из их дни и ночи». Напомним еще несколько образцов:

“Стоит дуб о двенадцати ветвях, на каждой ветви по четыре гнезда, в каждом гнезде по 6 простых яиц, а седьмое – красное” или: “по семи яиц беленьких, по семи черненьких” (год, месяцы, недели, шесть дней простых и седьмое воскресенье,

---

¹¹¹ В 1926 г. «Мысль и язык» выпустили в качестве первого тома полного собрания сочинений А. А. Потебни.

¹¹² Цитируем труд А. Н. Афанасьева по изданию 1995 г., подготовленному при непосредственном участии Юрия Поликарповича Кузнецова.

или: семь дней и семь ночей). “Дуб-дуб-довговик, на ему 12 гиллив, на кожний гилли по 4 гнизди, а у кожному гнизди по 7 яець и кожному имя је” – “В саду царском стоит дерево райско; на одном боку цветы расцветают, на другом листья опадают, на третьем плоды созревают, на четвертом сучья подсыхают” (год с 4 временами: весной, осенью, летом и зимою). “Полдуба сырого (лето), полдуба сухого (зима), а маковка золотая (светлая неделя)”.

Городской этюд «Сирень и берёза» замечателен метафизическим слиянием живого и любящего, при котором невозможно разъять словесное полотно на два сколько-нибудь отдельных изображения.

Художник работает над веществом своего персонального мифа, уплотняя ткань реальности. Сдвоена пара акварельных набросков скудной городской растительности, сделанных в разное время, один набросок просвечивает из-под другого: полет времени закольцован неразъемной сцепкой сюжетов любовь / соперничество за жизнь.

Штрихи ситуации просты и заурядны: опустелая сторожка, невесть кем посаженный в соседстве с ней сиреневый куст... Их давно забросили-позабыли за чередой других забот. Но жизнь идет и тогда, когда ее не замечают. Внутри куста завелась потаенная от посторонних глаз история нового ростка: в какой-то никому не ведомый день из земли проклюнулся другой побег. Долго-долго об этом знал только куст, среди ветвей которого, с трудом пробиваясь на свет, все-таки не зачахла, а пошла в рост слабая тростиночка – «кривоватая струйка берёзки».

Незаглушаемая боль-любовь, которую не изведешь «в сердце косматом», она неотступна, как душный запах изобильно цветущих тяжелых гроздьев... Куст сирени жил всем этим и погиб, когда березка поднялась, окрепла «и над ним распустила серёжки».

Рос когда-то сиреневый куст
Под окном у забытой сторожки.

Был рассеян, развесист и густ,
Но все время он знал о берёзке.

Он скрывал свою боль много лет
Под окном у забытой сторожки.
Из него пробивалась на свет
Кривоватая струйка берёзки.

Он глушил свою старую боль,
Он душил её в сердце косматом.
Свою ненависть или любовь
Обвевал по весне ароматом.

Но пробилась она, но взошла
И над ним распустила серёжки.
Иссушила его, извела
Кривоватая воля берёзки.

Время-птица летит и летит,
А устанет – на ветку садится,
На березу, что криво стоит
И не может никак распрямиться.

«Иссушила его, извела...» – горькие слова, как будто
взятые из песен о злой доле.

Нечто со злодейством несовместное заставило поэта
написать «воля» вместо «доля»... Дар пронизательно-
сти сродни дару доброты и родственен высшим началам.

Тут сошлись две судьбы, две жизненные чаши, но
выросшее / ушедшее не разломить на отдельные друг
от друга куски. Время не летит, а полетав-покружив,
садится на ветку. Перед нами два не одновременных
пейзажа: «Сиреневый куст...», «Березка у забытой сто-
рожки». Все в этом диптихе верно – и неровная линия
ствола, кривоватый наклон березки; и опустившаяся
отдохнуть время-птица. Сердце не тяготит слитность
отпечатков: то, что умом не объяснишь, молчаливо
объясняет совесть.

Попутно спросим: не стало ли чувство времени нецелостным, дробным вследствие того, что цивилизованный мир подчинил себя механизмам, фиксирующим доли часа, минут, секунд? Минуты минуют. Но разве это отменяет единство бытия? Несогласные с механическим дроблением мира поэты воспевают неразгаданную тайну волн, что мчат по поклонным головам ржаных колосьев с каждым порывом ветра («Тайна славян», 1981).

Кузнецов любил мыслить о мире через образы, связанные с движением человеческого тела, – чтобы взлет широко распахнутых рук, сыновнее объятие с землей крепили могучую крону Древа:

Раскинув руки, я упал с размаху.
Роса меня покрыла тяжело.
И мне не встать, как будто сквозь рубаху
Корнями в землю сердце проросло.

Когда и как он научился писать полотна, динамику и статику которых вбираешь не умом, а широко распахнутым взором? В интервью накануне своего 50-летия¹¹³ поэт назвал важной вехой своего творческого развития стихотворение 1977 г. «Семейная вечеря».

Великая мать зовет вечерять всех сродников своих.
Схвачено стояние на вечном пороге.

Как только созреет широкая нива
И красное солнце смолкает лениво
За тёмным холмом,
Седая старуха, великая мать,
Одна среди мира в натопленной хате
Сидит за столом.
– Пора вечерять, мои милые дети!

---

¹¹³ Корреспондент газеты «Московский литератор» (интервью от 8 февр. 1991 г.) задал вопрос: чего наиболее существенного достиг поэт к своему полувековому юбилею.

Спокойным величием православных икон веет от этой многофигурной фрески, в которой царит святая тишина. Единство прозрачных отголосков («Все гости пусты и сквозят, как туманы») перетекает в каждый новый день. Родившая нас плоть – чаша, из которой не минута за минутой, а капля за каплей течет жизнь от отцов к сыновьям-внукам-правнукам. Эхо человеческих судеб привольно, как дыхание на просторе.

Эпос – оберег приволья, в котором зрение и слух объемлют все родное, искони обжитое. В стихотворении «Заклинание» (1984) читаем:

Мир с тобой и отчизна твоя!
Покидая родные края,
Ты возьми и моё заклинанье.
В нём затупятся молнии лжи,
В нём завязнут чужие ножи,
Что готовят тебя на закланье.

Так проявляет себя сила не магии, а сила метонимии: дыхание предков сопутствует духовному выбору живущих, и каждый глоток воздуха, даже предсмертный, – часть гармонии и воли на бескрайних жизненных просторах. Это заметно и в зачине «Сказания о Сергии Радонежском» (1980), где развернуто продолжен смысл строки «Слава, нас учили, дым...» из баллады В. А. Жуковского «Светлана»¹¹⁴.

Неведомый гул нарастает окрест –
То сила земная.
Деревья трясутся, и меркнет луна,
И раму выносит крестом из окна,
Поля осеняя.

---

¹¹⁴ Кузнецов очень активно, интересно и нестандартно работал в балладном жанре: «Кольцо» (1968), «Возвращение» (1972), «Баллада об ушедшем» (1973), «Четыреста» (1974) и др.

Земли не касаясь, с звездой наравне
Проносится всадник на белом коне,
А слева и справа
Погибшие рати несутся за ним,
И вороны-волки, и ключья, и дым –
Вся вечная слава.

В умении ощущать объемность структур языка, которые тоже «думают», Юрий Кузнецов близок к поэту-прасолу Алексею Васильевичу Кольцову (1809–1842). Стихотворения воронежского самородка «Песня пахаря», «Косарь», «Урожай» особенно ценились современниками, лучшими литераторами образованного круга, изумляя поразительной цельностью и проникновенностью христианского взгляда на мир.

В столичный круг писателей Кольцова ввел студент Московского университета Николай Станкевич – сын отставного военного, имевшего поместье в Воронежской губернии. Пушкин при знакомстве с Кольцовым сказал: «Здравствуй друг, давно желал тебя видеть». Стихи Кольцова он печатал в «Литературной газете» (1830) и в журнале «Современник» (1836).

Что по аутентичности произведений памятникам устной народной поэзии мало кто может сравниться с Кольцовым, было явственно на фоне поэзии 1830–1840-х гг. И уж тем более заметно на фоне литературы следующего столетия, когда задача вернуть поэзию в родное ей лоно устного народного предания еще более осложнилась.

Юрий Кузнецов относил поэзию Кольцова к образцам *лада* (смиренно-личностного отношения к миру), которые тем острее необходимы, чем их меньше в искусстве и культурном пространстве современности.

Народная поэзия противостоит напастям, тиражирующей Иванов, не помнящих родства. Что ключи не потеряны, Юрия Поликарповича убедило знакомство с книгой Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу».

Мне данный факт творческой лаборатории поэта понятен и на моем собственном опыте взросления. Когда на первом курсе университета (ТашГУ) мы в 1974 г. слушали лекции по фольклору, нам, восторженным поклонникам метафорической поэзии, стало как-то неловко, неудобно за игрушечную манеру того же Вознесенского. Стихи нашего тогдашнего кумира явно проигрывали перед монументальностью древних сказаний.

Тогда же среди новых поступлений в библиотеку я случайно взяла в руки книгу лирики Юрия Кузнецова «Во мне и рядом – даль» (1974). И удивилась глубине смысловых связей, устремленных куда-то вглубь, туда, где поскрипывает земная ось... Следующий сборник («Край света – за первым углом», 1976) закрепил впечатление. Показала эти сборники сокурсникам и другим ташкентским друзьям. С тех пор наш интерес к поэту и его творческим шагам не ослабевал. Критики бранили Кузнецова за амбициозность строк «Ночью вытащил я изо лба / Золотую стрелу Аполлона». А мы, читатели, были целиком на его стороне – понимали: не самомнение и самолюбование, а мощную турбулентность метаморфоз передает стихотворение «Поэт» (1969), в чем-то подобное «Аквилону» и другим стихотворениям Пушкина о своеволии стихий.

Слышу свист, а откуда – не знаю.

Соловей ли разбойник свистит,
Щель меж звезд иль продрогший бродяга?
На столе у меня шелестит,
Поднимается дыбом бумага.

Одинокий в столетье родном,
Я зову в собеседники время.
Свист свистит все сильнее за окном –
Вот уж буря ломает деревья.

Было радостно видеть поверх философского фрагмента «И снился мне кондовый сон России» (1969) неожиданную переключку с удалством Балды – героя «Сказкой о попе и работнике...»:

Качнет потомок буйной головою,
Подымет очи – дерево растет!
Чтоб не мешало, выдернет с горою,
За море кинет – и опять уснет.

Отнюдь не сарказмом отдавали эти горькие, в обещем-то, строки в соседстве с признанием «Корнями в землю сердце проросло» и строками покаяния:

Что там дышит, и просит ответа
И от боли кричит в забытьи?!
Это камни скрежещут от ветра,
Это, дерево, камни твои.

Глубоко поразило стихотворение 1975 г. «Дуб», возможно, навеянное скорбью о смерти Шукшина. Василий Макарович ушел в октябре 1974 г., страна с болью читала его полные отчаянных вопросов итоговые произведения. Опубликованная журналом «Современник» (1975, № 1) сказка «До третьих петухов», где нечистая сила оккупировала монастырь, стала тогда одной из самых постановочных пьес. И стихотворение Юрия Кузнецова «Дуб» пронизывало дрожью страшного откровения: «Старая, лучшая дума»... «додумать», – стучало не то в ушах, не то в крови...

Став вузовским педагогом, я читала студентам стихи о дубе, который «стоял испокон, не внимая случайному шуму», и спрашивала: о чем говорит поэт? Отвечали по-разному.

В южной степи много старых курганов, где при раскопках находят следы воинской славы наших предков...

Могилы забросить – за такое предательство Бог наказывает...

Страшный двойник не должен занять место луморского дуба...

У Пушкина есть стихи, где «родным пепелищем» назван очаг, где готовят еду...

Пушкин и Лермонтов («Выхожу один я на дорогу») желали видеть могучий возраст Древа и поэтически завещали это потомкам...

Однажды ответили другим стихотворением Юрия Кузнецова, написанным в 1974 г.: «Бывает у русского в жизни / Такая минута, когда / Раздумье его об отчизне / Сияет в душе, как звезда»...

Так и бывает: тяготы пути усиливают жажду просветления... Спустя четверть века после этой исповеди о высоких минутах души Юрий Кузнецов сказал: услышите голос Христа, а не шорох страниц! И свою приверженность христианскому реализму выразил трилогией «Путь Христа», «Сошествие в ад», «Рай». Поэт чаял спасения мира сего, как пастухи, которых привела к яслям младенца звезда Вифлеема.

Стихотворение «Бывает у русского в жизни...» называет век железным, но провидит спасительное начало. Оно – в жажде духовных даров («не хлеба, а воли и ясного неба»), в притяжении к лучам путеводной звезды. Стих ассоциирует Запад с закатом («потёмки ливонского края»), подчеркнуто, что порыв на запад (порыв – не только импульс к резкому движению, но и то, что `рвет на куски`), а Восток – сердце, вмещающее в себя все пути и чувства.

Кузнецовское обращение к аутентичному культурам Востока наследию северных народов («туманы охотской волны») перекликается с пушкинским «и ныне дикий / тунгус...».

Лирическую исповедь итожит надежда на прозрение о том, что народы вырвутся из тисков железного века.

Бывает у русского в жизни
Такая минута, когда
Раздумье его об отчизне
Сияет в душе, как звезда.

Ну как мне тогда не заплакать
На каждый зелёный листок!
Душа, ты рванёшься на запад,
А сердце пойдёт на восток.

Родные черты узнавая,
Иду от Кремлёвской стены
К потёмкам ливонского края,
К туманам охотской волны.

Прошу у отчизны не хлеба,
А воли и ясного неба.
Идти мне железным путём
И зреть, что случится потом.

В очерке «Воззрение» Кузнецов отметил: «Я долгие годы думал о Христе. Я его впитывал через образы, как православный верующий впитывает через молитвы».

Поэт открывал для себя и для нас закономерное приближение пути, на котором вновь окрепнет природа естественного мифомышления этносов и проявится всесилие христианского духовного реализма.

ДУБ И ОМЕЛА

Символика противоположных друг другу образов дуб и омела в христианских поэмах Кузнецова¹¹⁵ служит указанием на первичные / вторичные данности культуры.

Отрок двенадцати лет, как святой пилигрим,
Шёл по разбитой дороге в Иерусалим...

.....

Мать и отец поджидали его по дороге.
Солнце сияло. Они говорили о Боге...

Картиной солнечного дня обрамлен известный по Евангелию эпизод – сын Марии и Иосифа сорвал с высокого дерева ветку омелы и принес ее к иерусалимскому храму. А первую часть поэмы «Путь Христа» («Детство») начинает картина рождения Спасителя «в ночь Вифлеема».

Встали волхвы перед ним с дорогими дарами
И поклонились ему в три ручья бородами.
– Боже! – сказали. – Тебе посылает дары
Тот, кто один выпрямляет сердца и миры.
Да не пройдет наша первая встреча бесследно.
Ладан убог, миро бледно, а золото победно.
В ладане бог, в мире участь, а в золоте весь мир,
Так говорит наше Солнце – восточный кумир.

Оком окинул младенец светло и сурово
Мудрых волхвов и увидел от Духа Святого:
Ладан и миро прозрачны, а золото темно.
Золото он тронул рукой – превратилось оно
В чёрные угли и пепел... Волхвы онемели.
Глухо об этом священные кедры шумели.

---

¹¹⁵ См. также нашу статью в сб.: «Он стоял перед самым ответом»: Вера и судьба России, Век XX, век XXI. Юрий Кузнецов – поэт и философ: материалы науч. конф. ИМЛИ, 14–15 февр. 2007 г.: В 2 кн. М., 2007. Кн. 1. С. 124–135.

Но, уходя, старцы деве шепнули тайком:
– Красное солнышко скажется только потом...

Дар волхования – опосредованно полученное, искомое бликами мистики («подлунное») знание. Волхвы шепчут: времена «красного солнышка» далеки. Им невдомек, что «густая, как млеко, звезда» (одно из светил далекого Млечного пути) подобна Солнцу.

А. Н. Веселовский образно сравнивал «выветривание» обломков архаической картины мира с разрушением кусков породы, отколотой от монолита гор. Миф ассоциирует опосредованную толкованиями переработку культурного опыта с темнотой (покров ночи, пребывание в пещерах и подземельях).

Пастухи принесли в дар Спасителю то, что неразлучно с их повседневным кочевым бытом – посох, дудку, жертвенного агнца.

Глянул младенец на образы мира простого
И улыбнулся от сердца и Духа Святого.
Агнца коснулся – и агнец вознёсся туда,
Где замерцала густая, как млеко, звезда.
И пастухи полюбили Христа, как умели...
Долго об этом священные кедры шумели.

Объем активного знания бесписьменных времен мощнее знания людей, передоверивших образованность книгам: «Исчезли мудрецы и появились любомудры – любители мудрости. Чувствуете разницу в понятиях!», – говорил Кузнецов. И приводил в пример колоссальную память Сократа:

В дописьменный период <...> знания держали в своей голове, в своей душе, словом, хранили в себе. Когда же возникла книга, память человечества стала ослабевать. Человек доверился книге. Благодаря книге он многие знания держит теперь не в себе, а рядом – на полке. Когда ему что-то требуется, он обращается к книжной полке. Но это находится за пределами его памяти [Тропы, с. 159].

Миф бесписьменных времен был единственным резервуаром хранения родоплеменного опыта.

И психофизика людей получала богатырское развитие, поскольку знание нельзя было передать вне телесно-умственных возможностей человека. Память и самостоятельность мышления начали ослабевать вследствие фиксирования и хранения сведений на иных, чем сам человек, носителях информации:

Раз многое доверено книге, потеряна в какой-то степени самостоятельность человеческого мышления <...> А так как с изобретением печатного станка количество книг стало увеличиваться, то ещё не известно, чего больше – добра или зла – принесли книги <...>.

Человек доверился слову. Это с одной стороны. А с другой – мудрец знал всё. И всё было в нём. То, что он говорил, это было, так сказать, активное его знание. Это было знанием, которое слышал народ, та часть айсберга, что возвышалась над водой. Но он обладал ещё огромным пассивным знанием, которое держал при себе, не высказывал.

Теперь в человеке остался один актив, а вся подводная часть айсберга ушла в книги <...> Сегодня возврат к бесписьменному периоду невозможен. Без книг жить нельзя. Но знать, что человеческая память ослабла и библиотека – подспорье для памяти, это необходимо [Тропы, с. 159].

По древнейшим памятникам можно реконструировать специфику дописьменной жизни мифологического предания. О том, что известно о качествах древнего эпоса, Юрий Поликарпович говорил в опоре на фундаментальное исследование Алексея Федоровича Лосева «Диалектика мифа» (1930):

Для мифического сознания всё явлено и чувственно ощутимо. Не только языческие мифы поражают свежей и постоянной телесностью и видимостью, осязаемостью. Таковы в полной мере и христианские мифы, несмотря на общепризнанную и несравненную духовность этой религии. И индийские, и египетские, и греческие, и христианские мифы отнюдь не содержат в себе никаких специально

философских и философско-метафизических интуиций или учений, хотя на их основании возникали и могут возникнуть соответствующие философские конструкции. Возьмите самые исходные и центральные пункты христианской мифологии, и вы увидите, что они суть нечто чувственно явленное и физически осязаемое. Как бы духовно ни было христианское представление о Божестве, эта духовность относится к самому смыслу этого представления; но его непосредственное содержание, то, в чём дана и чем выражена эта духовность, – всегда конкретно, вплоть до чувственной образности¹¹⁶.

Важно учесть и то, что буквальное значение греческого слова *μῦθος* (‘мутации’, ‘преобразования’) характеризует миф как нечто внутри себя постоянно движущееся. Миф синкретичен (знания, умения вкраплены в непрерывное действие и передаются от старших к младшим в составе ритуала), мифо-образы действуют не враздробь, не сами по себе, а через антиномичную связь смыслов. С ориентирами в пространстве бытия (понимания всего, что освоено предками и упорядочено как Древо Жизни) нельзя обращаться произвольно.

Древним грекам было знаком принцип *αρχή*¹¹⁷. Согласно библейской мифологии, Древо Жизни располагается в центре рая, оно превышает добра и зла. На нем растут плоды познания, вкусив которые, Адам и Ева претерпели

---

¹¹⁶ Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 28.

¹¹⁷ В философском словаре читаем: «АРХЕ (*αρχή*) – начало, принцип<...> древнегреческой философии. В дофилософском словоупотреблении (начиная с Гомера): 1) отправная точка, начало чего-либо в пространственном или временном смысле; 2) начало как зачин, причина чего-либо; 3) начало как начальство, власть, главенство. Процесс терминологизации (архе как “первоначало, принцип” <...>) произошел в IV в. до н. э. <...> под влиянием языка математиков, где архее во множественном числе (*ἀρχαί*) – исходные пункты доказательства, аксиомы. Уже у Платона архе употребляется в значении 1) онтологического принципа (ср. схоластический *principium reale*) и 2) начала познания, гносеологического принципа (ср. *principium cognoscendi*)» (Степин В. С., Семигин Г. Ю. Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 1. М., 2010. С. 172).

изгнание из рая и обрекли потомков своих на необходимость искать путь возвращения в Рай (Бытие, 2:9; 3:22).

Антиномию дуб и омела Кузнецов включил и в зачин поэмы «Сошествие в ад».

Из многоярусных смысловых линий «ада» он прокомментировал в очерке «Воззрение» ту, что касается греха гордыни:

“Сошествие в Ад” – моё самое сложное произведение. Поэма требует от читателя больших знаний и культуры. При всей своей стихийности она строго организована и в ней чётко прослежены образные и смысловые линии. Возьму одну смысловую линию – свободу воли. Эта богоотступная линия человеческой гордыни, выродившаяся со временем в политическую фикцию – права человека, представляет собой ряд ловушек, куда попадают по очереди: Пелагий (его ухаб), Кампанелла (его тёмный утопический город), Эразм Роттердамский (клетка свободы с крысами), герои французской революции (горящая тюрьма), Дарвин (клетка свободы с обезьянами), Ницше (он то и дело западает в собственный отпечаток), Сахаров (клетка свободы с крысой), – все эти ловушки заключены в единую западню ада.

Омела (растение-паразит) своих корней не имеет, а впивается в кору большого дерева, чтобы питаться его соками. Дальнейший круговорот соков в пользу омелы губит дерево. Жизнь в тандеме с омелой противоположна (как фаза растрат и гибели) фазе, в которой столетние богатыри древесного царства копили первозданную силу органического роста и расцвета.

Вернемся к фрагменту поэмы «Путь Христа», который уже отчасти процитировали.

Отрок двенадцати лет, как святой пилигрим,
Шёл по разбитой дороге в Иерусалим...

На придорожном дубу прозябала омела.
Дуб засыхал, а омела ещё зеленела.
Силы в нём падали, мощный огонь дотлевал.
Ветку омелы задумчивый отрок сорвал...

Мать и отец поджидали его по дороге.
Солнце сияло. Они говорили о Боге...

Изображено то, что видели люди, шедшие в Иерусалим вместе с мальчиком, сорвавшим ветку омелы. Философский смысл жеста вербально не развернут, но понятен по Евангельскому сюжету.

В святилище, где «блеск благолепия, и нечем уже дорожить», царят хитросплетения книжного знания. Речи старейшин храма, с которыми три дня беседовал юный Христос, в тексте поэмы не звучат. Общий итог в споре, где старцы остались привержены своим догмам, подведен фразой «курится глухой фимиам».

На чьей стороне при этом пишущий «словесную икону»? На чьей стороне читатели? Эпитет глухой характеризует густоту дыма («глухо накурили» – сильно, густо надымил) и старый храм (храм, наполненный глухотой). Малец три дня просидел «супротив седовласых пороков», толкуя «закон и реченья пророков».

У каждого своя голова, свои глаза и уши. Читающие видят в этой сцене то, что видят, и слышат то, что слышат:

Старцы дремали, и посохи сон стерегли.
Старцы кивали, но речи понять не могли.
В речи разумной святые огни зазияли:
– Книжники вы, и всегда вы на правду зевали.
Совесь ходячую гнали из храма взашей,
В мертвую букву глядели – не в корень вещей!
Старцы вскочили, и посохи стукнули разом:
– Речи твои превышают наш возраст и разум,
Благо тебе! Но о нас говорить не спеши.
В корень вещей мы глядели очами души,
Соками душ мы святые молитвы питали...
Юный Христос отвернулся в тяжёлой печали.
И, покидая в глубоком безвременье храм,
Бледную ветку он бросил к старейшим ногам:

– Вот на раздумье о соках души и омеле!..
Долго об этом священные кедры шумели.

При этом всё, что видят и слышат люди в поэме «Путь Христа», видит и слышит *целое природы*: «Долго об этом священные кедры шумели». В синкретичном единстве великанов зеленого царства, людей, космических явлений воплощены качества Мифа архаического.

В каком смысле проповедь Христа к иудеям и язычникам была *новым словом*? «Послание к Ефсеянам» говорит: домостроительство благодати Божией «не было возвещено прежним поколениям сынов человеческих», но благодать открылась пророкам Духом Святым, «чтоб и язычникам быть сонаследниками, составляющими одно тело, и сопричастниками обетования Его во Христе Иисусе посредством благовествования» (Еф. 3:6). В данном случае понятию *тело* соответствует нематериальная цель¹¹⁸, духовное единство. Возвещаемое в этом апостольском послании не следует ассоциировать с предметной данностью (кумиром, идолом, фетишем) или с отвлеченной идеей.

Поэма-триптих Юрия Кузнецова создавалась для того чтобы приобщить соотечественников к тому, как воспринимали Христово учение язычники, видевшие Спасителя и уверовавшие в него. Цель – вернуться к истоку двухтысячелетнего предания культуры-веры не такими, каковы мы сейчас, а какими можем быть, если услышим в себе наследие, сохраненное от времен раннехристианских в лоне нашего общего духовного отечества.

Зачин триптиха говорит о коллизии после изгнания Адама и Евы из рая, но поэма «Путь Христа» одаряет чистым солнечным светом.

---

¹¹⁸ По этимологии слово *цель* родственно слову *тело*, оба происходят от τέλειος – греч. `конечный`, `совершенный`.

А «Сошествие в ад» ведет сквозь адские подземелья. Некоторые критики пытались свести к уровню идеологически заряженного памфлета глобальный смысл этой поэмы-мистерии. Например, Игорь Тюленев, отмечая, что в скандинавских сагах ветка омелы была самым разрушительным оружием, написал: Юрий Кузнецов бросает это «растение, растущее между небом и землей» в своих политических врагов¹¹⁹.

Однако перечтем накаленный до предела зачин, который вопрошает: что сгинет в сатанинской лаве, а что в пламени не сгорит?

Когда Левиафан ударом хвоста «ад всколыхнул и обрушил его на Христа», в Спасителя вонзаются бесчисленные «молнии злобы». Молний так много, что обратные концы этих стрел буквально «оперяют» пронзенное тело. Каков ответный жест Спасителя? «Он их стряхнул – и зеленую ветку омелы / Бросил в противника острым обратным концом». Мы видели стрелы молний, оперившие тело Христа; то, что злобно метал дьявол, не сгубило Сына Божия. Молнии засияли. На глазах разворачивается картина победы Света (символ органического роста и расцвета – Древо Жизни) над тьмой (омела его антипод).

Молний гнева множество, ветка омелы одна. Христос преображает множественное в единое. Омела уже не омела, а хвостовое оперение стрелы, пронзенной стрелой Сатана «пал на колени и рухнул лицом». Мир перевернулся и «на поверхность свинцом всплыла Тайна Вселенной». С глобальным поворотом высвечивается образ конца: «Вспыхнул конец. Озарились все впадины Ада. / Жертва горела, проклятья лоснились

---

¹¹⁹ По свидетельству И. Тюленева, Юрий Поликарпович называл «Сошествие в ад» поэмой о происхождении мирового зла (Тюленев И. Из бесед с поэтом // Кубанский писатель. 2016. № 1. С. 1).

от смрада». Но конец чреват началом: внимающие вот-вот узрят мир, как видели глаза первочеловека («Череп Голгофы, как прежде, глядел исподлобья»).

«Кончено с миром, – я думал, – остались подобья...». Не Дерево познания добра и зла, а его тень, черное подобие нависает над миром. Озаренная вспышкой, эта туча перестает быть деревом. Дерево-туча «мрачно стояло и не дождем, а несметной листвой опадало». Черные листья даже нельзя принять за листья, ибо «летающие меж злом и добром» клочки темных видений ведут себя по-змеиному: «Жалят и шипят, вставая ребром».

«Сгинь и рассыпья!» Заклинание испепеляет пламенем «черное дерево ада». Догоревшее «с копотью страха и смрада», оно развеяно ветром, который уносит «золу и печаль» туда, откуда им нет возврата («в неизвестную даль»). А свидетели происшедшего – поэт и разбойник, которого когда-то казнили вместе с Христом, идут дальше. В пути они размышляют: «Что же горело?» и приходят к выводу:

Если не враг, то его сатанинская злоба.
Ветка омелы, какой бы она ни была,
Так много пепла оставить никак не могла...

Так завершается эпизод о лживом подобье Древа. Подобье это черно, как туча ядерного взрыва; в рваном тумане оборотного мира даже листья «древа» жалят и шипят по-змеиному. Омела и Дуб, перо ворона и перо голубя – феномены противоположные, несовместимые, как ночь и день.

Сократ, как помним, утверждал: у души бывают крылья, она оперяется для полета. Идеалист Платон записал эту притчу, а его оппонент в знак недоверия принес ощипанного петуха: «Вот человек Платона». Такова история про киника Диогена, который имел

обыкновение ходить днем с зажженным фонарем, провозглашая: «Ищу человека»!

Есть у Юрия Кузнецова поэма о зрителе маяка, скорбевшем за то, что кубарь вращающегося фонаря обманывает птиц: они летят на свет, но гибнут, разбившись о стекла светящейся башни. Птицы роняли перья; старик собирал пух от крыльев, набивал им мягкие, как облака, перины. Но однажды все мешки с пухом распорол и погасил маяк, чтобы птахи летели, не сбиваясь на приманки ложного света. А дети, видя, как «через залив тянулся белый снег», со счастливым смехом ловили хлопья, опускающиеся легким облаком:

Подставив руки белые свои,
Ловило детство снег... Лови, лови,
Пока не побелеет голова
И неба не коснётся трын-трава...

В зачине сюжета поэмы «Змеи на маяке» (1977) сказано: если фонарщик приближался к прибрежному поселку, это вводило в переполох воробьев и кур. Еще говорится, что он был своим в мире перелетных птиц и мановением ока вызвал с неба орла. Однажды его орел спас от смерти врача по имени Пётр, прибывшего в эти края искать лечебные травы:

У лукоморья врач искал траву
И благом мира грезил наяву.
Но странный блеск его мечту отвлек:
В кольце змеи благоухал цветок.
Он подошёл к нему – почти сорвал!
Но руку мёртвый взгляд околдовал,
По ней потёк пружинистый поток...
И пасть открылась, как второй цветок,
– Их два, один оставь, – сказал старик
И перед ним из-за скалы возник.
Но сильный свист раздался в облаках.

И, небо раскрывая нарастах,
Упал орёл и взмыл. Единый миг –
Один цветок остался на двоих.
Они на нём глазами пресеклись,
Отпрянули и молча разошлись.

В ночь, когда сторож погасил фонарь, «маяк / Стал погружаться медленно во мрак, / Ослепло море...», и в прибрежных водах, сбившись с курса, погребло судно. Военные моряки сочли поступок фонарщика сумасшедшим. Они приехали за врачом: «Вы врач? Идемте. Служба коротка. / Сошел с ума смотритель маяка / Черт знает отчего». И оставили эскулапа присматривать за этим ненормальным. Наступили очередные сумерки. «Где мой фонарь? Пойду конец встречать!» – сказал умирающий старик и обратился к врачу свои укоры:

Крылатых губишь и слепых ведёшь,
Вопросы за ответы выдаёшь.
Я ж при тебе... могильщик птиц. Никто.
То день, то ночь – мигает решето.
То тень, то след, то ветер, то волна,
Рябит покров, слоится глубина.

Вместе с отходящим в мир иной фонарщиком маяк стал угасать. Почему? Не голосом человека, а орлиным клёкотом произнесен ответ на этот вопрос. Маяк гаснет из-за того, что к фонарному стеклу прильнули змеи.

– Они ползут! – заклекотал старик,
И мир его оставил в тот же миг.
Пётр выбежал наружу. Сотни змей
С шипением и свистом из щелей
Ползли наверх, свивались тяжело
И затмевали тёплое стекло.
Его живьем покрыла чешуя!

Врач убедился, что это так, когда ощутил укусы змеи: «Пётр закричал от ужаса. Змея / Ужалила лицо». От ядовитого поцелуя или от затмения ума он в эту минуту ропщет на тепло Божьего мира?

...Твоё тепло,
О Боже, притянуло это зло!
Они ползут, им места нет нигде
В дырявом человеческом гнезде.
Наружу! Вон!.. Гонимые судьбой,
Пригрелись между небом и землёй.
За тьмой небес ещё слойтся тьма.
Старик был прав, когда сошёл с ума...

Читатель волен сам решить, кто сошел с ума – умирающий старик или эскулап, в отчаянном вопле называющий людское жилище дырявым гнездом. Чьим: птичьим или змеиным?

Слова «За тьмой небес ещё слойтся тьма» pochodят на речи другого адвоката гордыни: «Все говорят: нет правды на земле. / Но правды нет – и выше»¹²⁰.

Да, гений и злодейство – две вещи несовместные! Пётр и его гиппократова чаша – от мира змеиного, а не птичьего.

Стонало море. Птицы, целиком
Мерцая, пронесли над маяком.
Над полосой бегущих с моря волн,
Где врач блуждал, идущей бури полн;
Раскинув руки, на песок упал
И только слово «змеи» написал.
А волны, закипая на бегу,
Грозилась смыть следы на берегу...

---

¹²⁰Так утверждает в рассуждениях с самим собой Сальери – зловещий герой маленькой трагедии А. С. Пушкина. Каверзную систему его доводов повергает в прах фраза Моцарта: «Гений и злодейство – две вещи несовместные».

Эта поэма-притча о несовместности света с тьмой дала вертикаль горизонтальному развитию темы «Змеиных трав» (1968) – стихотворения о поезде, который, соскользнув с рельс на змеиные спины, ушел в пустоту. Прогресс ничто, если горизонтальному миру неведома Высшая Истина. В строках поэмы «Змеи на маяке» это сказано прямо:

Слова темны, а между строк бело.
Пестрит наука, мглился ремесло.
Где истина без тёмного следа?
Где цель, что не мигает никогда?
Латать дырявый мир – удел таков
Сапожников, врачей и пауков.

На «паучью» тему поэт написал «Превращение Спинозы» (1989). Стихотворение выросло из ассоциаций с рассказом Кафки «Превращение» (1912), а также из известных по слухам упоминаниям о том, что обитатель крохотной каморки Барух Спиноза¹²¹ не убивал пауков, а наблюдал за их схватками друг с другом. Притча «Превращение Спинозы» говорит о конечности интеллектуальных оправданий зла (не следует буквально принимать ее за характеристику личности Спинозы или его философского учения).

Мудр ли на самом деле мыслитель, не способный дистанцироваться от наблюдаемых им проявлений зла?

Собрал философ пауков
И в банку поместил их.

---

¹²¹ Барух (Бенедикт) Спиноза (1632–1677) – нидерландский философ-рационалист, считавший математику идеальным способом достижения знания о Целом путем соединения аксиом и доказательных суждений о мире.

Со слов хозяина дома, в котором под конец жизни снимал комнату философ-отшельник, биографы узнали, что в часы отдыха от научной работы Спиноза мог наблюдать за жившим в углу его комнаты пауком, как тот расправляется с мухами, и иногда этому смеялся.

Друг друга жрали пауки.
Задумался философ.
Но были мысли далеки
От мировых вопросов.

Нюх щекотал кровавый дым –
Паучий бой кончался.
В нечистой склянке перед ним
Один паук остался.

Была разгадка так близка.
Философ не сдержался
И превратился в паука,
И в банке оказался.

Остался жив один из двух,
Один пожрал другого.
Но знать, кто был из них Барух,
Нет смысла никакого.

Среди других примеров отрицательной оценки интеллектуальных схваток за индивидуализм – «Поражение титана» (1086), «Улитка-вестник» (1987). Скептическим отношением к борьбе за философские абстракции наполнены «Антипод» (1983), «Дух Канта» (1987).

Миниатюра 1987 г. ставит вопрос: почему идеалистическое учение Канта разорвало связь времен и оставило потомкам пропасть, в которую «вещи мира рухнули все разом»?

«Две вещи наполняют мою душу священным трепетом: звездное небо надо мной и нравственный закон во мне», – писал создатель труда «*Kritik der reinen Vernunft*» («Критика чистого разума») Кант, всемирно признанный одним из столпов философии индивидуализма.

Дух Канта встал из своего угла,
Похожий на двуглавого орла,

И клёкот антиномий двуединых
Рассёк безмолвье на седых вершинах.
И небеса, и нравственный закон
Потряс удар — распалась связь времён.
И вещи мира рухнули все разом,
И зарябил, как волны, чистый разум.

Цена приволье неабстрактных дофилософских сущностей – путь не западноевропейский (Спиноза, Кант) а древнегреческий (Пифагор, Сократ), Юрий Кузнецов был всецело на стороне этого мудрого типа мировосприятия и вполне закономерно стал ратником сражения за русский путь.

Смотрим прямо, а едем в объезд.
Рыба-птица садится на крест
И кричит в необъятных просторах.
Что кричит, мы того не возьмём
Ни душою, ни поздним умом.
Теснотой и обидой живём.
Заливается ночь соловьём,
День проходит в пустых разговорах.

Почему «докричатся» трудно, видим из сатирической зарисовки «Откровения обывателя» (1998). Подвыпивший брюзга перечисляет обступающие со всех сторон опасности: «Там котел на полнеба рванёт, / Там река не туда повернёт, / Там Иуда народ продаёт. / Все как будто по плану идёт.../ По какому-то адскому плану».

Кем мы втянуты в дьявольский план?
Кто народ превратил в партизан?
Что ни шаг, отовсюду опасность.
«Гласность!» – даже немые кричат,
Но о главном и в мыслях молчат,
Только зубы от страха стучат...

Обыватель растерян, встревожен, его пронизывает страхом. Живущий теснотой и обидой, он готов спрятаться в равнодушие даже тогда, когда «стук зубов с того света» уже стал стуком его собственной челюсти («Это стук с того света, где ад). / Я чихал на подобную гласность!»).

Мне-то что! Обываю свой крест.
Бог не выдаст, свинья не доест.
Не по мне заварилась каша.
Рыба-птица на хрип перешла,
Докричатся до нас не могла.
Скучно, брат мой! Такие дела.
Особливо когда спохмела...
Жаль души, хоть она и не наша.

Вздохом катится гоголевское «Скучно на этом свете, господа» из старого Миргорода, поверх заборов, отгораживающих дворы Иванов Ивановичей и Иванов Никифоровичей... Бесчисленно повторяется под аккомпанемент телевизионных ток-шоу: «Скучно, брат мой». Где конец череде адвокатов трусливого бездействия, всем недовольных, опасно обходящих сторонкой («обывающих») истинное предназначение человека?

Конец там, где слов попусту не тратят.

Кузнецов помогал стихии архаического Мифа «докричатся» до современников, чтобы они начали мыслить зрело, уважать самобытный склад народного ума.

Персональный миф поэта Юрия Кузнецова – органичная часть русского Мифа. Обладая его природными качествами, этот персональный миф действен и полезен для воспитания гражданственности.

Во второй половине XX в. он – один из самых ярких примеров самоотверженного служения на-

родному делу. Не кабинетному теоретизированию, не блужданию по лабиринтам мистики, не «эстрадным» стилизациям под фольклор поэт учился сам и учил нас вхождению в мир народной поэзии. Он деятельно восстанавливал прямую передачу от человека к человеку героических качеств, воспитываемых в лоне Мифа как богатырство, мудрая строгая ответственность за жизнь.

Такой пример воли к культуре, неразрывного единства слов и дел важен и полезен для воспитания нравственно здоровых поколений.

РУССКИЙ МИФ – ПОЭТ

Дерево жизни.
Вышивка орловских мастериц.

Глава III

РУССКИЙ МИФ – ПОЭТ

Я скатаю родину в яйцо.
И оставлю чуждые пределы,
И пройду за вечное кольцо,
Где никто в лицо не мечет стрелы.

Раскатаю родину мою,
Разбужу её приветным словом
И легко и звонко запою,
Ибо всё на свете станет новым.

1985

Созидательное миролюбие, отзывчивость на все лучшее в культурном опыте и вероисповедной традиции, сыновняя преданность отечеству, – меры прочного справедливого мироустройства, которыми выверял Юрий Кузнецов работу над собой. Это сформировало в нем выразителя сознания народного. Написанным в последний год жизни очерком «Воззрение» он подытожил: «В моих стихах много чего есть: философия, история, собственная биография», но главное – русский миф, и этот миф – поэт».

Данная глава имеет своей задачей помочь читателям вникнуть в кузнецовскую школу воспитания ума. Умение мыслить движущимся символом можно освоить и развить на основе мышления не метафорического, а метонимического (присущего стихии живых языков в дописьменный период развития).

Еще в античности римская риторическая школа отделилась от школы древнегреческой, потому что сделала упор на риторику письменной речи. Это усиливало позиции схоластики и затрудняло передачу навыков эпической культурно-языковой деятельности. Ценнейшее достояние древнегреческой школы (Пифагор, Сократ) – эпическое начало мировосприятия – в актив европейской книжной образованности не перешло. Приспосабливаясь к вербальному уровню, схоласты выдвинули на первый план метафорическое мышление (авторские переносы смысла). Мышление метонимическое (умение видеть целое по его части и часть по целому), схоластам несвойственное и непонятное, они не культивировали. Это отделило от раннего (греческого) исповедания веры католицизм в Средневековье, протестантизм на пороге Нового времени.

Способность соотносить предметы с невербальным уровнем Целого инстинктивно улавливали (и то отчасти) лишь поэты.

При обучении языку по нормам грамматики и риторики письменной речи развить природное поэтическое начало нельзя. Устойчивость ориентиров (связь Высоты с Глубиной) есть в Мифе, но уловить несловесные энергии связи можно лишь при нормальном развитии эпического компонента культурно-языковой деятельности.

Развитие эпического самосознания – задача, требующая принципиально иных навыков и практик мышления, нежели те, к которым приучает схоластика, – оковы догм и «правил», несовместимых ни с чем полноценно живым в культуре.

Целостному воспитанию ума носителей живых языков всегда способствовал ориентир на вероисповедную Истину, православное воззрение на мир. В отечественной культуре XIX столетия это подтвердил персональный миф Пушкина, в культуре ближайшего к нам века – персональный миф Кузнецова.

В третью главу книги включены элементы мастер-классов, практических заданий на размышляющее чтение – тренинг навыков метонимического мышления. Мы составили эти задания и описали путь их выполнения, чтобы помочь нашим читателям вникнуть в единство философского и жизненного выбора, которым скрепил свой персональный миф Юрий Кузнецов.

Его решение после школы пойти на историко-филологический факультет, поступление после службы в армии в Литинститут не были случайными: «извет глубины» вел к поэзии, свободной от схоластических догм.

Читателям, чтобы вникнуть в творческий метод поэта, полезно знать азы литературоведческого разбора художественных произведений.

Визуально наш обучающий диалог будут сопровождать метки, ориентирующие на:

- – теоретический материал;
- – постановку обучающих заданий;
- – реплики педагога, расширяющие круг интертекстуального анализа;
- – творческое домысливание;
- – закрепление полученных выводов.

В предыдущих частях книги мы упоминали о трудах русской школы, способствующих развитию эпического уровня владения языком. Советуем взять на заметку книги А. Н. Афанасьева, А. А. Потебни, А. Н. Веселовского, О. М. Фрейденберг, Л. Я. Гинзбург, В. В. Кожина, во многих отношениях полезные для понимания традиции художественного реализма, мощно поддержанной такими гениями, как Пушкин, Кузнецов.

Юрий Поликарпович более 30 лет преподавал в Литинституте, где в 1974 г. ему присвоили звание профессора. Тексты его лекций известны по конспектам, которые сберегли и опубликовали слушатели семинаров¹²². Он мог шутливо сказать: «Помогайте посредственностям; таланты пробьются сами», но ответственно заботился о развитии своих подопечных.

Кузнецов, при всей своей занятости, напряженной внутренней работе, досконально изучал текст, не только построчно, но почти побуквенно. Выискивал зерна, которые могут расти. Он был широкой души человек, хотел помочь от чистого сердца¹²³.

Одна из учениц Кузнецова Марина Гах в очерке, составленном на основе дневниковых записей, подчеркну-

---

¹²² Творческие семинары Юрия Кузнецова. М., 2006; Простота – божий дар // Лит. Россия. 2008. № 47. С. 8–9; Творческие семинары Юрия Кузнецова в Литературном институте им. А. М. Горького // Юрий Кузнецов и Россия. М., 2011. С. 433–444 и др.

¹²³ Гах М. В. Воспоминания о Ю. П. Кузнецове // Юрий Кузнецов и литературный процесс: Сб. материалов по итогам конференций. Краснодар, 2019. С. 223–255.

ла нестандартность и психологическую глубину задач, которые приходилось решать мастеру.

Студентка Литинститута с 2001 г. Наталья Лосева, учившаяся в группе В. И. Гусева, но старавшаяся побыть на семинарах Кузнецова, вспоминала:

Какие это были семинары! На них ходили даже заочники <...> Столько информации за один семинар мне никогда ранее не удавалось почерпнуть. Юрий Поликарпович цитировал наизусть классиков, удивляя всех безупречной памятью, перекидывал мосты в другие века и континенты, и главное – заставлял своих учеников думать, анализировать <...> на занятиях, как из рога изобилия, сыпались мифы народов мира, которые он впитал еще в детстве, и мифы поэтов мира, которые он постиг уже в юности. Мифы были его движущей силой, его несущим парусом <...> На семинарах атмосфера была крайне демократичной, дебаты при присущей эмоциональности и упрямстве Юрия Поликарповича оказывались крайне острыми <...> Лекционные, теоретические занятия раз в месяц сменялись практическими – разбором стихотворений. <...> Высокая планка оценки была рассчитана на профессиональных поэтов, которых хотел вырастить Юрий Поликарпович¹²⁴.

Сознавая, что Миф не выдумка и не ложь: всё происходит «не на бумаге, а внутри поэта», Кузнецов опирался на трактовку символа (Греч. *σύμβολον* – `знак, вмещающий множество значений`) в капитальном труде Алексея Федоровича Лосева «Философия имени» (1923), где читаем:

Символ живет антитезой логического и алогического, вечно устойчивого, понятного, и – вечно неустойчивого, непонятного, и никогда нельзя в нем от полной непонятности перейти к полной понятности <...> Символ есть смысловое круговращение алогической мощи непознаваемого, алогическое круговращение смысловой мощи познания¹²⁵.

---

¹²⁴ Лосева Н. В. Мать поэта // Подъем: литературный журнал. 03.12.2020. URL: <https://podiemvrn.ru/mat-rojeta> (дата обращения 05.05.2024).

¹²⁵ Лосев А. Ф. Философия имени. М., 1990. С. 112.

Данное положение мы разовьем в составе несколько иной объяснительной модели, показав, что органику Мифа рождают метонимические мыслительные операции (μετωνυμία – `переименование`). Эта методика анализа мышления не противоречит платоновской философии имени¹²⁶, согласно которой символ являет мир целостным в слитности и становлении, и платоновскому учению о палингенесии.

В предлагаемой нами методике учтено, что палингенесия – это трансляция культурного опыта через ген (матрицу, нематериальную подоснову жизни), то есть с опорой на матрицу рода (*на-род*).

О ВОДЕ МЕРТВОЙ И ВОДЕ ЖИВОЙ

Во втором очерке «Рожденный в феврале, под Водолеем» (1989) Юрий Кузнецов сказал: живая вода есть в символе и в мифе, в метафорах ее нет. Жалобами на сиротство не заполнишь место убитых: «О погибшем отце я писал и раньше. Но от частного не приходил к общему. Когда это произошло, я въяве ощутил ужас прошедшей войны».

А в 1960-х он начинал, как и другие его поэты-ровесники: «С семнадцати лет я всюду видел одни метафоры».

 Пример тому – сборник «Гроза» (1966), из которого мы возьмем стихотворение «Надо мною дымится пробитое пулями солнце» (1959).

---

¹²⁶ Платоновской традиции придерживался в своих работах о метафизике имени русский православный философ и поэт Павел Александрович Флоренский (1882–1837).

В нем передано восприятие войны юношей, который знает отца лишь по фотографии.

После слов «дымится пробитое пулями солнце» видим: с фото смотрит боец, «измотанный долгой бессонницей, / Поседевший без старости, в обожженной измятой каске». Перед финалом – возврат к той же теме: «Мне в наследство достался неувиденный взгляд усталый».

Основной мотив серединных строк «Я не помню отца, я его вспоминать не умею» – `черное`. Так, если закрыть глаза, увидишь негатив изображения: «Только снится мне фронт и в горелых ромашках траншеи». Но и с открытыми глазами лирический герой видит небо, на котором фонарь луны исцарапан чернотой («и луну исцарапали ветки»). В композиции задействован переход от мотива `белое` через мотив `черное` к мотиву `красное` («За рекою в степи, как отцовские раны, / Молодые заката горят, освещая курганы» – цвет не такой, как у «почти хрустящей фотокарточки старой» и у пятен крови на одежде, остающийся и при кипячении ее в автоклаве).

При вполне добротной проработке первого (прорисованный) и второго (подразумеваемый) планов, образ аналогичен фотокарточке или изображению на экране. Это видит мальчик, когда думает об отце.

Поворотным пунктом своей биографии Кузнецов считал принятое в 1961 г. решение отслужить положенный срок в армии. Момент запечатлен в стихотворении «Начало», которое Юрий Поликарпович включил в сборник «Крестный ход» (2003)¹²⁷ не в раннем (1961 г.; 3 строфы)¹²⁸ и не в литинститутском варианте (4 стро-

---

¹²⁷Юрий Поликарпович назвал свой итоговый сборник «Крестный путь», но книгу издали в 2006 г. с названием «Крестный ход», которое выбрали публикаторы (московское издательство Сова).

¹²⁸ О найденной рукописи мы рассказали в третьем разделе первой главы.

фы, рукопись «В конверте без марки»). В итоговую книгу стихов вошел вариант из сборника 1978 г. – без описания краснодарских вечеринок («Хемингуэй залистанный», «о коктейлях спор») и разлук («Я раздавал пластинки с джазами на скелетах / Девчонкам, которых обманывал, придя, говорил: прости»). Напомним текст с поправками конца 1970-х:

Под окнами дремлют лавки.
  Ветки растут широко.
Бабочки сонный город
  промигивают насквозь.
Повестку военкомата
  мне принесла сорока
Сгинь, бестолковая птица.
  Мама, не надо слёз!

У генерал-сержанта
  кадык и глаза навывкате.
Сено-солома, стройся!
  Допишешь стихи потом.
Псам детства медали выдадут,
  у юности зубы выпадут,
Айда, через пень-колоду
  по родине пыль столбом.

В столбе крутящейся пыли
  я нарасхват танцую.
На шее моей повисла
  весёлая гроздь подруг.
Я выстроил вдоль вагона
  семьдесят поцелуев...
В гробу я теперь увижу
  семьдесят злых старух.

Рыдал крокодил пространства,
  плакал орёл, свистели
Узкие щели окон...
  Глядел я из темноты.

И песни, что знал по улице,
охрипнув, орал со всеми.
А после мы спали в обнимку,
раскрыв, как от песен, рты.

Исходная точка отсчета и настрой такие же, как в поэме «Дом»: сонные лавочки и широколиственные деревья Тихорецка. В городе не было ничего быстрее легкокрылых мотыльков («сонный город промигивают насквозь»). Но вот сквозь темноту ночного вагона проступила бесповоротность мчащегося по рельсам поезда: «Рыдал крокодил пространства, плакал орел, свистели / Узкие щели окон».

Пронзительно-детская страсть к гиперболам – не трусость; подобной же смесью трепета и ужаса сквозит монолог Мировой души, которую заставил исповедаться со сцены чеховский Константин Треплёв: «Люди, тигры, львы и крокодилы...».

Проводы в армию одинаковы в сотнях провинциальных городков. Над перроном разносится «Стройся!». О расставании мальчишек с девчонками сказано: «Я выстроил вдоль вагона семьдесят поцелуев... / В гробу я теперь увижу семьдесят злых старух». Уезжающими от «соломенных вдов» новобранцами набит поезд дальнего следования. Солдаты, который только что «охрипнув, орал со всеми» те «песни, что знал по улице», вслушивается в стук железных колес («Айда, через пень-колоду / По родине пыль столбом»).

В последующем, учась мыслить движущимся символом, Кузнецов провел строгую переоценку своих литинститутских экспериментов с мифом. И отбраковывал такие неудачные опыты, как баллада «Очки Заксенгаузена»¹²⁹, напечатанная однократно – в сборнике 1974 г. «Во мне и рядом – даль»¹³⁰.

🔄 Внимательно перечтем это произведение, которое комментаторы пятитомника стихотворений и поэм назвали «своего рода раритетом».

В бывшем лагере смерти лежит и поныне
Облетевшая груда безлицых очков.
Это память слепых, некрасивых, невинных,
Сбитых в кучу людей, это зренье веков!

Где они, как миры в пустоте, с номерами,
Пред сожжением снявшие молча пенсне?
Говорят, что вернулся один за очками –
Через годы!

Вам так повезёт лишь во сне.

Он нашёл свою вещь в той слезящейся груди,
Непохожий на всех – человек или миф.
Вы встречали его, симпатичные люди?
Он глядит не мигая, как будто сквозь мир.

Он на солнце глядит из провала ночного.
– Ты ослепнешь, старик! –

Но ему всё равно.

Это солнце на небе – простое пятно
Для души, столько горя вобравшей земного.

Дай вам бог, чтобы так никогда не пришлось
Сумасшедшим бродить среди солнечных улиц.
Буква? Женщина? Истина?..

Смотрит не щурясь.

То, что вас ослепляет, он видит насквозь.

---

¹²⁹ В рукописи 1968 г. баллада называлась «Миф». На литинститутском семинаре ее похвалил однокурсник Кузнецова Давид Маршания: «Сказочность и фантастичность – несомненный плюс поэта» [Т. 2, с. 365].

¹³⁰ Второй, через восемь лет после «Грозы» (1966) и уже в Москве напечатанный сборник лирики Кузнецова.

Куча блеклого стекла, когда-то служившего людям очками, предстает так, как видят ее посетители музея, приближаясь к витрине. Издалека похоже на заиндевелую листву; подойдя, узнаёшь перепутанную сцепленными дужками «облетевшую груду безлицых очков»...

Пафос стихотворения о сотысячных жертвах фашистских фабрик смерти подчеркнут ритмом строк. Анапест лишен плавности из-за неравного числа стоп и вторжения хореических элементов (похоже на перебивки сердечного пульса).

Поразительно, что не мы смотрим на экспонат, а нечто смотрит на нас сквозь вещественное доказательство фашистского зверства (страшноватая реверсия оптических процессов, один из которых соответствует физиологии зрения, другой – оптике линз).

 Стеклышко очков преломляет лучи света и посылает изображение предмета на сетчатку человеческого глаза; точно так же любая оптическая призма, уловив пучок лучей, проецирует изображение на установленный за ней экран. Можно ли уподобить эти два ракурса друг другу?

Вникнув в динамику планов чувственного восприятия, чтобы продумать этот вопрос, узнаем, по какой причине этот образно-риторический ход отвергнут поэтом.

Первая и отчасти вторая строфа привязаны к реалиям поюстороннего мира: музей, посетители пятого корпуса, где в одной из витрин демонстрируется груда очков. Шок узнавания прибавляет к изумленному зрению изумленную тишину... Когда тысячи людей, «пред сожжением снявшие молча пенсне», сконцентрировались в одном вобравшем их всех видении сна, свойства центрального образа-символа (очки Заксенгаузена) меняются. Потусто-

ронее берет верх, мы читаем балладу о том, как «вернулся один за очками / через годы». «Он нашёл свою вещь в той слезящейся груди», и уже не человеческий глаз, а холодная линза («Непохожий на всех – человек или миф») действует, как перевернутый бинокль...

Если балладный герой, как одинокая Мировая душа в пьесе молодого драматурга (героя «Чайки» Чехова), вобрал в себя всех, разве они по смерти стали черной бездной, эти тысячи и тысячи людей, невинно погибших в газовых камерах?..

Вопреки некоторой попытке смягчить жесткую логику («Дай вам Бог, чтобы так никогда не пришлось / Сумасшедшим бродить среди солнечных улиц») получается, чернота сильнее солнца, которое – простое пятно «для души, столько горя вобравшей земного». Субъективный план абсолютизирован и, выходит, что потусторонний взгляд пронизательнее поюстороннего («То, что вас ослепляет, он видит насквозь»)... Свойствами неживого (оптика линзы) замещено естество живого (физиология человеческого зрения).

Такой способ конструирования усиливает броскость метафор и публицистический накал; но налицо механическая увязка мотивных линий, сковывающая жизнь какой-то непреодолимой оболочкой. Застылый ужас мерцающей иллюзии несет послыску о том, что миф не похож на людей, безжалостен, как кошмар сумасшествия.

Не приемля подобных искажений, Кузнецов отбросил стихотворение «Очки Заксенгаузена» как негодное. И написал про отказ от света стихотворение «Черный подсолнух» (1997) – реплику на стихотворение

Ф. И. Тютчева о грезах странного существа, которое смотрит на мир «стеклянными очами» («Безумие», 1829).

Под раскаленными лучами,
Зарывшись в пламенных песках,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищет в облаках.

То вспрянет вдруг и, чутким ухом
Припав к растреснутой земле,
Чему-то внемлет жадным слухом
С довольством тайным на челе.

И мнит, что слышит струй кипенье,
Что слышит ток подземных вод,
И колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход!..

 Сравните «Чёрный подсолнух» со стихотворением Фёдора Тютчева «Безумие» и стихотворением Иннокентия Анненского «Среди миров, в мерцании светил...» (1909).

...Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной ищу ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

Характерная для мироощущения Серебряного века элегия И. Анненского не дает отрицательной оценки превращению *под-солнечного* в *под-лунное*.

А Кузнецов, заметив странную метаморфозу, дал, как и Тютчев, ей отрицательную оценку:

Чёрный подсолнух

Он пророс из глухого колодца.
Но однажды глубокая мгла,
Затмевая высокое солнце,
На цветущий подсолнух легла.

Цвет померк. В небесах ослеплённых
Вместо солнца возникло пятно.
От него отвернулся подсолнух.
Поле пусто, сомнение темно.

Он не поднял потухшего взгляда
На сиянье свободных небес.
Осквернённой святыни не надо!
Ждал он ночи... И ночью воскрес.

Мёртвым светом его охватило,
Он уже не внимал ничему.
Только видел ночное светило,
Присягая на верность ему.

О самых ранних своих экспериментах с мифом Юрий Кузнецов говорил: хотелось реализовать смысл в прямом значении, но с помощью метафор это сделать невозможно.

На эту тему в 1990 г написана ироничная зарисовка «В воздухе стоймя летел мужик»:

В воздухе стоймя летел мужик,
Вниз глядел и очень удивлялся
И тому, что этот мир велик,
И тому, что сам не разбивался.

Так-то так. Но он не знал того,
Пролетая над частями света,
Что таким представила его
Дикая фантазия поэта.

Между тем поэт о нём забыл:
Голова на выдумки богата,
А мужик летит среди светил,
И, пожалуй, нет ему возврата.

☞ Древнегреческое *μῦθος* (`мутации` , `преобразования`) характеризовало нечто внутри себя движущееся.

Принцип «мыслить движущимся символом» понятен через такой объяснительный ход. Протуберанцы на поверхности Солнца кажутся танцем замысловатых фигур, но все это выброс плазмы энергетического тела, излучающего тепло и свет. Именно таково метонимичное архаическое мышление. «Протуберанцы» можно называть различно (*ὄμμα* – `имя`). Независимо от именованья мифем, с народами через посредство их живых языков говорит о Бытии пульсирующая плазма Мифа.

Когда мышление зиждется на метонимии¹³¹, процесс понимания подвижен, но не теряет внутренней устойчивости: «Древо жизни умирает стоя, / Но стоит – и мне стоять велит» («Стояние», 1990).

🔒 В сознании, формируемом метонимичными мыслительными операциями, необходимые роду-племени сведения скреплены подосновой (матрицей) родового бытия.

---

¹³¹ Метонимия <...> суть этого тропа заключается в следующем. Если какие-либо предметы связаны между собой некоторым образом, то имя каждого из них может быть использовано вместо имени другого. Так, могут переименовываться явления и процессы, связанные причинной зависимостью, содержащее вместо содержимого. Читать Лермонтова – говорится вместо чтения произведений, написанных Лермонтовым. Выпить чашку – вместо напитка в чашке. Подобным образом название страны может быть использовано вместо названия жителей этой страны, или герб страны вместо ее названия: двуглавый орел вместо России.

Эту матрицу в замечательном стихотворении 1993 г. «Федора-дура» Кузнецов назвал женским вариантом имени Θεόδωρος (греч. – `дар Божий`). Царство, скрепленное Богом данной первопричиной, не развалить.

На площадях, на минном русском поле,
В простом платочке, с голосом навзрыд,
На лобном месте, на родной мозоли
Федора-дура встала и стоит.

У бездны, у разбитого корыта,
На перекате, где вода не спит,
На черепках, на полюсах магнита
Федора-дура встала и стоит.

На поплавке, на льдине, на панели,
На кладбище, где сон-трава грустит,
На клавише, на соловьиной трели
Федора-дура встала и стоит.

В пустой воронке вихря, в райской куще,
Среди трёх сосен, где талант зарыт,
На лунных бликах, на воде бегущей
Федора-дура встала и стоит.

На лезвии ножа, на гололёде,
На точке i, откуда чёрт свистит,
На равенстве, на брани, на свободе
Федора-дура встала и стоит.

На граблях, на ковре-пансамолёте,
На колокольне, где набат гремит,

Для метонимии характерно использование: предыдущего вместо последующего, и наоборот; действия вместо причины, и наоборот; создателя вместо созданного, и наоборот; знака вместо значения, и наоборот; содержимого вместо содержащего, и наоборот; свойства вместо вещи, и наоборот; места вместо вещи, и наоборот; владельца вместо собственности, и наоборот; времени вместо вещи, и наоборот. Суть этих переименований в том, что метонимия как бы сосредоточивает наше внимание на предметах, более для нас понятных» (Петров О. В. Риторика. М., 2004. С. 105–106).

На истине, на кочке, на болоте
Федора-дура встала и стоит.

На опечатке, на открытой ране,
На камне веры, где орёл сидит,
На рельсах, на трибуне, на вулкане
Федора-дура встала и стоит.

Меж двух огней Верховного Совета,
На крыше мира, где туман сквозит,
В лучах прожекторов, нигде и где-то
Федора-дура встала и стоит.

Центральный образ этого стихотворения – не аллегория, а сама жизнь, неистребимый витальный настрой (*vita* – `жизнь`), даруемый первозданной культурой.

Аллегии, метафоры, термины – инструментарий переработки культурного наследия во вторичных языковых системах. Заданные субъективной авторской волей либо некоей договоренностью смыслы зыбки, переходящи.

Чтобы увидеть несовершенство непрямого (опосредованного некими «правилами» и догмами) мышления, вообразим себе промежуток между двумя устроенными тамбуром дверьми. Входя, надо сначала отпереть дверь наружную; ты повертываешь ключ в замке внутренней двери, находясь еще не в квартире, а в подъезде. Привычный к метафорам ум не научен «входить без тамбура». Для ментальности (*mens* – лат. `дух`), которую воспитывает схоластика, мир – пугающее пространство неопределенности; сам этот страх есть результат утери природных реалистических свойств первобытного мировосприятия¹³².

---

¹³² Французский антрополог Клод Леви-Стросс подчеркивал: «дикари» воспринимают любой образ как однократно явленный, но не испытывают растерянности при контакте с окружающим.

Юрий Кузнецов считал главным в своей работе освоение «народного эпоса (частично греческого)», «русской истории и христианской мифологии».

Миф обеспечивает пространственную доступность всего объема мысли: тот, кто из центра «шара» дотянулся рукой до одной точки поверхности, дотянется до всех других. Шар кроны Древа Жизни подобен шару корней. И вещество мифа слитно, как вода в более древнем, чем песочные часы, приборе для измерения времени – клепсидре (κλεψύδρα – `ворующая воду`). Время в мифе течет, а не осыпается.

«Так оседает земля на могилах глубоких»... Песок утекает под землю, его «воруют» ямы проседающих могил. Как пустые чаши, рытвины могильных провалов искажают лицо земли. Дичает и природа, отвыкшая от человеческого присутствия: «Когда песками засыпает / Деревья и обломки плит, / – Прости: природа забывает, / Она не знает, что творит».

У культуры не должно быть отнято свойство текущей влаги. Поэт учил мыслить о мире слитно, ценить органичную связь всего со всем в живой действительности. Такому учителю доверяешь как исцелителю, способному восстановить «кровоснабжение» тканей языка, отладить здоровый пульс культурного бытия (как врачи-кардиохирурги восстанавливают нормальное кровоснабжение и пульс сердца).

Кузнецов говорил: поэт впитывает мир и вещи мира, как губка впитывает воду¹³³. «Всё, что касалось меня, я превращал в поэзию и миф. Где проходит меж ними

---

¹³³ Перекликается со строками стихотворения Б. Л. Пастернака «Весна»(1914): «Поэзия! Греческой губкой <...> Вбирай облака и овраги, – / А ночью, поэзия, я тебя выжму / Во здравие жадной бумаги...».

граница, мне как поэту безразлично». При этом он не был склонен доверять концепции Юнга: «Карл Юнг сказал бы, что из человека прорвалось коллективное бессознательное. Это не совсем так» [Тропы, с. 103].

☰ Трактующая общественное сознание как бесформенную массу теория коллективного бессознательного не раскрывает природу архетипа, а служит обоснованием эксплуатации архетипических образов как средства управления поведением толп. Приученные индивидуализировать смыслы (individ – лат. ` атом `) и потому не ощущающие целостности Бытия европейцы склонны к мистической абсолютизации идем времени (линейного движения перемен).

Восток, будучи привержен традиции (лат. trāditiō – ` предание ` , ` обычай `), воспринимает мир как пространство, поддерживаемое в стабильно отрегулированной и передаваемой от предков к потомкам целостности.

Реконструируя Русский Миф, Кузнецов исходил из убежденности в правоте Востока перед Западом.

ПОЭТ С РЕЗКО ВЫРАЖЕННЫМ МИФИЧЕСКИМ СОЗНАНИЕМ

Так называемую вторую жизнь мифов Кузнецов считал признаком одичалости духа. Своей поэтической практикой он опровергал внесенные в теоретические, учебные, справочные пособия выкладки о том, что современной культуре доступна лишь модернизация мифа. О каких выкладках идет речь? В «Литературном энциклопедическом словаре» 1987 г. словарной ста-

тьи МИФ нет, есть статья МИФЫ, где архаический миф назван «продуктом дорефлективного коллективного творчества»¹³⁴ и акцент смещен на вторую жизнь мифов: в современной культуре действует ряд мифологических моделей, переосмысливаемых при включении в новые структуры общественного сознания (искусство, наука, политическая идеология).

☰ Если доминирует субъект, использующий мифологический (и любой другой) материал как свою собственность, это делает творческий метод утопическим.

Реализмом классика мировой литературы обязана родству с эпосом и неавторской устной народной поэзией.

Важно судить писателя по законам, им самим над собою признанным¹³⁵. Художественный метод Юрия Кузнецова воплотил базисный для домостроительства отечественной культуры смиренно-личностный тип мышления.

📖 Юрий Кузнецов работал над непосредственно сращенной с жизнью, а не кабинетной научной реконструкцией архаического Мифа, ничего в русском Мифе не модернизируя.

Он превыше всего ценил некнижную мудрость, достояние бесписьменных времен, когда носителем

---

¹³⁴ «МИФЫ (от греч. *mýthos* – повествование, басня, предание), создания коллективной общенародной фантазии <...> это не жанр словесности, а определенное представление о мире; мифологическое мироощущение выражается <...> и в иных формах: действия (ритуал, обряд), песни, танца и др. Специфика М. выступает наиболее четко в первобытной культуре, где М. представляет собой эквивалент “духовной культуры” или “науки”, цельную систему, в терминах которой воспринимается и описывается весь мир» (Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 222).

¹³⁵ Такое правило Пушкин сформулировал, разбирая достоинства комедии Грибоедова «Горе от ума» в письме к критику Александру Бестужеву (январь 1825 г.).

культурного опыта выступает коллективная память рода: знаниями, представлениями делятся из уст в уста, навыки передают из рук в руки, – и это сохраняет свойства, адекватные первоначалам бытия.

Письменная фиксация сведений (на глиняных табличках, камне, пергаменте, папирусе и иных подручных материалах) не была помехой полноценной языковой деятельности, пока стержнем культурного предания оставался эпос. В античности переводы, толкование текстов относили к сфере покровительства Гермеса – герменевтике. Торговлю и обмен сведениями ставили ниже аполлонического начала искусств и ремесел.

Основную часть публики в шекспировском театре «Глобус», заметим, составляли простые горожане. В романо-германском мире образованный слой – воспитанники латинской схоластики держались особняком от низовых слоев. Аристократы зачастую не усваивали простонародный тип миропонимания и невербальный (эпический) уровень языковой деятельности¹³⁶.

Прочтите стихотворение Ю. П. Кузнецова «Поэт молчанья» (2001) о человеке, который «поступью поэт /, Хотя не говорит стихами», элегию В. А. Жуковского «Невыразимое», произведения Ф. И. Тютчева «Silentium» и «Не то, что мните вы, природа...».

Говоря о глухонеме не слышащих «органа звук» и «голос матери самой», какой орган и какой голос имел ввиду Тютчев?

---

¹³⁶ О влиянии двух школ риторики: греческой, преимущественно устной (У>П) и римской, преимущественно письменной (П>У) на вероисповедную традицию Средневековья, имевшую русла восточное (православно-греческое) и западное (латинское), см. на с. 335–336 нашей книги.

Деградация книжной речи стала камнем преткновения в европейской «республике писмен». Проницательные суждения о том, как избежать порчи литературного (от лат. *littera* – `буква`) языка, на рубеже XVIII–XIX вв. высказывали И. Гердер (учение об универсальных алгоритмах культурного развития), В. Гумбольдт (учение о внутренней форме слова), но европейская наука отвергла их концепции и перешла к позитивизму.

☰ Русскую школу гуманитарной мысли формировало стремление поддержать и упрочить устойчивую передачу качеств народного самосознания в пространстве образованности. Эта школа противостояла рационализму и позитивизму, реализуя в педагогике, в подходе к культуре и языку принципы, которыми руководствовался в историософии Карамзин, в поэзии – Пушкин.

Опорой русской школы был философский идеализм в платоновском (древнегреческом), а не кантианском и гегелевском изводе.

Кузнецову дала уверенность в том, что ключи «наследства родового» не потеряны, книга «Поэтические воззрения славян на природу». Прочтя ее в дореволюционном издании, он сделал все необходимое, чтобы ее достойно переиздать: при переводе текста на современную грамматику и орфографию сохранил стиль мысли оригинала, позаботился снабдить труд А. Н. Афанасьева добротными научными комментариями.

В предисловии к выпущенному в 1985 г. трехтомнику Юрий Поликарпович отметил:

Тем и дорога книга Афанасьева, что на богатом, конкретном материале раскрывает поэтическое состояние мира. Первозданной свежестью веет от народных воззрений на свет и тьму, огонь и воду, небо и землю, Бога и человека, мир и душу, судьбу и счастье, а также на всё животное

и растительное царство. Более того. Образную систему русской литературы можно проверять по “Поэтическим воззрениям” <...> система художественных координат почти полностью совпадает <...> В книге Афанасьева открыто не только сердце природы, – в ней заложены ключи славянской души. Надеюсь, она придётся по уму и сердцу читателю, во всяком случае откроет ему глаза на наше “наследство родовое” [Тропы, с. 95].

Получить ключи – еще не все... Нужно было преодолеть обморок сна («Приснился Родине герой. / Душа его спала»), разбудить богатырские души. И поставить заслон потугам интеллекта, из-за которых «у разбитого корыта, / Как вещь в себе, сидит субъект»¹³⁷.

В стихотворении 1996 г. «Книги» сказано: субъективность плодит «литературу самомнения, где копошится злоба дня».

Но попадаются глубины,
В которых сразу тонет взгляд,
Не достигая половины
Той бездны, где слова молчат.

И ты отводишь взгляд туманный,
Глаза не видят ничего.
И дух твой дышит бездной странной,
Где очень много твоего.

Кузнецов будил языковое чутье к гравитации русского Мифа. С точки зрения психофизиологии это оздоровление нейронных связей, с точки зрения литературной науки – подчинение вечных тем космическому порядку, а в целом – непрерывная работа по усилению прозрачности любых ходов, переключек мысли. В мас-

---

¹³⁷ Напоминание о старухе, которая хотела стать владычицей морскою и иметь золотую рыбку у себя на посылках.

Советуем прочесть даваемый в собраниях сочинений Пушкина (раздел Комментарии) неопубликованный при жизни поэта фрагмент сказки, в котором старуха хотела сделаться «Римскою папою».

сиве творчества гениев произведения не отдельные, а все вместе подчинены силе взаимодействий, которая упорядочивает хор небесных тел.

Полуостров «в тени от облака» есть и в поэме «Золотая гора» (герой «в тени от облака» нашел придорожный камень с «морщинами стихов»), и в рефрене стихотворения «Завещание» (1974). Мотив снег, падающий в шапку нищего, – часть целостного образно-философского комплекса суждений о воде (полного охвата агрегатных состояний природного вещества в персональном мифе Кузнецова)¹³⁸.

Лирический герой «Завещания» возвращает («отдаю назад») все полученное от мира сего.

-1-

Мне помнится, в послевоенный год
Я нищего увидел у ворот –
В пустую шапку падал только снег,
А он его вытряхивал обратно
И говорил при этом непонятно.
Вот так и я, как этот человек:
Что мне давалось, тем и был богат.
Не завещаю – отдаю назад.

-2-

Объятья возвращаю океанам,
Любовь – морской волне или туманам,
Надежды – горизонту и слепцам,
Свою свободу – четырём стенам,
А ложь свою я возвращаю миру.
В тени от облака мне выройте могилу.

Кровь возвращаю женщинам и нивам,
Рассеянную грусть – плакучим ивам,

---

¹³⁸ На стр. 230–231 мы еще скажем об этом при разборе стихотворения «Память» (1978).

Терпение – неравному в борьбе,
Свою жену я отдаю судьбе,
А свои планы возвращаю миру.
В тени от облака мне выroyте могилу.

Лень отдаю искусству и равнине,
Пыль от подошв – живущим на чужбине,
Дырявые карманы – звёздной тьме,
А совесть – полотенцу и тюрьме.
Да возымеет сказанное силу
В тени от облака...

 Чтобы дилемма полученное / возвращенное не казалась неясной, продумаем три вопроса.

Образу ночи или образу дня принадлежит рефрен «в тени от облака»? Светел или темен пейзаж «Завещания»? В Мифе смерти нет, есть две фазы земного бытия (солнечная и подлунная); так какому из состояний мира завещает свое наследство поэт?

При разборе поэмы 1974 г. «Золотая гора» полезно учесть оксюморон *ночной день* («Натянут креп ночного дня»¹³⁹) в стихотворении «Плач о самом себе» (1993).

Как антитеза *свет / тьма* в этой трагической исповеди увязывает между собой темы *судьба поэта / судьба Родины*?

Продумав, вы более основательно подготовитесь к выполнению творческого задания, которое мы предложим для подведения итогов сюжетно-композиционного разбора поэмы «Золотая гора» сразу после того как процитируем мнение о ней Станислава Куняева¹⁴⁰.

---

¹³⁹Повязки из крепа (полоски черной ткани, прикрепляемые на рукав пиджаков мужчинам), как и черные платки у женщин, являются частью траурного одеяния, надеваемого в соответствии с требованиями похоронного ритуала.

¹⁴⁰ См. с. 221–222.

Герой поэмы, движимый звериной силой порыва («кинулся как зверь»), покинул стены дома, где мирно спал до 17 лет. Строфа за строфой читая о пройденном за родным порогом, мы с ним вместе свершаем долгий путь, чтобы «Посильное поднять, / Тремя путями этот мир / Рассечь или обнять».

☞ Рассечь или обнять – антитеза. Метафорическое мышление рассекает и сшивает по кусочкам коллаж, построенный по субъективному произволу. Мышление метонимическое объемлет, оживляет все сущее.

Попробуем справиться с двояким умозрительным заданием «Золотой горы»: увидеть одновременно и нововременной способ представления (европейский спор о классицизме, сентиментализме, романтизме), и способ обобщения архаический.

Дерзнув пойти «супротив» смерти и скорби, герой сквозь ночь и туман низин вошел к великим мастерам на застолье олимпийского пира.

С порога родного дома, который он не ценил из-за своей незрелости (душа его спала) и глухоты к уговам-оберегам: «Не воздыми руки на дверь, / Не оттолкни, как мать», герой ушел при дневном свете. Когда странник читал надпись на придорожном камне «с морщинами седых стихов», когда возвращался к нему от берегов Леты и от океана скорби, над миром стоял незакатный дневной свет.

Следующим этапам испытаний сопутствовала тьма. Линейное развертывание нарратива подобно спирали лабиринта и соответствует по-европейски выстроенному обобщению смысла.

Нечто более существенное аккумулируется в макросюжете поэмы: пройденное героем от заката до звездного часа есть утапывание жизненных путей в

тело Мифа. Носитель архаичного способа обобщать – человеческая телесность: тактильные ощущения (стопа шагающего при каждом шаге касается земли) совпадают с ритмом поэтических строк (4-3-стопный ямб).

Из макросюжета явствует, что «слить в одну из разных чаш осадок золотой» – задача ложная: Миф не мельчит в пыль (непрозрачную взвесь, амальгаму) истинное золото мира, растворенное во всем живом.

Об «утаптывании» земного пути в плоть (тело) Мифа заметим: слово *топтать* имеет значение `попирать`. Поприщем в древнерусском языке называли меру расстояния – столько, сколько можно пройти в течение одного светового дня.

Подобно витязю на распутье, герой прочел на придорожном камне: «Направо смерть, налево скорбь, / А супротив любовь». Вновь и вновь возвращаясь к этой исходной точке, он узнает, что до реки забвения шагать «триста дней», в сторону скорби – «шестьсот»...

Все тени стекают в глухие воды Леты (река «без брода и мостов» «не отражала никогда небес и облаков»). По дороге к океану слез герой встретил старика, чей человеческий вопрос неразрешим, поскольку согнут вниз:

– Когда-то был мой дух высок
И страстью одержим.
Мне хлеба кинули кусок –
Нагнулся я за ним.

Моё лицо не знает звезд,
Конца и цели – путь.
Мой человеческий вопрос
Тебе не разогнуть.

На берегу наш странник видел, как мальчишка бросает сахар в соленые волны океана скорби.

– Ты что здесь делаешь, дитя?
– Меняю океан.

Безмерный подвиг или труд
Прости ему, Отец,
Пока души не изведут
Сомненья и свинец.

Герой вернулся к межевому камню, «заплатив за скорбь детей и стариков» собственной тенью.

Он повстречал повозку слёз –
И не успел свернуть.

И намоталась тень его
На спицы колеса.
И тень рвануло от него,
А небо – от лица.

Поволокло за колесом
По стороне чужой.
И изменился он лицом,
И восскорбел душой.

На повороте роковом
Далёкого пути
Отсек он тень свою ножом:
– О, верная, прости!

Познавшему безысходность смерти и скорби, отсежнему свою тень, ему предстояло от той же межевой черты пойти навстречу любви.

Мы цитировали фрагмент книги О. М. Фрейденберг «Миф и литература античности» о словесных картинах – эйконах (εἰκόνες) и процедурах иконического сравнения, которые помогают катарсису¹⁴¹ – постижению смысла, не окрашенного никакой субъективной эмоцией.

¹⁴¹ См. стр. 150–151.

Эпическое разрешение внутренних конфликтов, нравственное возвышение, возможность вместить в сознание все рассказанное и увиденное укрепляют дух, позволяют не пасть под грузом переживаемых чувств. Христиане осмыслили катарсис как смирение – высветление граней бытия и помощь братски любящих сердец.

Гармония братства «супротив» смерти и скорби: к смиренному сердцу – не к камню прилегает в свитке веков все изведенное людьми на земных перепутьях.

Миф устных эпох был неотлучен от психофизики человека; но за тысячелетия вторичной переработки погребенная под глыбой «с морщинами седых стихов» мифоматерия одичала. Обрывки стародавнего язычества копошатся «тугим клубком червей», пока не канут в Лету. «Иди, куда идешь. / Я сам запутал свой клубок, / И ты его не трожь», – доносится до героя вздох из-под земли.

Меры макросюжета объективно соответствуют реалиям и закономерностям космоса: поверхность Земли освещена (фаза дня) или не освещена солнцем (фаза подлунная). Если сказ (тип повествования) верен «сказке русского лица», мы смотрим на земной шар глазами Солнца и Луны. В Мифе слово напитано глубиной и полнит жизнью «неупиваемую чашу» земного бытия.

Поэзия не там, где версифицируют. А там, где каждый всецело принимает, разделяет судьбу, единую с народом. При начале пути ни герой, ни кто-либо из читателей поэмы не был готов ответить на вопрос: почему любовь супротив смерти и скорби. Скитаясь во тьме, которую не рассеешь костром мысли, герой у ночного костра услышал, что он «на полпути к большой горе, / Где плачут и поют». Сказавшая об этом любящая тень предупредила: прорваться сквозь ту-

ман низин к пиру олимпийцев на вершине не просто (закружат голову окольные пути)¹⁴².

– Иду! – он весело сказал
И напролом пошёл.
Открылась даль его глазам –
Он на гору взошёл.

Поэма вызвала негодующие отклики, сгустившиеся после публикации вначале 1980-х эпиграммы «Как он смеет! Да кто он такой?» и стихотворения «Я пил из черепа отца». Станислав Куняев назвал несправедливой реакцию критиков на «Золотую гору» и подчеркнул: они не поняли, сколь «тонок и тактичен оказался Кузнецов в этой вещи»:

Он не стремится превзойти классиков, к которым восходит на вершину Золотой горы. Он идет к ним в общество, повинувшись зову, который от них слышит. И только достигнув цели, он обнаруживает, что “навек занемог торжественный глагол, и дух забвенья заволок великий царский стол. Где пил Гомер, где пил Софокл, где мрачный Дант алкал. Где Пушкин отхлебнул глоток, но больше расплескал”. Вот это “больше расплескал” вызвало бурю негодования. А подумать, с кем сопоставляет Кузнецов Пушкина – с Гомером, Софоклом и Данте. И как он относится к тому, что этот классический звон почти не слышен в современности. И что делает его герой? “Он слил в одну из разных чаш осадок золотой. Ударил поздно звездный час, но все-таки он мой”. Что происходит? Герой сливает осадок, а осадок и есть золото – то, что концентрирует в себе дух классики. Но при этом он сливает в свою чашу только то, что осталось, что он сам в состоянии пригубить, и не более того...¹⁴³.

---

¹⁴² Строящая иллюзии субъективность (кружение «окольных путей» в голове человека) не отражает объективную гравитацию космоса.

¹⁴³ Куняев С. Под маской сверхчеловека [Интервью М. Струковой] // Газета Поэзия. 14.11.2013. URL: https://www.ng.ru/poetry/2013-11-14/6_strukova.html?id_user=Y (дата обращения 12.05.2024).

Это достаточно важное, но частное разъяснение не раскрыло макрозамысел поэмы и увело от сути кузнецовского понимания того, как не «пригубить осадок», не застрять на идее о «звездном часе», а преодолеть глобальное испытание фазой тьмы.

🌀 В финальных строфах поэмы «Золотая гора» сконцентрированы отсылки к творениям русских классиков.

Ахматова говорила о спасительности воздушной громады пушкинского романа в стихах: «И было сердцу ничего не надо, / Когда пила я этот жгучий зной. / Онегина воздушная громада / Как облако стояла надо мной».

Не только онегинского «дядю самых честных правил»¹⁴⁴ видим за строками: «Мелькнул в толпе воздушный Блок / Что Русь назвал женой / И лучше выдумать не мог / В раздумьях над страной». Это вовсе не насмешка над промельком настоящей высокой любви в туманах Серебряного века.

Не отсылает ли эпитет воздушный к строке Лермонтова «Твой стих как Божий дух носился над толпой...» («Поэт», 1838)?

Русский Миф движим тем же началом, что древнегреческая архаика (Гомер, Софокл). Европейская мысль Нового времени, это начало подменившая конструированием систем и доказательств, дробит в пыль мифологический смысл (о герое «Золотой горы» сказано: «пыль супротив он мёл»).

Обдумывая собственный прорыв в высокую литературу, Юрий Кузнецов, как показывает мотив `ли-

---

¹⁴⁴ Онегин, как помним, был последним в роде «наследником всех своих родных».

тавры` в стихотворениях 1966 г. «Служба», «Прощание с Краснодаром», руководствовался речением апостола Павла: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал бряцающий» (1. Кор. 13–1). В поэме «Золотая гора» не *тьнь любви* (случайная собеседница у костра мысли), а любовь есть отклик из глубин мироздания: «Она откликнулась, как медь, / Печальна и нежна: / “Тому, кому не умереть, / Подруга не нужна”»¹⁴⁵.

На высоте твой звёздный час,
А мой — на глубине.
И глубина ещё не раз
Напомнит обо мне.

Эпитет *мрачный* («где мрачный Дант алкал»), отсылающий ко второй строке стихотворения «Пророк» («В пустыне мрачной я влачился...»), Кузнецов совместил с антитезой строки первой («Духовной жаждою томим»): *алкал / расплескал*. Противовес составила жизнеутверждающе светлая «Сказка о Царе Салтане» («Воду с шумом расплескала, / И обрызгала его / С головы до ног всего»). Кристалл русской поэзии в поэме «Золотая гора» сверкает чистой росой, брызгами от крыльев царевны Лебеди.

Вдумчивое чтение поэмы «Золотая гора» на пользу всем, кто, желая вернуться к домостроительству культуры на базе первичных начал языкового развития, размышляет, как придать народные качества образовательной деятельности, как усовершенствовать модель СМИ.

---

¹⁴⁵ «Не любись с теньями», – строчка из стихотворения «Молчание Пифагора» (1991), о котором см. на с. 128–129.

Параллельно «Золотой горе» Кузнецов работал над поэмой «Дом» (1969–1973).

Является ли поэма «Дом» частью Русского Мифа? Обоснуйте свои соображения тем, что почерпнули вы из этого лироэпического полотна о русской дороге.

«Известом о золотой горе» Юрий Поликарпович называл детски-незрелую, до поры смутную тягу к стихам («Рожденный в феврале, под Водолеем», 1978); а в 1989 г. сказал вполне зрело: «Моя поэзия – вопрос грешника. И за неё я отвечаю не на земле».

Вероисповедные истоки творческого метода упорно отрицали те, кому было выгодно представить поэта модернистом или индивидуалистом, самонадеянным гордцем, ницшеанским одиночкой.

Не ожидая похвал от таких критиков, поэт шел подвижнической стезей ради грядущей фазы расцвета – домостроительства культуры в опоре на эпический компонент языкового наследия.

«БОЖЬЯ ИСКРА И ЕСТЬ ДАР ПОЭЗИИ»

«Люди чувствуют поэзию в природе, в земле, в воде, огне, воздухе, в земледельческом труде, в душе и натуре человека, и всюду, где есть упоение: во хмелю, в бою, и “бездны мрачной на краю”», – подчеркивал Юрий Кузнецов. Нельзя не заметить в этом высказывании цитату из песни Вальсингама («Пир во время чумы»):

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,

Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.
Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья –
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.

Акт несловесного понимания, который древние греки называли кáтарсисом (κάθαρσις – `возвышение`, `очищение`), лингвофилософски объяснил младший современник Пушкина Иван Киреевский (1806–1856)¹⁴⁶. Александр Потемня продолжал изучать языковые механизмы, посредством которых невербализуемая внутренняя форма слова связует целостное восприятие слов и дел. Потемнянство (психологическая школа в литературоведении) немало поработало над возможностью поддержать органично развитое культурное наследие народа. Русская школа гуманитарной мысли признавала эпический уровень умозрения базисом домостроительства культуры. Это благоприятствовало высокому качеству пространства образованности, созданию корпуса классики отечественной литературы (причем и за пределами периода золотого века).

Внутренней формой слова называют невербальную подоплеку понимания смысла, аккумулированного в народном поэтическом предании. Энергия первичных начал культурно-жизненного опыта действует как высший (эпический) уровень воспри-

---

¹⁴⁶ Родственник и ученик В. А. Жуковского. Поэт принимал деятельное участие в воспитании Ивана и Петра Киреевских – детей своей племянницы Авдотьи Петровны Киреевской-Елагиной.

ятия действительности, молчаливо обобщающий смыслы, переданные речью.

Речь – реализация языковой способности в звуках или на письме – несет информацию индивидуализированную. Как и искусственные знаковые системы любой сложности (от знаков светофора до кодов компьютерного программирования), дискурсы¹⁴⁷ – способы говорения, обусловленные общественными институтами, отношениями в социуме, – вторичны, манипулятивны¹⁴⁸.

О философско-лингвистическом обосновании процессов эпической языковой деятельности, которое излагал И. В. Киреевский в своих лекциях¹⁴⁹ и обобщил в итоговом труде своей жизни «О необходимости и возможности новых начал для философии» (1856)¹⁵⁰, следует сказать подробно.

Проще всего передать суть его концепции, сравнив эпическое начало домостроительства культуры с умением природы делать белый луч из радуги.

Каждая полоса радужного спектра имеет свой цвет,

---

¹⁴⁷ Ротация дискурсов сводит культуру к набору мнимостей. Габриель Марсель («Человек против человечности»), Вальтер Беньямин («Происхождение немецкой трагедии») писали, что сооруженный из обломков «второй природы общества» мир европейцев Нового времени убог в сравнении с миром родового (коллективистского) и средневекового (вероисповедного) сознания.

¹⁴⁸ В латинской риторической традиции термину дискурс (от позднелат. *discursus* – ‘рассуждение’, ‘довод’) соответствовал спектр значений ‘беготня’, ‘суета’, ‘манёвр’. Позитивистское гуманитарное знание второй половины XX в. абсолютизировало дискурсивный подход, тотально подменив вторичными языковыми системами практику поддержки первичных (естественных этнических) языков.

¹⁴⁹ В 1840-х гг. И. В. Киреевский готовился к профессорскому званию, но его сочли неблагонадежным и не разрешили преподавать в Московском университете.

¹⁵⁰ Киреевский И. В. О необходимости и возможности новых начал для философии // Благова Т. И. Родоначальники славянофильства. А. С. Хомяков. И. В. Киреевский: М., 1995. С. 267–301.

но вкупе они дают прозрачный поток энергии. Так и акты речи окрашены присутствием говорящего лица или лиц, но слушатель ориентируется на совокупный итог – то, что, вне субъективной окраски, несет энергию смысла и понимания, не зависящего от вербальной оболочки.

Людям необходимо умение собирать многоцветный спектр речей и мнений в абсолютно прозрачный луч – «не твой», «не мой», лишенный субъективного компонента, и поэтому не подвластный манипулированию.

Привлечь аналогию с солнечным лучом уместно и потому, что она присутствует в стихотворении Юрия Кузнецова «Плач о самом себе» (1993), – горькой исповеди человека, который наткнулся на непонимание, слепоту и глухое безразличие к православным истинам:

И встанет Солнце высоко
У гроба моего.
И спросит тихо и легко:
– Ты плачешь... Отчего?
– О Солнце Родины моей,
Я плачу оттого,
Что изо всех твоих лучей
Не стало одного.

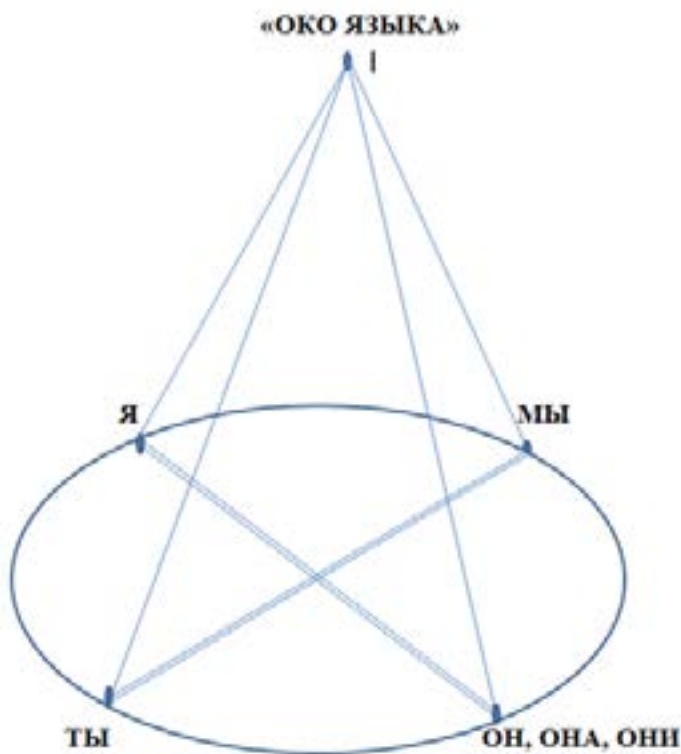
Знакомя в нашем мастер-классе читателей с лингво-философской концепцией Киреевского, мы применим объяснительный ход, который описан в работах учеников немецкого языковеда Ойгена Розеншток-Хюсси (1888–1971)¹⁵¹, но дополним эту методику схемой не плоской, а объемной.

---

¹⁵¹ Гарднер К. Между Востоком и Западом: Возрождение даров русской православной философии // Благова Т. И. Родоначальники славянофильства ... С. 340–351.

Высказывания могут иметь окраску субъективную (точка зрения Я), субъект-субъектную (координация позиций Я и ТЫ), коллективную (высказывание от имени МЫ). Тот, кто слов не произносит, а слушает, тоже участвует в акте понимания (как ОН, ОНА, ОНИ). Розеншток-Хюсси вычерчивал «крест речи», соединяя на плоскости крестом позицию субъекта (Я); позицию субъект-субъектного общения (Я-ТЫ); позицию коллективную (МЫ) и позицию объекта (ОН, ОНА, ОНИ).

☰ От перечисленных четырех точек можно, как мы покажем на рисунке, пирамидально возвести лучи к верхней точке, которая соответствует безмолвному созерцанию (Око Языка).

Позиция безмолвного созерцания – точка высоты (Божественное) и глубины (из недр Мифа). «Вещало сердце: мне дано / Идти во глубь глубин, / Где было знание одно / И был язык один», – сказано у Кузнецова об этих молчаливых интуициях.

Умеющий вслушиваться во внутреннюю форму слова чуток к подсказкам, по которым можно многое уловить, о многом догадаться.

 Потренируем способность ориентироваться по «компасу» родного языка и чутью к глубинным подсказкам мифомышления.

В слове *стать* сдвоены омонимы, характеризующие результаты процесса становления (*стать* – совершенная форма глагола *становится*: ` сначала таким не был, но постепенно становился и стал `) и внешнее благообразие форм человеческого тела (о величественном на вид человеке уважительно говорят: «Какая у него *стать*!»).

У Юрия Поликарповича *стать* была богатырская. И с детства он жил предчувствием чего-то огромного, объемлющего весь мир.

...Свой первый символ увидел весьма рано. Ему я обязан первым воспоминанием. Мне было с небольшим два года. Помню, как долго открывал тяжелую калитку с высоким кольцом. Выйдя на улицу, увидел сырой, мгlistый, с серебристой поволокой воздух. Ни улицы, ни забора, ни людей, а только этот воздушный сгусток, лишенный очертаний. Конечно, такое воспоминание не случайно. Это было то самое туманное дремлющее семя, из которого потом выросло ощущение единого пространства души и природы.

Художественное произведение может вместить процесс становления – от «туманного дремлющего семени» до ясной кристаллизации «ощущения единого пространства души и природы». Пушкин в финале «Ев-

гения Онегина» сказал, что при начале работы «даль свободного романа <...> сквозь магический кристалл еще неясно различал».

Не так ли преобразуют даль итоговые смыслы стихотворения «Память» (1978), пронизанного болью военного вдовства и сиротства? Годы идут, души оттаивают слезами... Переключка за водой – за войной («Не ходи ты, ради бога, мама, / К этому колодцу за войной!») как распахнутая дверь в неистекшее прошлое. Боль заморожена в седину вдов и безотцовщину детей. Не стихая, стучит в сердца и души эхо всенародной беды...

Перечитаем стихотворение «Память».

Снова память тащит санки по двору.
Безотцовщина. И нет воды.
Мать уходит в прошлое, как по воду,
А колодец на краю войны.

Он из снега чёрным солнцем светит,
Освещая скудным бликом дом.
И на санках ведра, будто свечи,
Догорая, оплывают льдом.

Не ходи ты, ради бога, мама,
К этому колодцу за войной!
Как ты будешь жить на свете, мама,
Обмороженная сединой?

Ты в тепле, зажав лицо руками,
Станешь слёзы медленные лить...
Будет обмороженная память
Через годы с болью отходить.

Биографический смысл обрамлен кристаллом смысла общенародного, и это ясно по природным состояниям вещества: пронизанный эхом бед воздух, прозрачная твердь льда, черный провал колодца... Но в колодце вода. Духовность, вбирая памятное, родное, остается светла.

Зарисовка особенно хороша тем, что в ней есть лучики всем знакомого с младших классов школы фрагмента V главы «Евгения Онегина», где описана радость первого снега:

Вот бегают дворовый мальчик,
В салазки жучку посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно...

Связь со всем родным – залог внутренней целостности идеальных стремлений души. Помогает ли эта ассоциация стихотворения Кузнецова «Память» вывести обобщение к катарсису? Несомненно, есть момент высшего понимания в том, что в излучение смысла вовлечена пушкинская характеристика главной героини романа в стихах: «Татьяна (русская душою, / Сама не зная почему) / С ее холодной красою / Любила русскую зиму».

Духовный реализм предполагает соответствие слов делу. Об этом говорили Жуковский («Дела поэта – слова его»), Блок («Слова поэта и есть его дела»). Пушкин по поводу строк Державина «За слова меня пусть гложет, / За дела сатирик чтит» сказал: «Державин не совсем прав: слова поэта суть уже его дела».

Деятельная природа русского начала подчеркнута в стихотворении Кузнецова «Здравица» (1982), обращенном к литературоведу Вадиму Валерьяновичу Кожинову. Читая дружески-откровенные строки, слышишь отзвук латинских поговорок «Memento mori» и «Mens sana in corpore sano»¹⁵², иронично дополненный игрой согласными Д/Т: в здоровом ДЕЛЕ здоровый дух.

¹⁵² Memento mori (лат.) – «Помни о смерти»; Mens sana in corpore sano (лат.) – «В здоровом теле здоровый дух».

То не ворон считают соловьи –
Мы говорим о славе и любви.
Бокал обвит змеиным женским телом,
Стряхни змею! Займёмся русским делом,
Пуская из ноздрей заморский дым.
Но где же слава, Кожинов Вадим?

За горизонтом старые друзья
Спились, а новым доверять нельзя.
Твой дом парит в дыму земного шара,
А выше Дионисий и гитара,
И с книжной полки окликает Рим:
– Мemento мори, Кожинов Вадим!

Смерть, как жена, к другому не уйдёт,
Но смерти нет, а водка не берёт.
Душа верна неведомым пределам.
В кольце врагов займёмся русским делом,
Нас, может, двое, остальные – дым.
Твоё здоровье, Кожинов Вадим!

Эта вариация на темы «Вакха и пиров» также близка к пушкинским, с вальсингамовской нотой.

Высокое служение Родине традиционно для русской поэзии. «Займемся русским делом» – призыв к истинной мере ответственности за наследие страны.

Продолжая наш тренинг работы с внутренней формой слова, рассмотрим поэтический эффект переклички слов *век* и *веко* в балладе «Испытание зеркалом» (1985).

Мы упоминали о сюжете¹⁵³, где некто из «трещины в бездну провала»¹⁵⁴ умоляет избавить его от плена зеркал:

---

¹⁵³ См. с. 129–130 этой книги.

¹⁵⁴ Ночь, когда он явился (на Ивана Купала), – время языческого празднования летнего солнцестояния.

Мой хозяин в неравной борьбе
Угадал свой конец неминучий.
Он заложника видит в тебе,
Он на всякий надеется случай.
Мне нужна твоя помощь. Поверь,
Был когда-то и я человеком,
И понёс очень много потерь...

Броская деталь в портрете странного гостя воспринимается как дефект лица (оборванное веко) и как оборванная мера жизни (перебежчик сетует на ущербность сроков, отпущенных людям в мире Сатаны).

☐ Хронологически век примерно равен 100 годам. Ф. М. Достоевский говорил, что человек – понятие составное (**чело + век**). Срок пребывания на земле около 60 лет; и еще 30 лет после нашего ухода будут жить те, кто нас видел, знал, запомнил в лицо (**чело**). В сумме это и равняется веку.

Финал «Испытания зеркалом» полон бесстрашной уверенности, что лабиринты зазеркалья не устоят:

Грянул гром – и рассеялся дым.
Сквозняком по избе потянуло.
Гость исчез, стул остался пустым,
И края свои бездна сомкнула.
Что за гость? В голове ни царя,
И мигает оборванным веком.
Он на что намекал, говоря,
Что когда-то был сам человеком?

Видно, плохи дела Сатаны.
Есть на свете чему удивляться,
Если с той, так сказать, стороны
Перебежчики стали являться.

🌀 Миг / мигание – предельная краткость отрезка времени, светового импульса, портрета (о лице пришельца сказано: мигает оборванным веком). Какой из образов кузнецовского художественного мира антиномичен мигу и передает устойчивую связь судеб и лиц в человеческом мире? Этот образ воплощен в стихотворении «Ладони» (1981).

Дополним другим примером. Публицистичное стихотворение «К Родине» (1986) о том, что западнические взгляды разорвали прочную связь поколений, начато прямым обращением к России:

Ты во имя грядущей любви
Города сотрясала и сёла.
И гиганты и бесы твои
Вырывались из бездны раскола.

Принимала ты все племена
И друзей, и врагов обнимала,
Хоть меняли твои имена,
Ты текучей души не меняла.

«Последний оратай» отчей земли речей не произносит (уже и не знает, как величать родную землю: «Мужики называли святой, / Сыновья-нигилисты – проклятой»), но молчаливо трудится на родной ниве, не приемля отказ от совести¹⁵⁵.

Как помним, Понтию Пилату принадлежат слова «Я умываю руки» (так римский прокуратор сформулировал решение предать Христа казни).

Умывая ладони землёй,
Вот стоит твой последний оратай.

---

¹⁵⁵ Древнерусское слово *орати* (‘пахать’, ‘возделывать землю’) фонетически напоминает славянское *рать* (‘войско’) и латинское *оратор* (‘мастер говорить’).

Взгляд в себя и вселенский размах.
Как тебя величать, он не знает.
На твоих бесконечных холмах
Он ладони вкруг солнца смыкает.

Ладони труженика, умытые землей, воздымаются к Солнцу. «Взгляд в себя и вселенский размах»...

Спасителен свет внутри человека – незамутненное речами и спорами, не ограниченное рамками интерпретаций, не опосредованное нарративами или дискурсами прямое восприятие Света мира сего.

В древности слово «ладони» у русичей звучало долони, а на книжный церковнославянский лад – длани.

Когда долонь вдоль (`дол`, `даль`), а не поперек исконно-народной стези, можно жизненный путь длить тысячелетиями, не дробя и не распыляя многовековые достижения человечества.

А если идешь поперек Богом данного пути, остается только песок в ладони. Стихотворение 1993 г. «Строитель» по смыслу противоположно таким произведениям о будущем нашей страны, как «Рука Москвы», «Я скатаю Родину в яйцо», «К Родине».

Горе-строитель, шатаясь и «заснув на ходу», идет «из пустыни разбитого духа»; в его горсти – кроха последней смерти среди труса, пожара и дыма.

Шел старик и шатался, заснув на ходу.

– Ты откуда идёшь? – Он ответил: – Иду

Из пустыни разбитого духа.

Я строитель. Я видел, как рушилась твердь,

Как страна принимала последнюю смерть,

Вопль «спасите!» летел мимо слуха.

Вот что смог унести я с собою в горсти,

Что успел я из Третьего Рима спасти

Среди труса, пожара и дыма! –
Он песчинку в раскрытой руке показал.
– Вот твердыня! – он голосом веры сказал,
– Вот основа Четвертого Рима!

Глухой к человечности вояка («Вопль “спасите!” летел мимо слуха») – разрушитель, стяжавший то, что можно стяжать в пустыне, держась за ветер, – так сказано в близком по теме стихотворении 1991 г.: ветхий человек гражданских междоусобиц не помнит, на чьей стороне и за что воевал:

Шёл старик по глухой стороне
И за ветер держался.
– Где ты был?
– На гражданской войне
Перед Богом сражался.
– А поведай на чьей стороне
Ты сражался – держался?
– Я не помню, – ответил он мне,
Но геройски сражался...

 Юрий Кузнецов знал пророчество инок Филофея: Первый Рим пал из-за ересей, Вторым Римом был Константинополь, Третий Рим – Москва будет стоять вечно; четвертому Риму не бывать.

С опорой на историю и культуру народа поэт показал две проекции будущего. Песок рухнувших твердынь – итог погибельных катаклизмов; Божий храм на ладони – перспектива жизни.

 С какими произведениями классической русской литературы можно сравнить притчу о ветхом старике, бездумно растратившем свою жизнь на «обрушение тверди»?

У Тютчева это «Безумие» (1829) – зарисовка существа со стеклянными очами, живущего в сплошном аду «под обгорелым небосводом»:

Там, где с землею обгорелой
Слился, как дым, небесный свод, –
Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живет.
Под раскаленными лучами,
Зарывшись в пламенных песках,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищет в облаках.
То вспрянет вдруг и, чутким ухом
Припав к растреснутой земле,
Чему-то внемлет жадным слухом
С довольством тайным на челе.
И мнит, что слышит струй кипенье,
Что слышит ток подземных вод,
И колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход!

А также стихотворение «Цицерон» (1830), где говорится об ораторе, который «застигнут ночью Рима был». «Прощаясь с римской славой», он видел «закат звезды ее кровавой».

С утратой пиетета к святыням пала западная мысль; но «руины великих идей» у человечества общие.

Когда 15 апреля 2019 г. случился пожар в соборе Парижской Богоматери, это бедствие напомнило о написанном за 40 лет до этого стихотворении Юрия Кузнецова «Для того, кто по-прежнему молод...»:

Мы поскачем во Францию-город
На руины великих идей. <...>
Нам чужая душа – не потёмки
И не блеск Елисейских Полей
Нам едино, что скажут потомки
Золотых потускневших людей.

Только русская память легка мне
И полна как водой решето.
Но чужие священные камни,
Кроме нас, не оплачет никто...

💡 Как бы вы объяснили смысл строк «Только русская память легка мне / И полна, как водой решето»? В чем вам видится связь этого произведения со «Скифами» Блока?

Что к сказанному добавил поворот темы классического наследия в кузнецовском стихотворении «Отдайте Гамлета славянам»? Можете ли пояснить, почему это стихотворение 1978 г. озаглавлено «Память 2»?

Какие стихотворения других поэтов об отзывчивости русского мира на культурные ценности других народов вы можете привести?

Стихотворение «Рука Москвы» (1997) говорит о русской культуре как собирательнице Большой Родины. Взаимодействия людей ощутимо энергичны, будто сжатая в кулак рука; но в эпицентре сконцентрирована не сила удара, а потенциал энергий общенародного созидательного бытия.

Твоя рука не опускалась
Вовек, о русский богатырь!
То в удалой кулак сжималась,
То разжималась во всю ширь.

Что в глубине твоей, Россия?
Что в кулаке твоём, Москва?
Иль непомерная стихия,
Иль площадная трын-трава?

Теперь во тьме духовной рвани
И расщеплённого ядра
Дыра свистит в твоём кармане
И в кулаке гудит дыра.

Врагам надежд твоих неймётся.
Но свет пойдёт по всем мирам,
Когда кулак твой разожмётся,
А на ладони – Божий храм.

Ту же, по сути, идею поэт высказал в «Неразрываемом кольце» под впечатлением майской 1983 г. поездки в Азербайджан. О ее маршруте, событиях и участниках рассказал в теплых воспоминаниях поэт Мамед Исмаил [Т. 4, с. 93].

На Востоке прохладная тень,
И сияет кольцо аромата.
Мы широкий увидели пень –
Славный стол для проезжего брата!

– Что-то в этом счастливое есть! –
Как один, мы сказали друг другу. –
Некий перст указывает присесть
И пустить нашу чашу по кругу.

Мы по кольцам считали у пня –
Триста лет расходились широко.
Русским князем назвали меня,
И сказал я потомкам Востока:

– Разорвать никому не дано
В этом пне ни единого круга.
Пьем за семя! Когда-то оно
Круг за кругом погнало упруго.

Так запоним друг друга в лицо
Мы друг друга любить обязуем,
Потому что живое кольцо
Мы вкруг этого пня образуем.

Мы глядели друг другу в лицо,
Круг широк, но стояли едино.
А за нами народов кольцо,
И держала всех нас сердцевина.

Нетрудно заметить в словах «русского князя» о достойных потомках Востока не только признательность за гостеприимство, но и надежду на сценарий нашей общей судьбы, не столь трагичный, как в стихотворении «Дуб» (1975):

Неразъёмные кольца ствола
Разорвали пустые разводы<...>
Изнутри он обглодан и пуст
Но корнями долину сжимает.
И трепещет от ужаса куст
И соседство свое проклиняет.

💡 Многогранность воплощений мифемы Древо Жизни в творчестве Юрия Кузнецова впечатляет.

На материале других стихотворных текстов попробуйте выявить, чем образу Древо Жизни противоположна группа образов: посох; жезл, окольцованный телом змеи (кадуцей Гермеса); чаша Гиппократа.

«Древний посох стоит над землёй, / Окольцованный мёртвой змеей», – написал Юрий Кузнецов в стихотворении 1977 г.

Раз в сто лет его буря ломает.
И змея эту землю сжимает.
Но когда наступает конец,
Воскресает великий мертвец.

– Где мой посох? – он сумрачно молвит,
И небесную молнию ловит
В богатырскую руку свою,
И навек поражает змею.

Отпустив свою душу на волю,
Он идёт по широкому полю.
Только посох дрожит за спиной,
Окольцованный мёртвой змеей.

Интересно следить, как под пером поэта преображается смысл аллегорий (фигуративных образов с четко закрепленными расшифровками значений).

Читатель легко дополнит пример из стихотворения «Посох» другими, самостоятельно найденными в поэтических текстах разных лет подтверждениями того, что поэзия дарует понимающее мудрое проникновение в глубинное единство целостного смысла бытия.

ГЕНИЙ – ПАРАДОКСОВ ДРУГ

Эти крылатые слова Пушкина применимы к стилю Юрия Кузнецова, парадоксальному на всех уровнях выразительности: образы и мотивы, синтаксические конструкции, состав слова (корень, суффиксы, приставки), смысловые оппозиции разнонаправленных, однако связанных между собой повествований – все ведет от поверхности вглубь, выступает скрепами Целого¹⁵⁶.

Необходимость специального мастер-класса о парадоксах нам подсказала напечатанная в сборнике IV Кузнецовской конференции статья о стихотворении «Из земли в час вечерний, тревожный». Ее автор Г. Шувалов предлагает считать «главной составляющей» поэзии Кузнецова «не миф, а парадокс», с чем нельзя согласиться, как и с принятой в этой статье концепцией литературного процесса.

Шувалов начинает отсчет с предмета, о котором говорит, не беря во внимание роль парадокса у Державина, Пушкина, Гоголя и других мастеров родной

---

¹⁵⁶ См. также: Третьякова Е. Ю. О парадоксальности в творческом методе Юрия Кузнецова // Юрий Кузнецов и мировая литература: V науч.-практ. конф., посв. творч. наследию Ю. П. Кузнецова. М., 2012. С. 60–68.

словесности. В статье сказано: «После стихов Юрия Кузнецова парадокс стал заметным явлением русской поэзии»¹⁵⁷. Сами по себе такие анахронизмы – сигнал неблагополучия в среде гуманитариев, не готовых работать в русле русской классики, пишущих наобум, не вникая в предшествующую традицию, которая охватывает целостные пласты отечественного литературного процесса. В данном случае утешает только то, что не филфаковский диплом дает преимущество «лирикам» над «физиками». При отсутствии стандартной вузовской подготовки умы, не отягощенные схоластикой, порой бывают более чутки к поэтическому содержанию художественных текстов.

🌀 Школьного набора знаний достаточно, чтобы найти примеры парадокса на уровне смыслового членения предложений в той же поэме «Золотая гора».

Тень любви предупреждает героя: «В тумане дрогнувшей стопе / Опоры не найти». Эта фраза передает три грани смысла, актуализируемые при разном актуальном членении предложения:

1) туман не дает никакой опоры – «В тумане дрогнувшей стопе / Опоры не найти»;

2) то, что чувствует человеческая стопа (Стопа продрогла от сырости и холода. Однако нетвердая стопа не найдет опоры – «В тумане дрогнувшей стопе / Опоры не найти»);

3) то, как отвечает человеческой стопе ее опора – путь, по которому человек идет. «...дрогнувшей стопе / Опоры не найти» (опора – точка соприкосновения с живым веществом мира; это вещество ощущает шаги идущего, но лишь на твердую поступь дает целостный отклик человеку).

---

¹⁵⁷ Шувалов Г. В. Юрий Кузнецов и парадокс // Юрий Кузнецов и Россия: IV ежегодн. междунар. конф., посв. творч. наследию Ю. П. Кузнецова. М., 2011. С. 33–35.

Опыт бесписьменных времен впечатан в телесность своего носителя. В «Золотой горе» Миф говорит герою:

Ты всюду есть, а я нигде,
Но мы в одном кольце.
Ты отражён в любой воде,
А я – в твоём лице.

Герой отвечает: «Небом я накрыт, а ты – моей ступой». Через человека Миф вбирает земное пространство и растет до небес. В единении с Мифом достигают полного расцвета психофизические качества людей и качества культурного бытия.

Утрата этих качеств (невозможность живого развития в техногенном обществе, пробелы в культурном багаже современников XX столетия) угрожает существованию человечества.

Ситуацию судного дня как онтологически значимый рубеж между живым / мертвым Юрий Кузнецов описал в стихотворении «Родной разговор» (2003) с помощью парадокса.

В судный день за себя страшновато
Перед Богом ответ предержать.
Мать-земля мертвецами брюхата,
Выйдет срок, она будет рожать,
Как рожала вовек...»

От перенасыщенной (так кажется) погибелью черты брошен совестливо-ответственный взгляд в еще не народненное грядущее:

Мать-земля...
... она будет рожать,
Как рожала вовек, и когда-то –
Перед Богом нельзя оплошать...

Слова «как рожала вовек» включены в противоположные друг другу, несовместимые проекции будущего (одна проекция измерена мерой гибели, другая – мерой спасения).

☰ О функции парадоксов можно судить лишь при адекватном учете особенностей творческого метода поэта.

Проверим, насколько полно учел Г. Шувалов контекстные связи разбираемого им стихотворения «Из земли в час вечерний, тревожный» (1970).

Исследователь привлек к разбору еще два произведения: «Я возраст очень смутно понимал» (1965), «Роса» (1969). Вне его внимания остались входившие в творческую лабораторию эксперимента наброски «Я выйду в открытое поле» и «Форель» (дата их создания 7 апреля 1969 г.), тематически близкие стихотворению «Роса», которое написано 29 июня 1969 г.

Контекст сужать ни в коем случае нельзя: только в «грозди» произведений понятен смысл проделанного эксперимента с мифом.

В чем состоял эксперимент? Отправной точкой послужило написанное десятью годами ранее стихотворение «Тишина... Отсвистали птицы...» (оно вышло в «Комсомольце Кубани» 28 июня 1960 г.).

Я в пшенице плыву по горло,
Улыбаюсь мохнатой звезде.
Мне легко затеряться в городе,
А в степи я как рыба в воде.

Варьируя лирическую ситуацию, студент литинститута Юрий Кузнецов попытался достичь внутренней связности всего со всем в повествовании: движение символа, пронизав весь «куст» ассоциаций, должно было достичь Кроны Древа.

Экспериментатор начал фантазийным видением: по полю скачут «последние кони», но родная земля, ее трава «ростом с ливень», глоток воды из колодца могут совершить чудо (стихотворение «Я выйду в открытое поле»). Уверенность в том, что нельзя быть «старым городом с равнодушными глазами машин, стеклянными шагами женщин и деревянными шагами мужчин», подкреплял краснодарский 1960–1966 гг. и полученный после поступления в Литинститут опыт жизни в мегаполисе.

С юных лет впитавший целебность степного пространства паренек поставил сам себе требование «выбросить все самолеты из рукава». По сказке «Василиса Премудрая» он помнил: героиня на царском пиру выливала остатки меда-пива в левый рукав, клала в правый рукав косточки – и из рукава вылетали лебеди. Как смысловая пара к «Атомной сказке» (1968) поэтическая декларация «Я выброшу все самолёты / Из моего рукава» отсылала к образу лягушки-царевны.

Набросок «Я выйду в открытое поле» содержал важные, повторенные в более поздних произведениях Кузнецова строки. Их для наглядности мы выделим:

Я выйду в открытое поле,
Где ростом с ливень трава,
Где скачут последние кони,
Не оставляя следа.

И жаворонка услышу
Жалобный голосок.
Рванётся дума на запад,
А сердце пойдёт на восток...

Дайте мне отдышаться,
Напитаться из родника.
Я выброшу все самолёты
Из моего рукава.

Я город, я старый город,
Равнодушные глаза машин,
Стеклянные шаги женщин,
И деревянные шаги мужчин.

После этого наброска возникла притча про форель, выросшую на ветке¹⁵⁸ и скрывающуюся «за тридевять земель». Под ночным небом ее не поймать, как не поймать звезды.

На ветке выросла форель,
Зашевелилась,
Ушла сквозь тридевять земель
И притаилась.

Она стоит передо мной,
А дальше – звёзды.
Хватаю верною рукой,
Но – поздно, поздно...

Этой зарисовкой-фантазией нельзя пренебречь. Она – звено перехода к ночному стихотворению «Роса» (третьему), после которого, замыкая кольцевой ход авторской мысли, возник четвертый текст – «Из земли в час вечерний, тревожный».

Из земли в час вечерний, тревожный
Вырос рыбий горбатый плавник.
Только нету здесь моря! Как можно!
Вот опять в двух шагах он возник.

Вот исчез. Снова вышел со свистом.
– Ищет моря, – сказал мне старик.
Вот засохли на дереве листья –
Это корни подрезал плавник.

---

¹⁵⁸ Отголосок пушкинского «Русалка на ветвях сидит», ранний кузнецовский вариант рыбы-птицы («Откровение обывателя», 1988).

Процитируем вывод Г. В. Шувалова о данном поэтическом тексте:

...Возникает парадокс: поэт замечает, что из земли “вырос рыбий горбатый плавник”. Разум отвергает увиденное: “Только нету здесь моря! Как можно!” Затем плавник появляется еще два раза, опровергая разумное понимание: “Вот опять в двух шагах он возник. / Вот исчез, снова вышел со свистом”. Плавник, как в русских сказках, возникает три раза. Замеченный поэтом парадокс подтверждает старик, воплощающий мудрость поколений. А последним доказательством этого парадокса является сама природа. Ее символизирует дерево, корни которого подрезал плавник, отчего на нем засохли листья. В полученной цепочке (зрение поэта – разум – мудрость поколений – природа) только разум пытается опровергнуть парадокс. Из чего следует, что парадокс нельзя понять при помощи разума. Заметить его может поэт, а существование его подтверждается народной мудростью и самой природой¹⁵⁹.

Вместо целостной реконструкции Мифа, над которой работал поэт, литературовед ограничивается тем, что фиксирует наличие парадоксов. Далее он формализует свои наблюдения, ведя никак не соотнесенные с художественным замыслом Кузнецова подсчет и распределение парадоксов «по инстанциям», придуманным им самим: *зрение поэта – разум – мудрость поколений – природа*. Его никак не смущает провисание сконструированной теоретической схемы над пустотой.

А поэт (что подтверждает ироничное высказывание про такого рода неудачи в стихотворении 1990 г. «В воздухе стоймя летел мужик») стремился в ходе эксперимента к другому: не желая допустить пустот и провисаний, учился думать не метафорой, а движущимся символом.

---

¹⁵⁹ Шувалов Г. В. Юрий Кузнецов и парадокс ... С. 35.

Эпицентром, где непосредственно решалась задача «вплыть в мифовещество», в эксперименте весны-лета 1969 г. было стихотворение «Роса». Получив неудовлетворительный результат, Кузнецов оставил наброски «Роса», «Я выйду в открытое поле», «Форель» в черновой тетради и никогда не считал достойными публикации.

Для ознакомления с путем, который привел Юрия Кузнецова к реалистическому методу, полезно по черновикам выяснить, где и как именно обнаружился сбой – невозможность реализации метафор «в одном прямом значении».

Стихотворение «Роса» очень динамично. Заметно, как растет переизбыток экспрессии. Живой водоворот кружит волчком, затягивает в себя лодку, которая плывет по траве, как по воде... Вот весло зазеленело, как ветка... Вокруг рыбы, зашедшие в луга, и бурление вспархивающих перепелов...

Змеится блеск. Простор в ночных деревьях.

Тень от ключины скрипит сильней.

И я черпнул траву...

Но где же берег?

Уже роса – плыву по ней.

Мелькнул плавник!

Я слышал: если росно,

Заходят рыбы далеко в луга.

Зазеленели, горько пахнут вёсла,

Взрываются кой-где перепела.

По вспорхнутым перепелам

Волчком понёсся...

Луг? Трава? Нелепо.

Внезапно столб росы ударил в небо,

Переломилась лодка пополам.

«Тень от уключины скрипит...» – метафора (ведь скрипит весло в уключине, а не тень). Но человека заморозила игра змеящегося блеска с ночной тьмой. Передана чуткость его нервов (две с половиной строки, до изумленного вопроса: «Но где же берет?»). Вторая строфа вместе с соединительной строчкой «Уже роса – плыву по ней» переключает из субъективного плана в объективный: мир готов впустить пловца в свою горизонтальную тягу, вынести на высокий «простор в ночных деревьях». И вот взрывное место сюжета – столб росы ударяет в небо!

В Мифе нет никаких «далее», «выше» кроны Древа Жизни. Воочию видим, как мифовеществом охватывается слитное с его мощными энергетическими подвижками сознание лирического героя. Вот доски уже не кажутся мертвой древесиной, лодка начинает принимать вид Древа: весла зазеленели, наполнив ночь горьким запахом распускающихся почек. Горизонтальное движение (вектор «рыб») переходит в вертикальное (вектор «птиц»). Столб росы – полный живых соков ствол, должен завершить оформление потока: выстроить два равноценных круга у оконечностей росяного столба – сверху шар листы, снизу шар корней Древа, и эта реалья растворит в себе человека – преобразит в лист, птицу, рыбу...

Какие выводы сделаем из наблюдений за разверткой этого творческого эксперимента, выяснявшего, реализуются ли метафоры «в одном прямом значении»?

У самого автора вывод получился неудовлетворительный. Метафорические приемы («в пшенице плыву по горло»), сравнения («в степи я как рыба в воде») не растворяли субъект авторской фантазии в веществе Мифа. Поэт сделал категорическое заключение: метафорический стиль антипоэтичен; это угрожает духовным одичанием тем, кто думает метафорами (разрушает тем самым целостность мира).

 Скрепы целостности Мифа не зависят от вербального оформления реплик. Древо Жизни, как и Лествица Духа (средневековое понятие *лествица* подразумевало значения `лес`, `листва`), передает знание о Целом апофатически (молчаливо).

Полноту знания нельзя подменить классификацией инструментальных приемов (парадокс – всего лишь частный инструмент сопоставления смыслов).

Метонимичное мифомышление позволяет все самое важное понять о земле, когда ведут речь о небе или – как в случае со стихотворением «Из земли в час вечерний, тревожный» – о море, к которому стремится верная водной стихии «подземная рыба».

 Сошлюсь на пример из собственного литературоведческого опыта. В 1999 г. я писала большую статью о мифеме Море в стихах Пушкина и думала: затем напишу о мифеме Земля. Однако по мере работы над темой само собою прояснилось, что другую статью писать незачем. В первой, посвященной морю, про землю все сказалось само собой.

Без учета «грозди» произведений (достаточно полного охвата текстов, вовлеченных в творческую лабораторию поэта) нельзя судить, в какой мере поэту удавалось приблизиться к решению намеченной им цели – реконструкции архаического мифомышления.

В период литинститутской учебы и до середины 1970-х гг. были сделаны только пробные шаги на всеобъемлющем пути.

 Строя «свою поэтическую Вселенную», Кузнецов сращивал многонаправленные связи образов, уплотнял ткань своего персонального мифа.

В дальнейшем проращивании единого поля смыслов поэт наполнил эхом текста «Тишина... Отсвистали птицы...» (1960) и комплекса разобранных нами произведений 1969–1970 гг. очень многое: тревожное стихотворение о лихорадке скорости «Последние кони» (1969), печальное «Надоело качаться листку» (1973), светлое и мужественное «Бывает у русского в жизни...» (1974). В нем неразрывную связь с Родиной выразили строки, тоже восходящие к тексту наброска «Я выйду в открытое поле»:

... Ну как мне тогда не заплакать
На каждый зелёный листок!
Душа, ты рванёшься на запад,
А сердце пойдёт на восток.

Родные черты узнавая,
Иду от Кремлёвской стены
К потёмкам ливонского края,
К туманам охотской волны.

Прошу у отчизны не хлеба,
А воли и ясного неба.
Идти мне железным путём
И зреть, что случится потом.

Не оратором, а оратаем сознавал себя поэт, восстанавливая почвенную связь психофизики человека с окружающим миром. Все в этой работе было не поверхностным, «орнаментальным», а глубоким: накапливало в персональном мифе поэта единую энергию понимания, обеспеченного взаимопереходами целостного смысла.

 Вернемся к ранее заданному вопросу: если нечто рвет и подсекает корни деревьев, уместно ли критикам-литературоведам не знать о роковых по-

следствиях процесса, уничтожающего органику самоорганизации культурного предания народов?

Статья о стихотворении «Из земли в час вечерний, тревожный» могла быть более основательной, если бы автор помнил и учел сказанное о безжалостном ноже радио в работе Алексея Степановича Хомякова «По поводу статьи И. В. Киреевского “О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России”»(1852).

А. С. Хомяков имел в виду то же, что и Ф. И. Тютчев («Безумие»), когда говорил, что схоластика подсекает органическую растительность души, оставляя безжизненное пространство.

...Таково свойство того логического механизма, того “самодвижущегося ножа”, который называется рационализмом, что, будучи раз допущен в сердцевину человеческого мышления и в высшую область его духовных помыслов, он должен по необходимости подрезать и сокрушить все живое и безусловное, всю, так сказать, органическую растительность души и оставить около себя только безотрадную пустыню¹⁶⁰.

Юрий Кузнецов, целиком принимая этот вывод, воспитывал в себе, в своих учениках и читателях несхоластическое мышление. Он не приветствовал желание критиков вписаться в модный тренд, потворствуя «соображениям литературного момента»:

... Мои критики, находясь в магическом плену книжных ассоциаций и соображений литературного момента, утратили ключи к старым ценностям; в этом случае я бы посоветовал прочесть А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» <...> три его тома дали бы кое-какое представление о народной символике, которую Бог надоумил меня взять для стихов [Тропы, с. 66].

---

¹⁶⁰Хомяков А. С. О старом и новом. М.: Современник, 1988. С. 201.

Самодисциплину ума, которой сам неизменно придерживался, Кузнецов считал неотъемлемой частью русского воззрения. В его статьях, интервью, критических заметках немало ценного для практики воспитания реалистического мышления.

Стихотворение 1983 г. «Бой в цепях» снабжено эпиграфом: «“Воздух полон богов” – так говорили древние греки».

Воздух полон богов на рассвете,
На закате сетями чреват,
Так мои кровеносные сети
И морщины мои говорят.

Я покрылся живыми сетями,
Сети боли, земли и огня
Не содрать никакими ногтями –
Эти сети растут из меня.

Может быть, сам с собой я схватился,
И чем больше рвалось, тем сильнее
Я запутался и превратился
В окровавленный узел страстей?

Делать нечего! Я погибаю,
Самый первый в последнем ряду.
Перепутанный мрак покидаю,
Окровавленным светом иду.

Бог свидетель, как шёл я по жизни
Дальше всюду и дальше нигде
По святой и железной отчизне,
По живой и по мёртвой воде.

Я нигде не умру после смерти.
И кричу, разрывая себя:
– Где ловец, что расставил мне сети?
Я свобода! Иду на тебя!

Можно ли убедительнее передать мощное напряжение между полюсами интеллектуального опыта, освоенного русской культурой?!

В другом стихотворении сказано: «Рванется душа на запад, / А сердце пойдет на восток». Славянская ментальность такова, что порывы души не нарушают сакральную сердцевину витальной опоры – ген (`матрицу`) родовой традиции.

Юрий Поликарпович счел дельной следующую характеристику, данную ему донецким поэтом и литературоведом Владимиром Фёдоровым:

Человек для Ю. Кузнецова – не то существо, что пребывает в малом и частном историческом времени, но целое человека (равно целому народу), которое, проявляясь по-разному в разные времена, остается неизменным по внутренней своей сути. Поэт как бы “собирает” такого человека: входя в конкретную историческую эпоху, не остается в ней, но и не связывает прошлое с настоящим (достаточно популярное представление о поэзии), а строит, созидает “большое время”, соразмерное человеку во всей полноте его человеческого бытия¹⁶¹.

☞ Такое понимание полноты человеческого бытия вело классиков русского романтизма к художественному реализму. Оно не соответствовало мерам европейской эстетики романтизма, трактовавшей гениальность как качество индивида.

«Могучей страстью очарован / У берегов остался я», – сказал Пушкин о жизненном выборе в пользу родных берегов культуры в стихотворении «К морю» (1924).

---

¹⁶¹ Высказывание В. В. Федорова из статьи «... Кто он такой?» (альманах «День поэзии-1990») цитируем по очерку Ю. П. Кузнецова «Воззрение».

Личность становится богатырской, вполне состоявшейся только в опоре на фундамент народной психологии. Целое человека не дробимо по своей сути, какой бы ни была конкретика эпохи. Перспективы *будущего* зависят не от изменчивости *настоящего*; они предопределены глубинным созидательным опытом, мудростью, накопленной многими поколениями.

 Устойчивый каркас картины мира формируют ценности общенародные.

Многовековое развитие устной и письменной словесности в лоне органично развитого Мифа делает язык народа лучшим средством постижения мира, великолепным подспорьем в диалоге людей с мирозданием.

Успешное становление национальных культур возможно там, где сфера образования и общения, обеспечиваемая литературным языком, устойчиво воспроизводит стихийные законы развития словесности, присущие многовековой устной поэтической (эпической) традиции.

Быть проводником общенародных ценностей – предназначение поэзии. Всемерно служить этому, по Кузнецову, – гражданская миссия поэта.

ВЕСЕЛОЕ БОГАТЫРСТВО

В 1991 г. газета «Московский литератор» поместила на своих страницах интервью с Юрием Поликарповичем к 50-летию поэта, где корреспондент, в частности, спрашивал, что Кузнецов считает своим наиболее важным творческим достижением. «Когда-то в своих стихах

я написал: “Былое грядет” <...> прошлое и будущее – это единое пространство», – ответил Кузнецов.

Наиболее ценно время, которое не проходит.

«Семейную вечерю» (1977), о которой он упомянул, можно сравнить с «Тайной вечерей» Леонардо да Винчи¹⁶².

В стихотворении «Семейная вечеря» говорится о возвращении соотечественников под кров родного дома, о притягательном свете грядущего мира: «Но сына-поэта во сне посетило / Виденье и светом уста отворило: / – Былое грядёт!..».

И вновь созревает широкая нива,
И красное солнце смолкает лениво
За тёмным холмом.

Земля возвращает истлевшие кости,
А память – надежду. Пьют чудные гости
За старым столом:

Солдат за победу, поэт за свободу,
Вдова за прохожего, мать за породу,
Младенец за всё.

Бродяга рассеянно пьёт за дорогу,
Со свистом и пылью открытую Богу,
И мерит своё.

Пути жизни сомкнуты там, куда сзывает на пир своих детей Великая мать – родящая все, не берущая «себе» ничего матрица (подоснова) жизни.

Родина щедра к каждому: «Не хлебом единым, – сказала старуха. / И каждому мерит от чистого духа / И мира сего: / Огонь для солдата, лазурь для поэта, / Росу для вдовы, молоко для последа, / Себе – ничего».

---

¹⁶² Фреску «Тайная вечеря» («Ultima cena»), изображающую последнюю трапезу Христа с учениками, Леонардо да Винчи нарисовал в 1495–1498 гг. на стене трапезной доминиканского монастыря Санта-Мария-делле-Грацие (Милан).

Прародительница эта не похожа на себялюбивого Кроноса, глотавшего собственных детей, как не похожа пронизанная светом духовность русского Мифа на вязкую тяжелую материю Мифа языческого.

Давно я старуха. Мой голос — мерцанье.
Но я б не хотела одно прорицанье
В могилу унести.

На чресла гадали мне в детские годы,
Что выйдет оттуда предтеча свободы.
Он должен быть здесь!

Бродяга заплакал, вдова зарыдала,
Поэт преклонился, дитя загадало,
Отец отступил...

Все гости пусты и сквозят, как туманы,
Не тронута снедь, не початы стаканы...
Так кто же тут был?

 Вопрос «кто же тут был», призыв взглянуться обращены к нам. За мерцаньем вовсе не пустота¹⁶³.

Через интуитивную тягу к незримым лучам мы получаем нечто гораздо более сильное и важное, нежели сам рисунок и яркость красок.

Задача вновь и вновь открывать готовность русского Мифа дать ответ на самые сложные умственные задания увлекала поэта.

Не в учебниках почерпнул Кузнецов подобные установки. И творчество Юрия Кузнецова – прямой самоучитель жизни и поэзии – никаких абстракций философии не содержит. Оно помогает освоить, понять народный

---

¹⁶³ «И мерцает отеческий пепел» – сказано в стихотворении «Солнце Родины смотрит в себя» (1988).

русский характер: его веселое богатырство и стойкость перед испытаниями, его отзывчивость, дружелюбие и нестигаемый оптимизм.

Есть поговорка: «Что русскому здорово, немцу – смерть». На эту тему Кузнецов написал забавное, напоминающее с виду лубочные картинные стихотворение «Мужик» (1984).

🌀 При внимательном прочтении в нем можно заметить не только следы фольклорных присказок и лубка, но и отсылки к образу мыслей и жизненному кредо классика русской поэзии рубежа XVIII–XIX вв. Гаврилы Романовича Державина.

Стихотворный сюжет рисует странное видение: над головой людей мечется жутковатого вида птица, сметая горы и государства на своем пути. Строчка «Звать ее – всему конец», как часто бывает у Кузнецова, сначала кажется невнятной: имя ли у птицы такое – всему конечи, или это не имя, а предостережение не звать (не призывать к себе) опасную птицу... Сначала не разберешь; а в итоге вообще оказывается, что мы прочли рассказ про всему начало.

Птица по небу летает,
Поперёк хвоста мертвец.
Что увидит, то сметает.
Звать её – всему конец.

Над горою пролетала,
Повела одним крылом –
И горы как не бывало
Ни в грядущем, ни в былом.
Над страну пролетала,
Повела другим крылом –
И страны как не бывало
Ни в грядущем, ни в былом.

Увидала струйку дыма,
На пригорке дом стоит,
И весьма невозмутимо
На крыльце мужик сидит.

Птица нехотя взмахнула,
Повела крылом слегка
И рассеянно взглянула
Из большого далека.

Видит ту же струйку дыма,
На пригорке дом стоит,
И мужик невозмутимо
Как сидел, так и сидит.

С диким криком распластала
Крылья шумные над ним,
В клочья воздух разметала,
А мужик невозмутим.

– Ты, – кричит, – хотя бы глянул,
Над тобой – всему конец!
– Он глядит! – сказал и грянул
Прямо на землю мертвец.

Отвечал мужик, зевая:
– А по мне на все чихать!
Ты чего такая злая?
Полно крыльями махать.

Птица сразу заскучала,
Села рядом на крыльцо
И снесла всему начало –
Равнодушное яйцо.

По итогу выходит, есть предел метаниям и страху: на крыльце родного дома все, что наводило ужас, останавливается. Наваждение как рукой сняло, и сам ты, видя забавно преобразившуюся картинку, оживаешь.

Почему? Потому что в силу действия внутренней формы слова метонимическое единство языковых смыслов приводит во взаимодействие однокоренные понятия крыло и крыльцо.

Слова сами, без чьего-либо субъективного участия, вступают в противостояние и разрешают конфликт – коллизия вполне объективна.

Юрий Кузнецов передает ее с особым оттенком юмора, этаким богатырской усмешкой.

Столкновение-битва разворачивается в поле действия языка: слова сражаются против смерти. На стороне жизни в данном случае форма предложного падежа слова крыльцо (на крыльце) и ее омограф крыльце. Актуальны разные значения суффикса -ц-.

На крыльце (уменьшительное значение суффикса) такой птицы ничто не удержится, все свалится, как тот самый мертвец. Но свалится на землю!

Тот же суффикс работает как ласкательный в слове крыльцо (`забранный под крышу вход в дом`, `укрытие`), означающем традиционную архитектурную часть жилища, порог дома человеческого.

Слова – отнюдь не маленькие и не слабые бойцы, с защищаемой ими сутью не совладать хищно распластанными крыльями времени. Испокон матушке-земле, а не воздуху (тем более – воздуху, разметанному в клочья) принадлежал уклад жизни, уют семейного крова.

Под сенью крыльца все одомашнено. Этим обеспечена победа пространства жизни. Устрашающая перекладка, которую беспокойная птица трясла-таскала над людскими головами, оказалась живой, заговорила, как только столкнулись – очи в очи – взгляд мертвеца и мужика.

Во многом это стихотворение напоминает образчики русского лубка – приправленных юмором гравюрок с пословицами, поговорками, поучительными надписями, которые заряжают бодрым комизмом. Этот стихотворный «лубок» с очевидностью подтверждает, что первичные данности в картине мира сильнее данностей вторичных.

Традиционное, былое сильнее всего наносного преходящего. Естество жизни победит фантомы, накаркивающие погибель. Фантомно пространство, где нарушают запрет на произнесение имен смерти, чем и навлекают ее крылья на себя («Звать ее – все-му конец»). Человек ищет спасения от этих крыльев, и находит, как всегда, под родным кровом: где труба знай себе попыхивает печным дымком, пространство одомашнивается. Птица «сразу заскучала, села рядом на крыльцо» – все-му конец, перешел во все-му начало. Небесная гостья утихомирилась и снесла «равнодушное яйцо», невозмутимо берегущее внутри себя жизнь.

Сносить горы / снести яйцо в данном случае не амбивалентный перевертыш; в метонимическом целом нельзя шутовским образом передернуть, поменять местами `злое` / `доброе`. На фоне вполне обычных вещей острее видна странная нелепость метафоры *птица, перехваченная мертвецом поперек хвоста*. Что за устрашительница? Что за метла смерти?.. Но кошмар преодолим, и это дано узнать не кому-то одному, а всем сразу. С исчезновением фантома все прозревают: «тот» свет не сильнее «этого» и для «грохнувшего на землю» мертвеца, и для мужика, и для читателя, который, конечно, испытывает чувство облегчения, видя развернувшуюся прямо на его глазах и практически без его участия разрешенную коллизию.

Жуткое видение сгинуло само собой: спасительные силы языка проявили могущество, подтвердив силу естественных повседневных реалий. Победа жизни над смертью в истинно-народной идиллии особенно свежа и хороша своей простотой. Все в ней настоящее, и это нормальное единство живых существей.

☞ Небольшое, несерьезное на вид стихотворение сто́ит громадных батальных полотен. В веселом удалстве оно под стать комическим поэмам Пушкина:

Порой я стих повертываю круто,
Все ж, видно, не впервой я им верчу <...>
На критиков я еду, не свищу.
Как древний богатырь – а как наеду...
Что ж? поклонюсь и приглашу к обеду.

И через эти строки вступления к «Домику в Коломне» (1830) восходит к другому мастеру, роскошно живописавшему пиры, – Гавриле Романовичу Державину, автору од и стихотворных дружеских посланий «Приглашение к обеду» (1795), «Евгению. Жизнь Званская» (1807).

У Гаврилы Романовича Державина Пушкин учился многому, в том числе и примерам смелого благородства, способности, не нарушая придворный этикет, прямую «истину царям с улыбкой говорить».

На страницах послания «Евгению. Жизнь Званская», при прочтении финальной части, можно обнаружить прообраз сюжетной завязки (распростертые крылья смерти), прототипы персонажей (носимый птицею мертвец и некто спокойно сидящий на крыльце) и даже облика дома (дым над крышей простого крестьянского жилья) – многие элементы почти что лубочного, на первый взгляд незамысловатого стихотворения «Мужик».

Докажем с текстом в руках, что оно, на самом деле, имеет солидный литературный источник.

Вот человек под вечер отдыхает на веранде в поместье Званка:

...и в будни я один,
На возвышении сидя столпов перильных,
При гусях под вечер, челом моих седин
Склоняясь, ношусь в мечтах умильных...

Вот мотивы угрожающего крыла смерти:

Увы! и даже прах спашнет моих костей
Сатурн крылами с тленна мира.
Разрушится сей дом, засохнет бор и сад,
Не вспомнянется нигде и имя Званки;
Но сов, сычей из дулл огнезеленый взгляд
И разве дым сверкнет с землянки.

В последней строчке – дым землянки, вырытой в заросшем диким лесом месте, где раньше возвышался светлый усадебный дом, цвел сад. «Сверкнет» написал Державин о струйке воздуха, согретого домашним печным теплом.

Образ мертвеца, которого так и не унесла птица смерти, подсказан фрагментом оды, адресованным другу Державина знатоку истории и древностей Евгению Болховитинову:

...Евгений! ты, быв некогда моих
Свидетель песен здесь,
                взойдешь на холм тот страшный,
Который тощих недр и сводов внутрь своих
Вождя, волхва, гроб кроет мрачный,
От коего как гром катается над ним
С булатных ржавых врат, и сбруи медной гулы
Так слышны под землей, как грохотом глухим
В лесах трясясь, звучат стрел тулы.
Так, разве ты, отец! святым твоим жезлом
Ударив об доски, заросши мхом, железны,
И свитых вокруг моей могилы змей гнездом
Прогонишь – бледну зависть – в бездны;

Не зря на колесо веселых, мрачных дней,
На возвышение, на понижение счастья,
Единой правдою меня в умах людей
Через Клии воскресишь согласиася.
Так, в мраке вечности она своей трубой
Удобна лишь явить то место, где отзвывы
От лиры моя шумящею рекой
Неслись чрез холмы, доли, нивы.

Поэт просит друга, «бывшего свидетелем его песен», не отдать тлену и забвению его поэтическое наследие, память о поэте, воскрешаемую «единой правдою в умах людей». Он верит: «труба Клии», голос истории¹⁶⁴ явит то место, где отзвывы лиры «шумящею рекой / Неслись чрез холмы, доли, нивы».

Такая постановка проблематики поэт и поэзия являлась программной для Державина (как и для Ломоносова, Пушкина). Пусть Сатурн¹⁶⁵ «смахнет крылами с тленна мира» истлевший прах земного человека, но в потомстве победу не одержит «гнездо», свитое «змеиной завистью».

Перечитайте стихотворение Е. А. Баратынского «Мой дар убог» (1828).

---

¹⁶⁴ Клио – древнегреческая муза-покровительница одного из девяти классических искусств – искусства изложения событий истории.

¹⁶⁵ Сатурн – одно из божеств римского пантеона, созданное на основе представления о древнегреческом Кроносе. У римлян Сатурн был аллегорией жестокого времени, которое безжалостно уничтожает все им же созданное, подсекая крылья любви.

Впечатляющее изображение этой аллегии видим на полотне современника Державина, знаменитого в екатерининскую и павловскую эпоху художника-академиста Ивана Акимовича Акимова (1754–1814) «Сатурн с косой, сидящий на камне и обрезающий крылья Амуру» (1802), представленном в экспозиции Государственной Третьяковской галереи.

Мой дар убог и голос мой не громок,
Но я живу, и на земли мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдёт далёкий мой потомок
В моих стихах: как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношеньи,
И как нашёл я друга в поколеньи,
Читателя найду в потомстве я.

 Какие другие известные вам произведения классической русской литературы входят в контекст разговора о бессмертии, переходящем из века в век?

Мысль о воскрешении всегда поперек смерти (отсюда в стихотворении «Мужик» кажущееся на первый взгляд странным выражение поперек хвоста мертвец).

Могущество духовно наполненной поэзии в том, что даже тем, кто привык видеть одни метафоры, она дает возможность обновить восприятие, поверить в бессмертие всего живого.

Так, через чувство и умления, действует на читателя замечательное стихотворение 1972 г. «О миг! Это камень проснулся...» – пробуждает догадку о том, что песок просыпался, пока камень спал. Но камень проснулся – и мир вернул свое Богом данное изначальное монолитное единство. «И камню открылась душа»...

Слышал ли Кузнецов эти разбуженные им соответствия, теперь не спросишь. Спросить читателя, слышит ли он, можно.

 Как мы научились в предыдущих тренингах работы с внутренней формой слова, поменяем форму проснулся на просыпается.

И молчаливо поступят грани парадокса: камень просыпается – `перестает спать`, но `перестает просыпаться` песок: вещество переходит в слитное и одушевленное состояние.

О миг! Это камень проснулся
И мира пустого коснулся,
И каменным стал этот мир.
Все сущее камень сломил.

Дороги назад оглянулись,
Все стороны света замкнулись,
И молния в камень ушла...

И камню открылась душа.

Есть у Кузнецова два стихотворных этюда-размышления об искусно выставленной напоказ и безыскусно-целостной вовлеченности человеческой души в маяту мирских страстей.

Один этюд он назвал «Искусство и правда» (1991), другой – «Качающийся камень» (2003).

Искусство и правда

Шекспир качает глубиной
Для посторонних глаз.
Он только гений площадной
Со страстью напоказ.

Качая миром, испокон
Стыдится наш мужик.
Не для других страдает он –
И потому велик.

Ироничный этюд «Качающийся камень» (2003) показывает то же сдвоение ипостасей «нашего мужика» – мужик / поэт. Образ качающегося, «как преставленье света», персонажа остроумно дополнен сопоставлением колумбово яйцо / качающийся камень.

Какая буря воеет и свистит,
Взметая дыбом замысел поэта!..
А на крыльце хмельной мужик стоит,
Качается, как преставленья света.

Географию можно раздвинуть во всю ширь материков восточного и западного полушария, но крыльцо не сдвинется с места.

Мужик стоял враскачку на крыльце,
Одетый в ночь и беглое сверканье.
И думал о колумбовом яйце,
Но больше о качающемся камне.

– Мой камешек, предание гласит,
В Ирландии и в Индии, и где-то
В тропической Америке стоит,
Качается, как преставленья света.

А тянет он на тысячи пудов.
Зачем, кому поставлен – неизвестно.
Поди, сошло с народа семь потов,
Пока поставил камень он на место.

Его ни буря не берёт, ни жуть.
Качается помалу... Но поглянь-ка!
А ежели сильнее его качнуть,
Он устоит, как русский Ванька-встанька?

 Прочтя стихотворение целиком, обратите внимание на то, как перефразировано выражение «окно в Европу», как охарактеризованы «камнепады Анд». И ответьте: отыскался ли «камень» в путешествиях поэта по разным странам и континентам?

Ночная буря воеет и свистит...
Ни кельта, ни арийца, ни индейца.
Но где-то камень все-таки стоит,
Качается его священнодейство.

Я мужику не заглянул в лицо,
Не соглядатай я и не насмешник.
Пускай стоит колумбово яйцо
И кается качающийся грешник...

Поэт свой образ, как яйцо, творит,
Поправить можно – только будет хуже.
Он разобьётся... А пока стоит
И не мешает никому снаружи.

В путешествиях по родной стране поэт никогда не чувствовал себя туристом.

Когда узел связи с родной землей – твое сердце, каждая ее пядь, каждая ее боль, каждая забота и каждая радость есть часть тебя самого.

«Русский гений не снится деревне, / Городская мерещится дрянь», – сказано в достаточно грустном стихотворении о поездке городского жителя в глубинку («В деревне», 1988)¹⁶⁶.

Побывав на родине предков в рязанском селе, он вернулся практически ни с чем: «Я напился воды из колодца / И покинул великий покой / На хвосте заходящего солнца. / А привёз я домой рой слепней / И три пары рязанских лаптей».

В какой мере это стихотворение развивает тему, о которой Юрий Поликарпович сказал: смерть отца «образовала брешь» в жизни сына?

---

¹⁶⁶ Оно завершает сборник «До свиданья, встретимся в тюрьме» (М.: Современник, 1995, с. 88–89), куда включено под названием «В деревне Лубонос».

Сюжет автобиографичен. В письме 2001 г. редактору газеты «Тихорецкие вести» Е. М. Сидрову поэт сказал: «Свою родню я знаю только по материнской линии, да и то неглубоко. Мой прадед Прохор лежит на кладбище в деревне Лубонос Шиловского района Рязанской области».

Как помним, высказывание о необходимости заполнить брешь прямо связано с выбором поэтической стези и объясняет этот выбор: «Это была сосущая загадочная пустота отцовского отсутствия, которую я мог заполнить только словом».

Пустота («словно вакуум высосал дебри») нацелена на каждую пылинку почвы, она провисает над каждой пядью осиротелого пространства:

Зной, тоска. Комариная взвесь.

Прадед Прохор лежит где-то здесь.

Кто же был мой пращур? – задумался турист-горожанин.

И что же вытянул он из пустоты?

«На погосте бурьян-сухой / Против неба торчит бородой». Добела высушенные палящим солнцем стебли кладбищенской травы... Потомок ухватился было за них, но так и пошел ни с чем, держа в руке клочок сухого бурьяна... Это явно не пушкинский богатырь Руслан. Витязь смело вступил в единоборство с Черномором и храбро отсек бороду колдуна-чародея, который, пытаясь одолеть, носил его под облаками «через леса, через моря».

 Тут есть отсылка к Первому Соборному посланию Петра: «Ибо всякая плоть – как трава, и всякая слава человеческая – как цвет на траве: засохла трава, и цвет ее опал» (1-е Петра 1, 24.25). Так учил апостол.

За жестом – «Я за бороду взялся руками, / И она полетела клоками» – стоит глубокое философское размышление о том, почему иссохли всходы травы над могилами предков.

Прадед Прохор, конечно, тоже не царь Давид и не Соломон. Он не дал достойного наставления потомку,

который требовал: «Расскажи, знать хочу непременно / Нашу кость до седьмого колена». Пращур в ответ только жалобно попросил не тревожить до срока: «Слышу голос загробный: – Постой! / Дай хоть мне отмытарить мытарства». И незадачливый паломник сдался перед таким ответом. Побрел с погоста восвояси, практически ни с чем: «покинул великий покой / На хвосте заходящего солнца».

Нелепый эпизод? Но у прочитавших не возникает безнадежности: душе есть куда отпрянуть, ибо пространство родного мира объемнее каждого текущего события.

В направлении городского дома потянулся «рой слепней». Это *темнота*, показанная снаружи (рой черных жалящих мух) и изнутри (сам слепень – в данном контексте – `не прозревший человек`). Путешественник наш привез из дедовского захолустья три пары лаптей. Сувенир будет сохнуть на стенке, изображая «приверженность традициям». Но только ли? Может, лапти сгодятся не в этот раз, – на иную, более удачно осиленную дорогу из прошлого в будущее...

Стихотворение «Закливание» (1984), – оберег странникам, которые, не зная пути, движутся наобум, еще не домой, еще не по прямой дороге.

 Между стихотворениями «Сидень» и «Закливание» в сборнике 1990 г. Кузнецов поставил «Не говори про Стеньку Разина» – крепко сбитый портрет хозяйственного Фомки. Имя одновременно отсылает к притче о «Фоме неверующем» и к воровскому инструменту (отмычка к чужому добру). Проблематика отношения к «своему добру» является центральной в поэме «Сказка гвоздя» (1984), в стихотворениях «Забор» (1992), «Последний человек» (1994).

Какие другие примеры диалога об ипостасях «русской темы» можете назвать вы сами? И какие мысли для себя вы почерпнули из этих диалогов?

Из вариаций на темы Востока советуем обратить внимание на преисполненные изящества стихотворения 1983 г. «Тень Низами» и «Неразрывное кольцо».

Ими как благодарственным жестом Юрий Поликарпович ответил на радушие и гостеприимство азербайджанских друзей. Оба произведения – пример благородства и самого высокого уровня культурной дипломатии, сближающей народы.

Среди зноя в горячем краю
Он стоит неподвластный забвенью,
Попирая гробницу свою,
Возвышаясь над собственной тенью.

Представители разных племён,
Словно искры сюда долетали.
Приходили к нему на поклон
Даже те, кто его не читали.

Как паломник я тоже пришёл,
Озирая долину покоя.
И увидел над ним ореол
Из космической пыли и зноя.

И великая тень Низами
Мне прохладу земную давала
И кишела живыми людьми,
А долина покоя пылала.

Значит, всё-таки слава не звон.
И слова неподвластны забвенью.
С вечным солнцем беседует он,
Укрывая паломников тенью.

Азербайджанский поэт Годжа Халид, учившийся в 1997–1999 гг. в семинаре у Юрия Поликарповича на Высших литературных курсах, в своих воспоминаниях о Кузнецове привел цитату из Низами: «Не каждый муж может выдержать испытание тьмы,/ Способна вытерпеть только вода живая». И добавил:

«Низами под словом “живая вода” подразумевает слияние с вечностью». ¹⁶⁷

Эти слова – прекрасное дополнение к сказанному истинно мудрыми людьми в прошлом и самой близкой нам современности. Такие признания учеников об учителях подтверждают, что Восток не иссушил свои пути к живой воде Мифа.

☞ Правильно говорят: ищущий находит.

Примеры слитного взаимодействия человека с окружающим миром Юрию Кузнецову давал Восток, давали произведения русской литературы.

В рассказе Андрея Платонова «Такыр» (1934) ¹⁶⁸ Кузнецов не мог не заметить удивительно полную нераздельность с природой, не членимую на разум и чувство.

«Ум бился наравне с сердцем» – самоощущение пленницы-персиянки Заррин-Тадж и ее маленькой дочки Джумаль.

Джумаль долго и грустно прощалась с тем, что остается одиноким: с кустом саксаула, у которого она играла, с куском стекла, с высохшей ящерицей, служившей ей сестрою, с костями съеденных овец и разными предметами, названия которых она не знала, но любила их в лицо. Джумаль мысленно тосковала, что им будет скучно и они умрут, когда люди уйдут от них на новое кочевье.

У Андрея Платонова метонимическая природа мифомышления присуща и героям, и повествователю.

---

¹⁶⁷ Халид Г. Свояк Низами // Звать меня Кузнецов, я один ... с. 196.

¹⁶⁸ Отрывки рассказа «Такыр» далее приводим по изданию: Платонов А. П. Проза. М.: Слово, 1999.

¹⁶⁹ Н. Ф. Фёдоров (1829–1903) более четверти века служил библиотекарем в Румянцевском Музее (ныне Российская государственная библиотека) и Московском архиве Министерства иностранных дел. Его труд «Философия общего дела» целиком издан в 1906–1912 гг.

Этого гениального «самодумца» считают одним из самых ярких выразителей русского космизма наряду с Николаем Фёдоровичем Фёдоровым¹⁶⁹, согласно учению которого, предстоящее развитие наук, искусств и религии будет служить объединению всего человечества, включая и умерших, которые в будущем воссоединятся с ныне живущими.

🔄 Прочтите рассказ А. Платонова «Такыр» – впечатляющий пример поиска путей одухотворения материи ради преодоления хаоса и распада смерти.

Подумайте и ответьте: что объединяет сюжет странствий героя поэмы «Золотая гора»(1974) с началом рассказа А. Платонова «Такыр»:

Древняя иранская дорога уже тысячу лет несла на себе либо торжествующее, либо плачущее, либо мёртвое человеческое сердце.

🗨 Из описания старой чинары, под которой оставался на ночлег отряд туркмен с захваченными ими пленниками, Юрий Кузнецов взял в свою поэзию образ дерева с вросшими в него камнями¹⁷⁰.

Персиянка поглядела на старинную чинару – семь больших стволов разрасталось из нее и еще одна слабая ветвь: семь братьев и одна сестра. Нужно было целое племя людей, чтобы обнять это дерево вокруг, и кора его, изболевшая, изъеденная

Познакомившись в 1878 г. с сочинением Н. Фёдорова «Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства», Достоевский писал, что совершенно согласен с его мыслями, прочёл их как бы за свои. Переписываться, беседовать с Николаем Фёдоровым считали честью В. С. Соловьёв, Л. Н. Толстой, К. Э. Циолковский, Л. О. Пастернак (художник, отец поэта Бориса Пастернака) и многие другие мыслители конца XIX – начала XX столетия.

¹⁷⁰ Ироничный отклик на обвинения в «воровстве» есть в стихотворении Ю. Кузнецова «Поэт и другие» (см. с. 331–332).

зверями, обхватанная руками умиравших, но сберегшая под собой все соки, была тепла и добра на вид, как земляная почва. Заррин-Тадж села на один из корней чинары, который уходил вглубь, точно хищная рука, и заметила еще, что на высоте ствола росли камни. Должно быть, река в свои разливы громила чинару под корень горными камнями, но дерево въело себе в тело те огромные камни, окружило их терпеливой корой, обжило и освоило и выросло дальше, кротко подняв с собою то, что должно его погубить. «Она тоже рабыня, как я! – подумала персиянка про чинару. – Она держит камень, как я свое сердце и своего ребенка.

В философском этюде Кузнецова «Горные камни» (1970) воспета витальная мощь Древа Жизни, которой под силу вознести над землей, преобразить, одев «терпеливой плакучей корой», даже обломки скал – оторванные от целого, сиротливо разбросанные пережатые камни:

В горной впадине речка ревела,
Мощный корень камнями дробя.
Но зеленое дерево въело
Пережатые камни в себя.

И, мучительно принятых в тело,
Вознесло над иссохшей землей.
Как детей безобразных, одело
Терпеливой плакучей корой...

 Смысловые переключки с отечественной и мировой классикой в стихах Кузнецова – особая и очень существенная тема.

Не отпуская в прошлое дорогие русскому сердцу мотивы и мысли, он насыщал ими новые и новые поэтические реплики диалога о современном и вечном. «Собирает камни», готовя нас к предстоящему этапу созидания – не разрушения, а домостроительства нашей великой, всемирно отзывчивой отечественной культуры.

Неведомо откуда оторвавшееся колесо, которое «прокатилось, промоталось / По плакун-траве да по трын-траве» и развалилось на щепки («Колесо», 1970), – отголосок индийского «колеса сансары». Но отчасти напоминает и зачин первого тома «Мертвых душ», где мужики рассуждают, глядя на колесо брички Чичикова:

...Два русские мужика, стоявшие у дверей кабака против гостиницы, сделали кое-какие замечания, относившиеся, впрочем, более к экипажу, чем к сидевшему в нем. “Вишь ты, – сказал один другому, – вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?” – “Доедет”, – отвечал другой. “А в Казань-то, я думаю, не доедет?” – “В Казань не доедет”, – отвечал другой. Этим разговор и кончился.

Есть в стихотворении Юрия Кузнецова «Колесо» и отсылка к лирическому фрагменту про птицу-тройку: «Ты откуда / Оторвалося? Куда держишь путь?» – Не дало колесо ответа...

В стихотворении 1973 г. «Надоело качаться листку...» тот же, по сути, вопрос подан в подсветке лермонтовских мотивов («Листок», 1841).

Надоело качаться листку
Над бегущей водою.
Полетел и развеял тоску...
Что же будет со мною?

То ещё золотой промелькнёт,
То ещё золотая.
И спросил я: – Куда вас несёт?
– До последнего края.

🔒 Такие реплики помогают нам всем не быть странными, бредущими ниоткуда в никуда.

Мастер многоголосья, в котором не теряются и не тонут самые разные голоса, Кузнецов создал художественное целое, где звучат античность, европейская, восточная и славянская мифология, религиозная и светская философская мысль, наследие разных эпох и народов.

Подобный принцип насыщения ткани персонального мифа отсылками в пространство мировой культуры Ф. М. Достоевский назвал в «Пушкинской речи» (1980) всемирной отзывчивостью.

Александр Сергеевичу Пушкину нравилось изречение Мольера: «Je prends mon bien où je le trouve» («Беру свое добро там, где его нахожу»), который, в свою очередь, заимствовал этот тезис у Монтеня.

Общее для персональных мифов Пушкина, Достоевского, Блока, Кузнецова качество – всемирная отзывчивость – одно из универсальных свойств русского Мифа и русской души.

В пространстве русского Мифа никто не одинок: с полной ясностью открываешь, что на стержень строки нанизана не чья-то чужая, именно твоя, пусть во внешних деталях и несколько иная, жизнь.

И дух твой дышит бездной странной,
Где очень много твоего.

Завершая этой цитатой из стихотворения Юрия Кузнецова «Книги» нашу серию мастер-классов вдумчивого чтения, отметим: пути читателей к восприятию гениальных поэтов определяют настоящую и будущую судьбу культуры как таковой.

Разговор об этом в следующей главе затронет констатику: текущее положение дел, постановку просвети-

тельских инициатив на Кубани, шире – в южном регионе, который является малой Родиной Юрия Кузнецова.

Надо сказать, проблемы популяризации классики сейчас везде решаются отнюдь не просто: на исходе XX в. стали слишком заметны негативные последствия насаждения массовой культуры.

Выстроенная на западный манер модель СМИ более всего способствовала скольжению по нисходящей. Динамику опустошения умов и душ преодолеть нелегко и из-за деградации системы среднего, высшего образования, в которой несколько поколений педагогов, учившихся после принятия Болонской системы, сменили уходящих на пенсию учителей старого поколения с «до-болонской» подготовкой.

Однако при переходе на иную (собственно-русскую) модель – и по мере изживания негативных тенденций – в потомстве окрепнут возможности усвоения качественного культурного наследия, глубокое понимание его значимости и благодарность таким подвижникам русского Мифа, как Пушкин, Достоевский, Кузнецов.

ПОЙМУТ ПОТОМКИ

Рассвет в плавнях.
Вышивка шелком.
Работа Ольги Васильевны Мастенковой.
Горячий Ключ.

Глава IV

ПОЙМУТ ПОТОМКИ

Посещение Кубани

Меня по миру вихрь носил,
И поздно я любви хватился,
И горьким плачем огласил
Ту землю, где на свет родился.
Меня отсюда на руках
Мать унесла перед войною.
И я впервые на свой страх
Ступил на родину ногою.
В степи стоял казацкий свист,
В нём раздавались бабьи нотки.
Какой-то местный журналист
Распил со мной бутылку водки.
Старуха около прошла,
И человек сказал под мухой:
– Перед войной она была
У нас в станице повитухой.
Ему я паспорт показал
И место моего рожденья.
Но этот знак не оказал
На человека впечатленья.
Меня казацкая душа
За своего не признавала,
И мимо даже та прошла,
Что пуповину завязала...

11 февраля 2000 г.

В 1998 г. сотрудник «Независимой газеты» Геннадий Красников обратился к Юрию Кузнецову с серией провокационных вопросов. Сами по себе эти вопросы показывали, сколь сильное раздражение вызывает его творчество у обывателей.

«К чему сегодня поэзия? Нужна ли она вообще этому времени, в котором заниматься литературой в глазах общественности так же наивно, как быть честным или любить Родину?» – спросил корреспондент.

Поэт пояснил:

Я далёк от рассуждений, нужна ли поэзия или не нужна, в какие времена нужна, а в какие нет. Я пишу стихи и не писать их не могу. “В глазах общественности...” Вы говорите о подлой общественности. Вот ей как раз поэзия не нужна. Такая общественность вызывает во мне чувство гадливости и отвращения.

По поводу строк «Это снова небесная битва / Отразилась на русской земле» журналисту хотелось уточнить: «Что вы имеет в виду под “небесной битвой”, и кто с кем борется там, на небесах? И почему именно Россия должна отражать эту небесную брань, а не какая-нибудь благополучная Америка, к примеру?».

Кузнецов сказал:

Небесная битва недоступна человеческому разумению. Представляйте её поэтически. Там, на небесах, бьются светлые ангелы с тёмными. Души добрых людей, оставившие землю, бьются на стороне светлых, а души людей, продавшихся дьяволу ещё там, на земле, бьются на небесах на стороне тёмных. Вполне вероятно, что Мефистофель, заполучив душу Фауста, отправил бы её на небесах биться на стороне тёмных. А на России отражается эта битва потому, что Россия покамест духовна. Америка же давно бездуховна и темна, давно продала душу дьяволу: мамоне, наживе.

Поясняя еще один вопрос («Сегодняшняя трагедия народа для вас – “умозрительная” или вы связаны с нею

какими-то своими новыми личными потерями?»), Кузнецов сказал, что уже в 1970-х гг. предвидя развал страны, передал трагизм ситуации в стихотворениях «Дуб», «Холм» (оба написаны в 1975), в балладе «Знамя с Куликова» (1977).

Внутренним слухом я услышал гул и тектонические толчки и пережил их в своей душе. Неудобно цитировать самого себя, но без этого не обойтись. «Знамя с Куликова» написано от первого лица, вот последние строчки:

Но рваное знамя победы
Я вынес на теле моём.
Я вынес пути и печали,
Чтоб поздние дети могли
Латать им великие дали
И дыры российской земли.

Никаких дыр в нашей державе в 1977 году не было. А ныне сплошь «дыры российской земли». Все их видят. Так во второй раз я пережил в своей душе трагедию народа и развал державы. Вот это действительно страшно.

Интервьюер упомянул строку «Я в поколенье друга не нашёл» и добавил свои соображения: «Кажется, что не только современники не понимают вас, но и сама Россия, сыном которой вы так остро себя ощущаете?».

Получил следующий ответ:

...Сначала мне было досадно, что современники не понимают моих стихов, даже те, которые хвалят. Поглядел я, поглядел на своих современников, да и махнул рукой. Ничего, поймут потомки...

Слова «Поймут потомки» – лучшее, на наш взгляд, название главы о том, какие качества делают персональный миф поэта органичной частью мифа национальной культуры.

Проективное воздействие кузнецовской поэзии на перемены в стране (четвертый раздел этой главы) и сложности, с которыми столкнулось освоение творческого наследия Юрия Кузнецова на его малой Родине – Кубани

(раздел второй), позволят раскрыть «плюсы» и «минусы» в динамике современного культурного самосознания соотечественников. О перспективах поговорим отдельно (раздел третий).

Чтобы не упускать из виду вершинные феномены русского Мифа в эпоху Нового времени, постараемся уделить основное внимание кузнецовской трактовке категории *золотой век* и типологическому сходству персонального мифа Кузнецова с персональным мифом Пушкина.

«ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ВЕК ЗА ТОБОЙ»

В дни последнего прижизненного юбилея Юрия Кузнецова его старший друг Александр Алексеевич Михайлов предрек 60-летнему поэту: «Двадцать первый век за тобой. И – надолго». Сказано абсолютно верно. Кузнецовский масштаб мысли поможет избавить пространство образованности от шелухи вторичных практик, выйти из фазы подлунной к устойчивому органичному развитию. Чтобы столетие пошло в гору, обеспечило расцвет, а не закат культуры, нужна прямая связь слова с делом.

Фазу солнечную на языке Мифа называют *золотым веком*. Кузнецов думал и говорил об этом со свойственной ему основательностью, однако умел сочетать серьезность с улыбкой. Так он отреагировал на предложение скульптора Петра Чусовитина снять гипсовую маску (заготовку к будущему монументальному портрету). Свое согласие на изготовление гипсового слепка поэт сопроводил стихотворением «Здравица памяти» (1987) – новой вариацией горацянской темы «*Exegi monumentum...*»¹⁷¹.

---

¹⁷¹ Одическое сочинение (*Carmina*) Горация о бессмертии поэтических творений.

Пока я не взошёл на пьедестал
И на том свете дважды не пропал,
Любезный Пётр, позволь поднять бокал
Во здравье мёртвых, а верней, незримых,
Издалека от нас неотделимых.

Иронично подметив, что скульптор состязается с Богом и с чёртом, Кузнецов написал: «Ты лепишь лица – значит, споришь с Богом, / Искусным занимаешься подлогом»; «Ты маску снял с меня: ты споришь с чёртом, / Что производит маски в царстве мёртвом. / И встарь лепили, но в конце концов / Лепили настоящих мертвецов».

Когда ослабла в человеке память,
Он начал мёртвым памятники ставить.
Но этим никого не воскресил,
А только плод соблазна надкусил.
В беспомысленстве гордыни начал славить
Себя: живым стал памятники ставить.
Или живые наяву мертвы?
Вот до чего уже дошло, увы.
Не возводи ты памятники мёртвым,
Тем более живым. И духом гордым
Не отягчай мне душу на том свете,
За этот грех я буду там в ответе.

По Горацию, поэтическое слово прочнее меди, выше пирамид. Из русских классиков в развитии этой темы как ключевой для жанра горацианской оды блистательно участвовали М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, А. А. Фет, А. С. Пушкин.

И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

В конце модернистского XX столетия нам выпало жить в подлунной фазе; а поэту – восстанавливать при-

тяжение к вселенским искрам Света на фоне непроглядной тьмы. «Я памятник себе воздвиг из бездны, / Как звёздный дух. Вот так-то, друг любезный». Эта реплика зеркальна оде Ломоносова «Вечернее размышление о Божием величестве», воспевающей космос ночных небес – бездонное скопление далеких светил:

Открылась бездна звезд полна.
Звездам нет счета, бездне дна.

Тезис о том, что во здравие памяти не надо «лепить мертвецов», поэт подкрепил примерами из древнегреческой (век Пигмалиона), и отечественной (пушкинский золотой век) истории.

Расходящаяся вширь пульсация кругов памяти выхватила из сонного забытья «скифские времена»:

Когда меня ты помнить станешь слабо,
Вон на кургане каменная баба!
Она была моей. Согласно мифу,
Она со мною изменила скифу.
И спит с тех пор. Так разбуди её,
Назвав ей имя храброе моё.
Она проснётся в новой тишине
И многое расскажет обо мне.

Тост поэта «во здравье мертвых, а верней, незримых, / Издалека от нас неотделимых» поднят за христианское («в новой тишине») высвобождение архаики из небытия. Эпицентр пульса жизнеутверждающей силы восстановится и снова будет действовать там, где пробудится ото сна пиршество земной энергии народов, которые Запад чванливо числил дикарями (в «Здравице памяти» есть отголосок блоковской поэмы: «Да, скифы мы, да, азиаты мы...»). Все это позволяет назвать кузнецовскую историософию здравицей памяти о том, что от народов русской степи пошел в рост и сквозь века передан нам, современникам XXI столетия, славянский извод раннего апостольского христианства.

Многие ли знают, что поэма «Скифы», написанная Александром Блоком 29–30 января 1918 г., непосредственным образом связана с памятью о Пушкине?

Александр Сергеевич скончался на второй день после дуэли с Дантесом, состоявшейся 27 января. Дата 29 января 1918 г. в последний раз точно совпала с днем смерти поэта; переход с юлианского на григорианский календарь большевики узаконили в РСФСР декретом Совнаркома от 26 января 1918 г. (6 февраля 1918 г. по новому стилю). Из-за поправки в 13 суток в 1919 г. день смерти Пушкина стал соответствовать дате 10 февраля¹⁷².

Блок, Ломоносов, Пушкин, Аполлон Григорьев, сказавший: Пушкин – наше все... Как жизнь, а не как мертвенный слепок досталось все это нам. Такое наследие не умирает. Как богатырский пульс здорового культурного организма оно идет в народную общенациональную жизнь. В нем – наше биение сердца и богатырство, таким каким оно являет себя, если мы живем наяву, а не во сне.

Как свежа и задорна перекличка «Здравицы памяти» с пушкинскими строками «Нет, весь я не умру – душа в заветной лире / Мой прах переживёт и тленья убежит», со «Сказкой о мертвой царевне и семи богатырях»!

Кто адресат этого пронизанного светлой улыбкой поучения?

Конечно, оно обращено не только к другу-скульптору, новому Пигмалиону, который должен разъяснить каменной скифской бабе (новой Галатее) все самое главное относительно бессмертия: о христианстве, о Пушкине, о русском Мифе...

Когда первобытная красавица проснется, заговорит и «спросит вдруг, куда я подевался»:

---

¹⁷² Григорианский календарь введен в католической Европе в 1582 г.

Скажи, что частью на тот свет подался,
Поскольку этот тесен оказался,
Известно, русский человек широк.
Ну вот и все, а прочее – меж строк¹⁷³.

Своим неизбывным чувством жизни «Здравица памяти» противоположна горькому стихотворению «Осенняя годовщина», написанному 17 сентября 1994 г. Поэт опубликовал его в сборнике «До свиданья, встретимся в тюрьме» (1995), где оно озаглавлено «Годовщина октябрьского расстрела 93-го года»¹⁷⁴. Образную ткань этого стихотворения-плача пронизывают отсылки к пушкинскому отрывку «Осень» (1830), стихотворению «Памятник» (1836).

С любовью к Октябрю Россия увядает,
Она жива сегодня, завтра нет.
Зажги свечу и плачь!.. Уж роща отряхает
Кровавые листы – их так любил поэт.
Народная слеза в осадок выпадает,
Народная тропа уходит на тот свет.

Об исключительной цельности текстов Кузнецова пронизательно сказал композитор Георгий Петрович Дмитриев на конференции «Юрий Кузнецов и Россия»: практически каждое кузнецовское произведение есть

---

¹⁷³ Памятью неудачу стихотворения «Отсутствии» (1967), можно утверждать, что в этом фрагменте «Здравицы памяти» повторена идея давнишнего замысла: герой «вышел, весь вышел. Не знаю, когда и придёт». Но в данном случае автор справился с поставленной задачей: понятно передал и объяснил свойствами русской природы склонность не считать непреодолимой границу между «тем» и «этим» светом («Известно, русский человек широк»).

¹⁷⁴ Имеющую поминальный пафос «Осеннюю годовщину» Кузнецов больше публиковать не хотел. Высказывание «Народная слеза в осадок выпадает» противоречит целостному представлению о народной слезе как чистой росе небес; не соответствует представлению о бессмертии народа и строка «Народная тропа уходит на тот свет».

«поразительно точно выверенная система изумительно найденных и единственно верно расставленных слов, которая зачастую приобретает свойства какого-то излучения, свечения или мерцания». Смысловые связи между словами закольцованы, зеркально отражены и никогда не остаются брошенными». В художественном методе поэта, подчеркнул композитор, сильно христианское начало: «Осенняя годовщина» осмысливает октябрь «как роковую грань между бытием и небытием России, как знак ее увядания, но... “с любовью”! Какой вселенский посыл, к скольким октяблям в русском искусстве и истории апеллирующий, какой парадоксальный и какой... жертвенно христианский!»¹⁷⁵

«Осенняя годовщина» была первым, однако не единственным¹⁷⁶ опытом музыкального освоения произведений Кузнецова. Г. П. Дмитриев рассказал, что это стихотворение стало основой одной из частей пятичастного цикла в хоровой симфонии «Праведная Русь» (1996):

В тот период – после событий октября 1993 года (памятных мне также и биографически) – я довольно много думал о промыслительной особенности нашей истории, когда жертвенный подвиг лучших представителей народа – в самых разных исторических обстоятельствах – мистическим образом становится спасительным для страны и народа в целом. Потому, конечно, что является подобием, несёт в себе матрицу жизнеутверждающего самопожертвенного подвига Христа...

Тему эту, в которой проступает сакральная суть праведной Руси, я хотел воплотить через ряд соответствующих исторических коллизий. Избрав для данного сочинения линию наших внутренних братоубийственных распрей, когда каинова злоба, агрессивность и насилие одних людей

---

¹⁷⁵ Дмитриев Г. П. «Тот, кому дано играть на лире» // Юрий Кузнецов и Россия ... С. 27.

¹⁷⁶ Об этом см.: Супонева Е. Слово и музыка: о воплощении поэзии Ю. Кузнецова в симфонии-концерте «Китеж всплывающий» Г. Дмитриева // «Он стоял перед самым ответом» ... С. 128–138.

погашаются искупительной жертвой других. Они обретают при этом личную святость, “венцы мученические”, Царство Небесное, тогда как страна и народ – ресурс возрождения, духовного и исторического, или – говоря проще и точнее – Милость Божию...¹⁷⁷

Юрий Кузнецов делом ответил на необходимость восстановить гравитацию русского Мифа: на основе христианского миропонимания собрать раздробленные модернистским столетием силы народного бытия, воссоединить все необходимое для грядущего расцвета страны.

Так же всецело верили в будущее российской цивилизации его единомышленники Георгий Петрович Дмитриев, создавший немало вокальных и хоровых циклов на материале кузнецовской поэзии¹⁷⁸, Александр Алексеевич Михайлов, сказавший: двадцать первый век за тобой.

Задачи необходимой для этого просвещенной реформы книжно-журнальной словесности талантливо разъяснял на рубеже 1820–1830-х гг. Иван Киреевский¹⁷⁹. Александр Сергеевич Пушкин в одном из первых номеров «Литературной газеты» похвалил за основательность мыслей его обозрение русской литературы, увидевшее свет в альманахе «Денница» накануне 1830 г.

Юрий Поликарпович считал правильным тезис: целое человека должно быть рано целому народу (из статьи Владимира Фёдорова «Кто он такой?», напечатанной в «Дне поэзии-1990»). В одном интервью, уже после смерти Кузнецова, В. В. Фёдоров отметил:

---

¹⁷⁷ Дмитриев Г. П. «Тот, кому дано играть на лире» // Юрий Кузнецов и Россия... С. 26.

¹⁷⁸ «Богатырские песни» (2002), «Китеж всплывающий» (2004), «Четыре стихотворения Юрия Кузнецова» (2007), «И вместо точки я поставлю солнце» (2008).

¹⁷⁹ См.: Киреевский И. В. «Нечто о характере поэзии Пушкина» (1828); «Обозрение русской словесности за 1829 год» (1829).

Ни “один из крупнейших” поэтов России, ни даже “самый крупный” – эти определения не годятся для обозначения того, что представлял из себя Юрий Кузнецов. Мы сейчас видим его близко, близость искажает перспективу, и Кузнецова пока заслоняют более мелкие фигуры. Но со временем пропорции примут надлежащий вид, и мы убедимся, что между нами жил гений, по своему масштабу сопоставимый разве что с Пушкиным¹⁸⁰.

Владимира Викторовича Фёдорова (1941–2021) мне посчастливилось встретить всего единожды – на конференции, организованной Армавирским педагогическим университетом в 2001 г. к 180-летию Достоевского.

Короткий разговор с Георгием Петровичем Дмитриевым (1942–2016) на Кузнецовской конференции в феврале 2007 г. перерос в понимающее и очень щедрое с его стороны приобщение меня к сокровищнице русской музыки, светской и духовной.

В ходе последующих Кузнецовских конференций под эгидой ИМЛИ и Литинститута, я, конечно же, слушала доклады и тех, кому хотелось представить Юрия Кузнецова сюрреалистом, мифомодернистом, гигантом «черного стиля» и проч.

Спорила с ними. Не скажу, что удалось переубедить того же Кирилла Анкудинова. Он так и остался при своем мнении, что кузнецовский миф – «избяной сюр», «вне-разумное», зомбирующее «навязчиво-автоматическое движение по кругу». В предисловии к сборнику стихов 2011 г. (М.: Эксмо) К. Анкудинов сказал, что ранний, 1970-х гг., Кузнецов ему ближе Кузнецова следующих десятилетий, который стал христианином – «странным, не во всем ортодоксальным, но искренним»¹⁸¹.

---

¹⁸⁰ Федоров В. Близость искажает перспективу // Звать меня Кузнецов. Я один ... С. 322.

¹⁸¹ Анкудинов К. Золотая стрела Аполлона // Кузнецов Ю. П. Стихотворения. М., 2011. С. 21–22.

Как быть читателям таких предисловий? Неужели тоже вычеркнуть или не учитывать все написанное Кузнецовым, в 1980 – 2000-е гг., на более зрелом этапе творчества?

Интерпретация текстов – работа, схожая с созданием барельефной скульптуры: литературовед ищет возможности сделать более выпуклым то, что без аналитических усилий не выходит на поверхность материала. Справедливо ли называть «вне-разумным», «зомбирующим» стихотворение «Здравица памяти»? Мы разобрали его подробно, чтобы читатель пошел навстречу поэту, а не амбициям критика, недовольного всем, что не вписывается в лекала сконструированной им «теории мифо-модернизма».

Хорошо, что Юрий Кузнецов как предельно честная и глубокая творческая личность перерос свой ранний этап развития, не поддался моде 1960-х – 1970-х гг. на метафорический стиль. Признав метафоризм путем к духовному к духовному одичанию, он устремился навстречу истинному богатырству русского Мифа.

Опережая большинство своих современников, он на полвека ранее понял, что будет с нами, сегодняшними. Уже в середине 1970-х поставил диагноз ситуации, которая вынуждает, впустую промотав юность, стать интеллигентной нежитью – прогулять жизнь «в дыму от Москвы до Хвалынского моря», так и не выйдя прямой дорогой в родной простор. В стихотворении, адресованном Анатолию Передрееву¹⁸², весной 1975 г. Кузнецов написал:

---

¹⁸² Факт установлен при подготовке сборника «Река имён и лиц» (М.: Наш современник, 2024), по посвящению «Анатолию Передрееву», которым Юрий Поликарпович предварил стихотворение «Выходя на дорогу, душа оглянулась...». В вышедших при его жизни публикациях оно печаталось без указания адресата.

Выходя на дорогу, душа оглянулась:
Пень, иль волк, или Пушкин мелькнул?
Ты успел промотать свою чистую юность,
А на зрелость рукою махнул.

И в дыму от Москвы по Хвалынское море
Загулял ты, как бледная смерть...
Что ты, что ты узнал о родимом просторе,
Чтобы так равнодушно смотреть?

Об адресате скажем следующее. Анатолий Передре-ев (1932–1987) родился в маленькой деревушке, объехал полстраны – от Грозного, где прошло его довоенное детство, до Братска, где он был бетонщиком на строительстве легендарной ГЭС. В 1959 г. небольшую подборку его стихов напечатала «Литературная газета». С 1960 г. жил в Москве. Отучился в Литинституте, далее карье-ра развивалась стремительно: публикации в толстых журналах, должность зав. отделом поэзии в журнале «Знамя», участие в редколлегии «Нашего современ-ника». Передреев много переводил, но своих стихов написал около сотни, практически все до 1970 г.

Его лирический герой и лирический герой ранней поэзии Кузнецова столь схожи по ощущению мира, что стихотворение «Роса» (1969) можно принять за реплику на «Равнину» (1966) А. Передреева.

Приведем этот текст:

Ещё во власти дня и шума,
Ещё в усталости дневной,
Я шёл за городом угрюмо,
Оставив город за спиной.

Я шёл с самим собой сначала...
Но смутно слышал, как сквозь сон,
Что где-то музыка звучала,
Звала меня со всех сторон.

Всё необъятнее, всё шире
Росла звенящая волна,
Пока не понял я, что в мире –
Луна. Равнина. Тишина.

Что ночь блистает, серебрится,
Кусты и травы ослепя,
Что под луной ночная птица
Поёт и слушает себя.

И всё живёт вокруг, толпится,
И по мерцающей земле
Идет ко мне, и прячет лица,
И вновь скрывается во мгле...

Параллель тем более замечательна, что в раннем багаже Юрия Кузнецова аналогичные думы и чувства представлены целым рядом стихотворных этюдов, созданных за 10 лет. В их числе «Тишина... Отсвистали птицы...» (опубл. в «Комсомольце Кубани» в июне 1960 г.).

Очень известное, знаковое для молодой поэзии 1950–1960-х стихотворение Анатолия Передреева «Окраина» (1964) по содержанию так близко к черновому наброску «Я выйду в открытое поле» (апрель 1969), что тоже может быть включено в контекст эксперимента, о лаборатории которого мы говорили во втором разделе предыдущей главы¹⁸³.

Росистое веяние свежести полей... Однако куда ведет авторская линия в стихотворении «Окраина»?

Околица родная, что случилось?
Окраина, куда нас занесло?
И города из нас не получилось,
И навсегда утрачено село.

Взрастив свои акации и вишни,
Ушла в себя и думаешь сама,

---

¹⁸³ См. с. 248–251.

Зачем ты понастроила жилища,
Которые ни избы, ни дома?!

Как будто бы под сенью этих вишен,
Под каждым этим низким потолком
Ты собиралась только выжить, выжить,
А жить потом ты думала, потом.

Окраина, ты вечером темнеешь,
Томясь большим сиянием огней,
А на рассвете так росисто веешь
Воспоминаньем свежести полей.

И тишиной, и речкой, и лесами,
И всем, что было отчею судьбой...
Разбуженная ранними гудками,
Окутанная дымкой голубой!

Ностальгическим вздохом о дымке голубой и сухим выводом, что «города из нас не получилось, / И навсегда утрачено село», Кузнецов удовольствоваться не мог.

Вопреки неудавшемуся эксперименту 1969 г. он не свернул с дороги, на которой далее, в 1974-м, возникло «Бывает у русского в жизни...». Как сказано в этом стихотворении, пошел навстречу целому по классически выверенным ориентирам: «Родные черты узнавая, / Иду от Кремлёвской стены / К потёмкам ливонского края, / К туманам охотской волны». Ориентиры находил не только по пушкинскому «Памятнику» (1836), но и по «Бесам» – стихотворению, возникшему осенью 1830 г. в чрезвычайно сложной ситуации, созданной врагами и соперниками «Литературной газеты»:

...Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон – теперь в овраг толкает
Одичалого коня;

Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой...

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.

Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в поле?» –
«Кто их знает? пень иль волк?»...

Нам самим, выходя на дорогу, тоже важно не закружиться в метельной мгле. Оглянуться, разобраться: что мельтешит в глазах? «Пень, иль волк, или Пушкин мелькнул?». Пробиться сквозь наплывы информационного шума. Услышать, наконец, что говорит душа.

Больше не ждать. Как не ждал Кузнецов, написавший в 1995 г. реплику на строки Василия Казанцева: «И трепещет душа – и боится / окончательно слово сказать / И куда-то неясно косится / И – еще соглашается ждать».

Эти строки Юрий Кузнецов поставил эпиграфом к «Прикосновению», где дан портрет человека, ставшего пеплом уже при жизни:

Он боялся думать о высоком,
На природу искоса смотрел.
Он не знал, что мир пронизан током,
Он коснулся мира – и сгорел.

Так он умер, не дожив до смерти,
До последних лет или часов.
И ему являться стали черти,
Слышаться обрывки голосов

Он как тень на пепелище света
С горсткой праха своего в руках.
Иногда в нем выдаёт поэта
Тик души в раздёрганных строках.

Только искры нет в его искусстве,
Евы нет в проломленном ребре.
И твердят о выветренном чувстве
Восклицанья, точки и тире.

Стыдно было думать о высоком,
На природу голую смотреть.
Он не знал, что мир пронизан током,
Он сгорел – и должен был сгореть.

Декларацией верности наследию русского золотого века стало стихотворение 1998 г. «Поэзия есть свет, а мы пестры». Незакатное пространство дня в нем связано с Пушкиным, звездная ночь – с Лермонтовым. О том, что должен совершить «последний стих», сказано: поставить вместо точки солнце.

Поэзия есть свет, а мы пестры...
В день Пушкина я вижу ясно землю,
В ночь Лермонтова – звёздные миры.
Как жизнь одну, три времени приемлю.
Я знаю, где-то в сумерках святых
Горит моё разбитое оконце,
Где просияет мой последний стих,
И вместо точки я поставлю солнце.

Героический глагол поэзии звучит как гимн, подобный «Вакхической песне» (1825) Пушкина:

Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Разбитое оконце... Выбор истинно-христианской свободы малых мира сего близок по смыслу к пушкинской миниатюре 1823 г. «Птичка».

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

Я стал доступен утешенью;
За что на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

Верная космосу светил, поэзия русского Мифа осеняет крылами ангела не только ночные небеса, как это сказано в лермонтовском шедевре 1831 г. «По небу полуночи ангел летел». «Душа блеснёт как зеркало на солнце», – читаем в созданном 31 мая 1999 г.¹⁸⁴ стихотворении Кузнецова «Русский ангел»:

Хотя нет правды на земле и в небесах,
Кипят разнузданные тёмные стихии,
Москва слезам не верит, а сама в слезах, —
Мы верим в Пушкина как в ангела России.

А солнце Пушкина сияет в небесах,
На этом солнце мы, как пятна роковые.

---

¹⁸⁴ В дни празднования 200-летнего юбилея Пушкина.

А слово Пушкина горит у нас в сердцах,
А мы, сердечные... Мы только дым России.

Но верим мы, что в глубине иных времён
На слово Пушкина потомок отзовется,
И улыбнётся, и в толпе иных племён
Его душа блеснёт, как зеркало на солнце.

Всё отразит она: и небеса святые,
И солнце истины, и ангела России.

В хоре родных голосов сквозь сумерки пробивалась,
притягивая к себе, точка отсчета новой, грядущей
солнечной фазы развития.

Зимой 1997 г. Кузнецов похоронил мать.

Переживания этих дней вылились в пронзительные строки: «Пора держать последний путь / На крест могильный, сопредельный» («Отпущение»).

Чуть позже возникла элегия «Классическая лира»:

Жизнь улеглась... Чего мне ждать?
Конца надежде или миру?
В другие руки передать
Пора классическую лиру.

Увы! Куда ни погляжу –
Очарованье и тревога.
Я никого не нахожу;
А кто и есть, то не от Бога.

И все достойны забытья.
Какое призрачное племя!
Им по плечу мешок нитья,
Но не под силу даже время.

Перед лицом нашего истинного отечества нельзя изменить классической лире.

Поэт, чтобы «сфокусировать» силы народа-богатыря, собирал по крупницам разрозненные проблески,

каплю за каплей напитывал живой водой тело Мифа.

Он абсолютно закономерно вышел на грани столетий к созданию трилогии «Путь Христа», поэмы-мистерии «Сошествие в ад», начал работу над поэмой «Рай»...

И было ему шестидесятилетнему сказано: грядущий век за тобой, и надолго.

ПУТЬ К ПОЭТУ

Слова Экклезиаста «Есть время разбрасывать камни и время собирать камни; время раздирать, и время сшивать; время войне, и время миру» (Эк 3:1–12) характеризуют не абстракции календарных дат, а в онтологическом смысле противоположные состояния культурного бытия. Упоминаем об этом, чтобы сформулировать задачу этого раздела итоговой главы нашей книги: время раздирать и разбрасывать закончилось, пора собирать.

Пришло время напрямик, не плутая в лабиринтах метафор, идти навстречу Целому.

Нужна не призрачно-бледная, а деятельная воля к культуре, реализуемая в единстве гражданских, семейных, личностных ориентиров.

На пути к сплочению созидательного потенциала народов страны многие поймут прозорливость кузнецовского видения судьбы Отечества, оценят огромный вклад поэта в достижение нашего, общего для всей страны и для всего мира, достойного будущего.

Участвуя в кузнецовских чтениях и конференциях, проходивших в Москве и в Краснодаре с 2006 г., я имела возможность наблюдать динамику процессов, которые способствуют прямой поддержке начинаний выдающегося поэта-гражданина. Но и то, что мешает, встречала на каждом шагу.

Научные форумы по творчеству Юрия Поликарповича Кузнецова проводятся в Москве с 2007 г. по настоящее время ежегодно на базе Института мировой литературы (ИМЛИ) и Литинститута им. А. М. Горького при поддержке Союза писателей России¹⁸⁵. Конференция 13–14 февраля 2025 г. была 19-й по счету. Выступления участников и публикуемый по итогам этих конференций корпус материалов (сборники научных статей, мемуаров, аналитических работ и сообщений) дают для просветительской, культурной и образовательной деятельности несопоставимо больше, нежели Кузнецовские чтения на Кубани, малой Родине поэта.

Инициатива организации этих чтений в 2005 г. стихийно возникла в среде работников Литературного музея Кубани. Люди, убежденные, что богатырская поэзия Юрия Кузнецова помогает растить духовно здоровое потомство, вышли к региональной администрации с предложением регулярно проводить в столице Кубанского края Кузнецовские чтения, привлекая ученых и представителей широкой общественности, вузовских и школьных педагогов, библиотекарей, студенчество.

Первой ласточкой стало мероприятие к 65-летию со дня рождения Юрия Поликарповича (сентябрь 2006 г.). Этот двухдневный форум¹⁸⁶ запомнился надолго. Помимо научно-практической конференции он включал в себя встречи писателей с представителями общественности и учащейся молодежи. Прибывшие в Краснодар члены СП России, ректор Литинститута им. А. М. Горького,

---

¹⁸⁵ Обзор пятнадцати московских конференций (2007–2021) дан в статье: Ламосова Н. В., Лексина А. В. «Ни рано, ни поздно»: освоение философско-художественного наследия поэта Ю. П. Кузнецова // Наследие веков. 2021. № 4. С. 15–34.

¹⁸⁶ Детальный обзор этих событий дан в статье: Третьякова Е. Творческий потенциал научной интеллигенции Кубани и освоение философско-художественного наследия Ю. П. Кузнецова // История научной интеллигенции Юга России: межрегиональные и международные аспекты. Краснодар, 2008. С. 195–206.

работники московских литературных журналов вспоминали черты личности поэта-философа, делились мыслями о его художественном мире. Выпущенный в октябре 2006 г. сборник докладов и материалов¹⁸⁷ получился очень содержательным, образцовым по полиграфическому исполнению (работа лучших книжных графиков Краснодара).

Однако дело не пошло далее, поскольку решение раз в два года проводить Кузнецовские чтения как мероприятие регионального уровня достойной реализации не получило. Административные инстанции положили под сукно закрепленную на уровне краевого министерства культуры инициативу. В 2008 г. все ограничилось концертом в ДК г. Тихорецка. Процедуру награждения школьников-победителей городского конкурса чтецов сопровождало выступление участников «Лаборатории живой речи» (студенты Краснодарского университета культуры и искусств прочли несколько произведений Юрия Кузнецова, включенных в литературно-музыкальную композицию, которую они подготовили совместно с профессиональными музыкантами Краснодарской филармонии и артистами Кубанского казачьего хора).

В 2010 г., по информации газеты «Кубанский писатель», в библиотеке имени Юрия Кузнецова на литературном вечере в честь 75-летия поэта присутствовали от Кубанского казачьего хора В. Г. Захарченко, от Краснодарского регионального отделения СП России его руководитель С. Н. Макарова и член правления краевой организации В. А. Архипов.

Далее Кузнецовские чтения и вовсе стали рядовыми календарными мероприятиями в рамках муниципальных библиотек, организуемыми на уровне возможностей их сотрудников. В той же библиотеке № 2 ЦБС г. Крас-

---

¹⁸⁷ Первые литературные Кузнецовские чтения: материалы. Краснодар, 2006.

нодара, носящей имя Юрия Поликарповича Кузнецова, в 2012 г. прошла беседа с девятиклассниками и читателями преклонного возраста. Тему встречи обозначили строчкой «Держу стихи, как чашку чаю, / И пальцы обжигаю о стихи», чтобы мотивировать школьную молодежь на прочтение произведений Кузнецова, рекомендованных библиотекарями и учителем литературы.

Еще раз обратимся к очерку А. Федорченко «Романтик родимых дорог»:

Не первый день там и сям слышишь заверения “знатоков” о том, что русская литература, мол, умерла, в лучшем случае допускается, что-де Юрий Кузнецов как раз и был поэтом конечного ее периода, т.е. времени смерти ее. Понапрасну тщитесь, господа из похоронной команды. Близок час, когда словесность наша воспрянет, а стихи Юрия Кузнецова станут разучивать в школах, и книжки его возьмут с собой космонавты, к дальним созвездиям. Потому что ходят уже по русской земле мальчишки, которых вот-вот позовет родная земля – Россия, потому что еще не все поезда просвистели и не от нашей звезды погас свет.

Нынче о Юрии Кузнецове написано, кажется, больше, чем им самим. И только Кубань показывает вялотекущий градус оценки его творчества. Место в музее для его книг, библиотека его имени на Гидрострое – это всё?¹⁸⁸

Очерк публиковался в 2011 г., к 70-летию Юрия Кузнецова. Но сегодня, 15 лет спустя, недоуменные вопросы еще висят в воздухе и все стынет в мертвом сне. Например, в конце 2021 г. (10.08.2021) выложена в Интернет под рубрикой «Памятники Краснодара» предоставленная Муниципальной библиотечной системой виртуальная литературно-музейная экспозиция «Юрий Кузнецов – символ поэтической Вселенной (11.02.1941 – 17.11.2003)». Увы, она документирует плачевное состояние дел.

---

¹⁸⁸ Федорченко А. Романтик родимых дорог // Звать меня Кузнецов, я один ... С. 83.

В 2009 г., когда расположенной в районе Гидрострой краснодарской библиотеке № 2 присвоили имя Ю. П. Кузнецова, в фойе библиотеки были сооружены стенды с материалами о жизни и творчестве писателя. Сколько-нибудь заметного развития экспозиция с тех пор не получила. Даже текст сопроводительной заметки к ней в виртуальной версии 2021 г. заканчивается упоминанием о событиях 2008 г., когда в ИМЛИ совместно с Литинститутом проводилась вторая Кузнецовская конференция:

В феврале 2008 года в Москве состоялась конференция, посвященная творчеству нашего знаменитого земляка. А. О. Федорова отправила приветственное письмо «Юрий Кузнецов и Кубань».

Сотрудники краснодарской библиотеки имени Ю. П. Кузнецова установили дружественные связи с тихорецкой. На мероприятиях в краевом центре бывают дочери Юрия Поликарповича, В. Г. Захарченко, краснодарские писатели, ученые и другие известные люди¹⁸⁹.

События в столице продвинулись на 17 международных Кузнецовских форумов вперед, в 2025 г. состоялся 19-й. А в библиотеке, носящей имя Юрия Поликарповича, все те же «новости», что полтора десятка лет назад, все тот же прокручиваемый в день памяти поэта видеоролик... Большинству молодежи Краснодара и других населенных мест края имя Юрия Кузнецова неизвестно, как и его поэзия. Отсутствие динамики, «вялотекущий градус оценки творчества» – результат того, что планку снизили в краевом министерстве культуры. Погребли инициативу в песок: вместо намеченных в 2006 г. масштабных комплексов мероприятий – пустые отписки.

---

¹⁸⁹ Юрий Кузнецов – символ поэтической Вселенной (11.02.1941 – 17.11.2003) // Памятники Краснодара URL: <https://kuznecov.cbs-krd.ru/> (дата обращения 12.12.2024).

Пока колосятся галочки на листах отчетов административного аппарата, уполномоченного в сфере культуры, просвещения и образования, Южный регион не вправе гордиться тем, что дал жизнь великому поэту. Стихи его издают на языках многих народов мира, он известен по всей стране. Но поэзией Кузнецова не дорожат там, откуда он родом.

Чем были бы село Константиново без Есенина, Михайловское без Пушкина, Стратфорд-на-Эйвоне без Шекспира? Мы перед Юрием Поликарповичем в долгу; а долг платежом красен. Поднять культурное реноме края, обеспечив достойный уровень Кузнецовским чтениям, могла бы комплексная просветительская программа, которая донесет слово великого поэта-земляка до каждого города и станицы. А в Краснодарском крае такой программы нет, не ведется и работа по увековечению памяти его отца Поликарпа Ефимовича Кузнецова, защищавшего Кубань.

Мы в предыдущих главах книги говорили: боевой командир Поликарп Ефимович Кузнецов был представлен к званию Герой Советского Союза за то, что первый со своим отрядом разведчиков форсировал озеро Сиваш. Он участвовал в освобождении Кубани и Крыма, погиб 8 мая 1944 г. при штурме Сапун-горы в Севастополе.

В каком объеме информация о творчестве и личной судьбе Юрия Кузнецова была доступна землякам до организации краснодарских Кузнецовских чтений в 2006 г.?

Весной 2001 г. редактор газеты «Тихорецкие вести» послал поэту поздравление с 60-летием и газетные вырезки местной прессы (в том числе заметку, проиллюстрированную фотографией середины 1970-х гг.). Юрий Поликарпович в письме от 11 мая 2001 г.¹⁹⁰ поблагодарил

---

¹⁹⁰ Кузнецов Ю. Письмо в Тихорецк // Мир мой неуютный: Воспоминания о Юрии Кузнецове. М., 2008. С. 276–279.

за это, исправил неточности в придуманной редакцией надписи к снимку¹⁹¹ и перечислил ряд моментов биографического характера, касающихся его предков, родственников по материнской и отцовской линии.

В этом письме на имя главного редактора газеты Евгения Михайловича Сидорова поэт не скрыл разочарования тем, что земляки интересуются чисто внешним и вовсе не главным:

...Должен заметить, что вопросы мне задали чисто внешние и не главные. Ведь главное – моё творчество. Но о нём ни звука. А ведь о моих стихах написано и наговорено больше, чем о всех современных поэтах вместе взятых... Эх, милые земляки, ох, родное захоlustь! И зачем-то вы вспоминаете мои слабые детские поделки! Это всё равно что хвалить Гоголя за ранний бездарный опус “Ганц Кюхельгартен” или Некрасова – за первые подражательные “Мечты и звуки”.

Мне самой приходилось несколько раз встречаться и беседовать с участниками тихорецкого литературного объединения «Родник». Такие встречи были в 2008–2012 и в 2018 г. при первом показе фильма «Юрий Кузнецов: взгляд с Востока». Между 2008-м и 2018 гг. минуло 10 лет, но молодежь все так же читала наизусть несколько ранних стихов Юрия Кузнецова (из тех, что написаны в Тихорецке) и торопилась перейти к показу собственных

---

¹⁹¹ «Впечатление такое, что я свалился тихоречанам, как снег на голову. Поэтому авторы заметок цитировали моё предисловие к “Избранному” и выдержки из письма, посланного мною в “тихорецкую литературную общину”. Тут авторы заметок не перевирают. Что до остального, то – сплошь неточности и причуды воображения. Так в номере «Тихорецких вестей» за 8.02. 2001 года помещена групповая фотография, где запечатлён Ваш покорный слуга в окружении... “тихорецких любителей поэзии”. Уточняю. Группа снята в 1977 году в краснодарском сквере, примыкающем к ул. Гоголя. Кроме меня, слева направо: Юрий Сердерида – человек неопределённой профессии, Иван Даньков – краснодарец рязанских кровей, пишущий плохие стихи, Валерий Горский – мой друг золотой – потемневшая тень Краснодара, и Евгений Чернов – тоже мой друг, в то время собкор “Комсомольской правды”. Но Сердерида и Даньков – тут люди случайные».

литературных успехов. Пишу об этом не с целью упрекнуть девочек и мальчиков школьного возраста за незрелый литературный вкус. Увы, рядовая семья, обычная средняя школа, самодеятельное литобъединение «Родник» сами по себе не могут вытянуть на уровень классического образования. Это, на мой взгляд, и делает ситуацию патовой: нет живого общения с мастерами. (Откуда ему взяться при отсутствии системно организованных, регулярно проводимых Дней литературы с участием зрело мыслящих творческих людей и педагогов?) В вакууме все чахнет, выдыхается, а не мужает, зреет и растет.

Приезд на съемки фильма о Юрии Кузнецове весной 2018 г. работников Якутского ТВ всколыхнул тихоречан. Все были искренне рады помочь руководителю творческой группы Николаю Алексеевичу Лугинову и оператору Илье Зараеву в выборе природы: рассказывали, что помнят, провели по уголкам, не утратившим следы того, что было во времена проживания семьи Кузнецовых в городе.

Мы ездили снимать место, где когда-то располагался двор с саманной хатой деда и бабушки. На этом месте теперь детская школа искусств, в 2008 г. на стене у главного входа в двухэтажное здание установлена небольшая памятная доска. Кроме того снимали две старых школы в центре города – когда-то в них за партой сидел будущий поэт. Запечатлели на пленку Дворец культуры. Сейчас он выглядит солидно и празднично, а в 1940-х стоял недостроенным, и мальчишки, называвшие серые перегородки стен разбиткой, играли там в войну. Вокруг ДК тенистый сквер. И уже нет старого летнего кинотеатра, очень нравившегося ребятам за то, что можно смотреть фильмы без билета, если залезаешь на ту же разбитку или на дерево.

Когда мы спросили наших «гидов», какое место у Кузнецова было самым любимым, те кто постарше

сказали: тополя. До окраинного поворота, откуда сквозь рядком стоящие огромные старые деревья проглядывает серебристо-голубым стеклом большая заводь, ехали все вместе. Ответ был верным: с верхушки этих мощных великанов вся округа видна как на ладони. За это и любил линейку тополей у дороги юный Кузнецов.

Погода помогала. Сияло солнце, ничто не портило идиллический пейзаж, хотя картинно плавные, с пухлыми извивами облака двигались по небу очень быстро, вверху над городом их подгонял нешуточный ветер.

Вечером, когда мы с оператором, руководителем якутской творческой группы и представителем от краснодарского отделения СП Владимиром Васильевичем Романовым возвращались из Тихорецка в Краснодар, по стеклам машины заколотили крупные капли дождя. Мы видели, как слева от дороги померкло полотно реки Бейсуг. Только что она была летне-голубой, но неожиданно стала серой за полотном зелени хуторских огородов. И вдруг – река нас удивила: на фоне мокрой полосы неба шумно поднялась и полетела вдаль большая стая лебедей! Ливень спугнул птиц на прибрежной заводи.

Оператор, думая выскочить из машины, стал налаживать камеру, но заснять не успел. Огорченный, он все еще держал свой киноаппарат и как бы полустоял над задним сидением, когда машина, оставив позади последние, совсем редко разбросанные по огородам хатки, полным ходом прибавляла скорость.

«Что это было?» – спросила я, не видевшая подобного нигде, кроме как на полотне художника Рылова. Не хватало смелости поверить, что стая огромных белых птиц была настоящая.

«Это видение», – спокойно и просто сказал Николай Алексеевич.

Видение? Но верить в такое казалось еще невероятней...

Все объяснила последняя часть подаренной им книги «Время перемен»¹⁹², прочитанная мною позже. Герой одной из повестей этой книги («Путь к верхнему миру») Хойгур совершил дальнейшее паломничество на пути к Высшим ценностям. И когда в конце услышал: пора возвращаться домой, – сначала приуныл, думая, что придется идти обратно через горы не менее года, опять преодолевая ущелья и дикие леса.

Однако все случилось в одно мгновение и совсем не так. Учитель Лао-Цзы взял двух паломников под руки, подпрыгнул с вершины высокого камня, и, увлекаемые неведомой силой, они превратились в белых гусей. Ущелья, перевалы, все смертельные опасности испытаний паломники увидели как птицы, летящие над землей. И очутились на песчаной отмели реки поблизости от родного дома.

А навстречу им, снова обретшим человеческий облик, уже спешили их родные.

Подготовку своего кинопроизведения наши якутские друзья, которых мы узнали благодаря этому замыслу, – сценарист Евдокия Избекова, оператор Илья Зараев, режиссёр Галина Раевская завершили к осени. И на первую презентацию считали важным приехать, конечно же, в Тихорецк. На просмотр, организованный в центральной городской библиотеке им. М. Ю. Лермонтова, пришли читатели, некоторые члены литобъединения «Родник», работники ЦБС. Всем было интересно посмотреть киноленту и послушать автора идеи фильма – народного писателя Республики Саха-Якутия Николая Алексеевича Лугинова.

Ничто в человеческих судьбах не случайно. Все истинное не расходится, а сближается на своих путях. Тысячи и тысячи защищавших и отвоевывавших Крым

---

¹⁹² Лугинов Н. А. Время перемен: роман в повестях. Якутск, 2018.

бойцов легли в землю, политую кровью, Великая Отечественная обездолила миллионы семей. Так, на Кубани осиротела семья Поликарпа Ефимовича Кузнецова (жене боевого командира предстояло одной поднимать на ноги троих детей), в Якутии родные не дождались Авксентия Давыдовича Лугинова (дядя Николая Лугинова ушел на фронт совсем молодым, пропал без вести при переправе в Крым; с фронтов не вернулись и еще несколько старших родственников).

Кем выросли наследники героев? Фильм «Юрий Кузнецов: взгляд с Востока» – дань памяти павшим и достойный отклик на в высшей степени ответственное понимание сыновнего долга перед Родиной. Этим проникнута поэзия Юрия Кузнецова – каждая строка стихов, звучащих в фильме. Снятая при поддержке Президентского гранта кинолента «Юрий Кузнецов: взгляд с Востока» будет много лет служить воспитанию истинных патриотов нашей Родины.

Еще две презентации киноленты примерно в те же дни осенью 2018 г. состоялись в Краснодаре: для членов местной организации Союза Писателей, библиотекарей, педагогов и студенчества – в читальном зале центральной городской библиотеки им. Н. А. Некрасова; для учеников средней школы и работников культурного просвещения – в Доме культуры Центрального округа города. О более поздних (в Новокубанске) показах фильма я еще скажу особо.

А сейчас вернусь к письму 2001 г., в котором Кузнецов, отвечая редактору местной газеты, сообщил ряд важных сведений о себе и о том, кто были его предки. В письме есть слова: «Отношение мое к Тихорецку самое теплое и нежное».

Да, малую Родину он не забывал. Приезжал навещать свою маму. На похоронах Раисы Васильевны Тихорецк в последний раз видел ее гениального сына. Раиса Ва-

ильевна на год пережила старшего сына Владилена Поликарповича¹⁹³, погребена в январе 1997-го на тихорецком кладбище рядом со своими родителями. Тело везли из Новороссийска, куда она переехала на старости (доживала остаток лет у своей дочери Авиеты)¹⁹⁴.

А в 1943 г. жена красного командира Раиса Кузнецова с тремя ребятишками – Владиленом, Авиетой и Юрием – переехала в Тихорецк из станицы Александровской без долгих сборов. Времени не было. Муж, неожиданно приехавший на трофейном виллисе, сказал: грузи детей – и едем. Юре тогда было два годика. В недолгом времени после переезда Раиса Васильевна стала вдовой: из Севастополя пришло сообщение о героической гибели подполковника Поликарпа Ефимовича Кузнецова.

Юрий Поликарпович помнил кров старой саманной мазанки, хлопотливый характер бабки, раздумчивую основательность деда. Родился и рос в семье простой. А стал национальным, мировым по значимости поэтом.

Приезжая в Краснодарский край на Дни литературы как член писательских делегаций, он участвовал во встречах с читателями (есть фотографии таких встреч в Краснодаре, Новокубанске). Слушателям запомнился мужской сдержанностью, спокойной манерой чтения стихов. Но время идет, и живых свидетелей давних событий осталось немного.

Чем сегодня может быть дан импульс достойному отклику на гениальную поэзию? Такой импульс к положительным переменам в культурном самочувствии

---

¹⁹³ «Мой брат Владилен Поликарпович Кузнецов родился в 1930 году на польской границе, где отец служил пограничником. Несколько последних лет он прожил пенсионером в Тихорецке, где умер в 1996 году и похоронен на здешнем кладбище».

¹⁹⁴ «Моя сестра Авиета (по крещению Валентина) Поликарповна Внукова родилась в 1935 году в селе Попёнки на бессарабской границе, где служил отец».

земляков необходим. А для него нужны, во-первых, система литературно-просветительских мероприятий в клубах любителей чтения и домах культуры, мастер-классы для педагогов, профильные спецкурсы в программах вузовского обучения; во-вторых, разработка кузнецовской темы как раздела литературного краеведения; в-третьих, координационный центр разработки программ и проведение кузнецовских чтений на централизованно, а не спонтанно действующих публичных площадках. Ко всему этому следует эффективно подключить информационную сеть библиотечной системы и краевого теле-радио.

Подчеркнем: вовлечения в системную работу по пропаганде литературного наследия поэта заслуживают не только Краснодар (где он учился и работал), Тихорецк (где вырос и окончил школу), станица Ленинградская (носившая в 1940-х название Уманская, обозначенная в паспорте Юрия Кузнецова как место его рождения), станица Александровская (где прошли два первых года жизни маленького Юры). В решение благородной и жизненно важной задачи надо вовлечь всю россыпь кубанских станиц, большие и малые города края. И обязательно учесть, что задача качественного освоения русской классики актуальна для оздоровления гражданского самочувствия людей всех возрастов.

Юрий Поликарпович нередко делал программным название своих книг. Так, мысль о необходимости завязать свойства славянской души «узлом духа»¹⁹⁵ запрограммирована в словосочетании «Русский узел». В названии сборника «Ни рано ни поздно» указано на объективную необходимость своевременного прихода человека действия: «Эта формула выразила и моё отношение

---

¹⁹⁵ Это высказывание мы приведем на с. 326.

к современности. Мы все в последние годы испытывали тоску по герою, по личности <...> Именно сейчас нам нужны люди решительных поступков, обладающие высокой силой духа» [Тропы, с. 156].

Под стихотворением «Посещение Кубани», которым мы предварили главу «Путь к поэту», стоит дата 11 февраля 2000 г. (59-й день рождения Кузнецова). В нем понятие русский узел соотнесено с пуповиной, завязанной при появлении человека на свет.

Меня казацкая душа
За своего не признавала,
И мимо даже та прошла,
Что пуповину завязала.

И я загнул такую статью:
– Эх вы, живущие без вести!
Мне будет памятник стоять
Вот здесь! На этом самом месте!

Бутылку оземь я разбил,
Да так, что недра задрожали.
Кубань родную разлюбил,
Да так, что бабы завизжали.

Ушёл я, голову склоняя
Под мелодические визги.
Пускай Кубани на меня
Плевать... Зато какие брызги!

Эти брызги – удивительная по неожиданности, но не случайная в персональном мифе Кузнецова параллель к сцене пира олимпийцев на Золотой горе, где «Пушкин отхлебнул глоток, / А больше расплескал».

Не сказочными всплесками крыл царевны-Лебеди, а черными крыльями беды запомнился модернистский век. Люди строили небоскребы, превратив стены в сплошные окна. Но в урбанистическом раже забыли,

что капли дождя, как души предков, оплакивают посеянное «в хате» безверие. На старых развалинах остался немой песок, дыханием пустошей сгубило русскую степь.

«Степь не та и не те человеки», – читаем в стихотворении «Икона Божьей матери» (1996).

...Солнце мёртвых мигает во мгле,
И на совести голос прощальный
Проступает в оконном стекле
Божьей Матери образ печальный.

Это знак! Это знак непростой!
Что-то страшное с нами случится.
Побирается образ святой
И живыми слезами сочится.

В итоговых произведениях тема продолжена «Новым солнцем» («А над нами всё грозы и грозы, / Льются слёзы, кровавые слёзы, / Да не только от ран ножевых»), «Видением Христа в урагане 12 июня 2001» и целой гроздью взаимосвязанных произведений.

Черновик «Видения Христа в урагане 12 июня 2001» начинали строчки:

Шёл ураган и взвихренной листвою
Хлестал в мое высокое оно.
В разрывах туч, летящих над Москвою
Я увидал иконный лик Христа
Туманное пятно / Оно светлело...

Публикуя стихотворение, Кузнецов поправил важную для финала отсылку к тютчевскому откровению «И нам сочувствие дается / Как нам дается благодать».

В черновике были слова о поэте:

И снова пуст поэт, но строгость Божью,
Что на словах ему не передать,
Он принимает с трепетом и дрожью,
Как [принимают только] Благодать.

Сделанная поправка подчеркнула: строгость Божья – благодать, ниспосланная во спасение общенародное.

Шёл ураган на город тёмной славы
Пластом ложилась каждая верста.
В разломе туч, над главами державы,
Я увидал видение Христа.

Я грешник, и всего одно мгновенье
Он на меня со строгостью взирал.
Белёсой мглой заволоклось виденье,
И ураган Москву переорал.

Не я – другой бредёт по бездорожью,
И век ему свободы не видать,
Но строгость Божью с трепетом и дрожью
Он принимает, словно Благодать.

В строй стихов о России как пространстве битвы и страданий за Божью Истину в том же 2001 г. встали «Казачий плач о перекасти-поле», «Полюбите живого Христа». Мы целиком привели его перед второй главой книги. Сейчас ограничимся итоговым четверостишием:

Так откройтесь дыханью куста,
Содроганью зарниц
И услышите голос Христа,
А не шорох страниц.

Фольклорными красками написан плач. Поверх низовой картины, где перекасти-полем несет по степи казачью отрубленную голову, сказано «Бог считает последние волосы, / Потому что всему голова». Это важная параллель «Лежачему камню» (1997) – покаяние за морок в головах. Мятёжные мысли, надвигая погибель, удобрили человеческой кровью чернозем и травы («За траву зацепились волосы, / Обезумела в поле трава»).

Не народ – все вместе по ту и другую сторону граж-

данских противостояний отстрадавшие до последнего, а «оскверители-гробокопатели исторические толкователи» отлучены от Родины, «мимо которой» они искали правду да так и не нашли («Явление под Олимпом», 2001).

Крытый именем Боговой матери,
Есть один под Олимпом шалман,
Там встречаются правдоискатели,
Осквернители-гробокопатели,
Исторические толкователи.
Не поймёшь: кто дурак, а кто пьян.

И явилась на чёрную пятницу,
Как из бездны, бледна и страшна,
Баба-дура по самую задницу.
– Я Россия! – сказала она. –
Деревенская ли, городская ли,
Дня прожить не могла без вранья.
Все собаки на западе лаяли,
Если дул ветерок от меня.
Ваша правда, о правдоискатели!
Я пропала. Ищите меня!
Ваша воля, о гробокопатели!
Вы живьём закопали меня.
О бессмысленные толкователи,
Вы толкуете мимо меня...
А катитесь все к чёртовой матери!
Поминайте, как звали меня...

Крытый именем Боговой матери
Был шалман, а теперь его нет.
Покатилось всё к чёртовой матери...
А с Россией остался поэт.

Мы говорили о 1960-х, когда Краснодар, как все культурные центры, мало-мальски затронутые оттепелью, бурлил и кипел поэтическими настроениями. Из педин-

ститутского общежития было рукой подать до скверика на углу улиц Октябрьской и Мира, и молодые таланты наперебой читали там новые стихи.

В февральском номере газеты «Литератор Кубани» за 2016 г. Елена Николаевна Неподоба рассказала о том, что конец 50-х – 60-е годы XX столетия характеризовались «всеобщей любовью к поэзии, её знали, любили, о ней спорили не только “лирики”, но и “физики”, казалось, сам воздух был ею заражён. Громкие читки стихов поэтами – профессиональными и начинающими – проходили в концертных и музейных залах, на улицах и площадях городов крупных, столичных, больших и малых, в том числе и в Краснодаре. Одно из таких мест в краевом центре, где собирались молодые начинающие поэты, – “Скверик со слоником”»¹⁹⁶.

По рассказам мужа ей было известно, что весной 1965 г. Кузнецов отправил в Москву в Литературный институт стихотворную тетрадь из 45 страниц «Полные глаза». «Рукопись попала к Александру Коваленкову, который отметил как удачные всего лишь четыре строки: “И снова за прибрежными деревьями / выщипывает лошадь тень свою”, “Капли с куриным упорством клюют” и “...грибы, как настольные лампы”. Сомнения Коваленкова (“достаточно ли этого для поступления в Литинститут”) рассеяли московские поэты Владимир Соколов и Михаил Львов; последний сразу понял, что перед ним “предстал дерзкий поэт с интересной судьбой”, в его стихах он увидел “настоящее, живое слово, неподдельную, истинную поэзию”»¹⁹⁷.

Право на дебютную книжку лирики Кузнецов реализовал после возвращения из армии. Шанс оказался счастливым: лирический сборник «Гроза» (1966) сыграл роль как аргумент для перехода на очное отделение Литинститута.

---

¹⁹⁶ Цитируем по: Неподоба Е. «Неслучайность наша на земле...» ... С. 2.

¹⁹⁷ Там же. С. 3.

После завершения учебы Кузнецов работал в отделе национальной поэзии издательства «Современник», потом в издательстве «Советский писатель» (редактор, с 1994 г.), в журнале «Наш современник» (зав. отделом поэзии в 1997–2003). Попутно вел творческие семинары для слушателей Высших литературных курсов и студентов того же Литинститута имени А. М. Горького.

С возмужанием таланта гражданская позиция и самоопределение поэта в меняющемся мире стали абсолютно целостными. А вычерченные менторами тогдашней идеологии картонные схемы литературного процесса развалились.

О доперестроечных временах Кузнецов сказал в интервью 1998 г., что «иерархия ценностей была поставлена с ног на голову». Но 1990-е оценил гораздо жестче: «Сейчас вообще никакой такой иерархии нет в помине, или делается вид, что её нет. Сплошь подмена. Дурное выдаётся за хорошее, а хорошее за дурное. На глазах царят пошлость, чернуха и порнуха» [Тропы, с. 208].

Писательский цех проявлял себя нестройно: одни уезжали, другие прагматично занялись пересмотром «советских ценностей». СМИ наполнял мутный поток разоблачительства, сплетен и пересудов.

Кузнецова окружили плотной стеной молчания: «наверху» не знали, как позиционировать себя по отношению к автору поэм о Христе.

Информацию о том, что поэт умер 17 ноября 2003 г., дали в официальных СМИ лишь на девятый день после утраты.

Под некрологом в журнале «Наш современник» стояло 47 подписей; говорилось, что Кузнецова «с полным правом можно назвать первым поэтом русского Воскрешения», «он был центром нашего мира. И не только литературного. Но человеческого, по преимуществу. Его стихи были нашей геополитикой. Его прозор-

ливость – нашей стратегией». Однако словосочетания наша геополитика, наша геостратегия предпочли отнести на счет узкого круга непосредственных участников «русской партии», от лица которых выступал журнал Станислава Куняева.

Прошло 20 лет, и теперь очевидно, что судьбу культуры решит категорический отказ от досужей болтовни: нужна твердая ответственность за слово и дело. Наступило время собирать камни, и наше отношение к гениям – наш паспорт на зрелость.

Надо отметить, что, не ожидая министерских и ведомственных распоряжений, люди на местах сами берут в руки организацию литературных чтений как школы гражданской мысли.

Такие инициативы способствуют возврату к традициям русской классической образованности. Задел, необходимый для полноценного спектра работы на материале творчества Юрия Кузнецова, давно сложился и готов к применению. Это и документально-художественные фильмы «Поэт и война» (1990, реж. Б. Конухов), «Юрий Кузнецов: взгляд с Востока» (2018, реж. Г. Раевская), и музыкальные произведения на стихи Кузнецова¹⁹⁸, и сборники материалов Кузнецовских конференций (более 20 книг), и собрание сочинений поэта, и книги о его биографии и творчестве, и богатый цифровой контент.

Понимая необходимость активизации работы в этом направлении, я предлагала краевым ветеранским организациям подключить к пропаганде кузнецовского наследия патриотические форумы в Новороссийске

---

¹⁹⁸ См.: Третьякова Е. Ю. Творчество Юрия Кузнецова в музыке современных композиторов // Юрий Кузнецов и литературный процесс. Юрий Кузнецов и Литературный институт: Сб. материалов по итогам конф., прошедших в Москве в СП России 16–17 февр. 2017 г. и в Литинституте им. А. М. Горького 5–7 февр. 2018 г. Краснодар, 2019. С. 186–189.

и других городах. И от души пошла навстречу Новокубанскому краеведческому музею, когда его директор Евгений Леонидович Замореев в 2023 г. обратился в Южный филиал Института Наследия с просьбой помочь в организации просветительской площадки. Целью мероприятий он видел популяризацию знаний о русской классической литературе (в первую очередь, о поэзии Юрия Кузнецова).

В разработанный сценарий первого такого мероприятия вошли заранее организованные (апрель 2023 г.) бесплатные показы телефильма «Юрий Кузнецов: взгляд с Востока» для школьников города.

Было нечто знаковое в том, что год выпуска этого телефильма, 2018-й, совпал со временем первых наших контактов с организаторами культурной жизни Новокубанска. Тогда наше сотрудничество с краеведческим музеем и новокубанской ЦБС касалось вопросов истории южнорусских усадеб; но мы попутно рассказывали музейщикам и библиотекарям о съемках документально-художественной ленты. По громадному встречному интересу было очевидно: реакция не мимолетная, они хотят стать активными пропагандистами творчества Кузнецова.

Выпускники Армавирского пединститута говорили, что помнят проводившиеся там в 2000-х Кожинские конференции, мечтают о возрождении чего-то подобного, близкого по духу.

Директор краеведческого музея Евгений Замореев с гордостью показал нам книжку Юрия Кузнецова «Стихи и поэмы о Великой Отечественной войне», подаренную ему в 2005 г. Сергеем Андреевичем Небольсиным. Директор новокубанской ЦБС Валентина Владимировна Чыкова сетовала, что книги лирики Кузнецова редки, их в лучшем случае по одной-две в библиотеках; прижизненные издания уже крайне ветхи. Их особенно жалко, поскольку сборники зачитаны до дыр.

О намечаемом на апрель-май 2023 г. Круглом столе «Великий народ-победитель» я сообщила вдохновителю проекта Якутской телекомпании народному писателю, вице-президенту Академии духовности Республики Саха Н. А. Лугинову. Он дал разрешение на демонстрацию фильма и прислал свое видеообращение к новокубанцам. В этом обращении проникновенно и мудро сказал о священной памяти погибших на Великой Отечественной, о достоинствах высокой гражданской поэзии и о духовной связи поколений.

Как ярко прозвучало оно 4 мая 2023 г. на мероприятии в Новокубанском культурно-досуговом центре им. В. И. Наумчиковой! Масштабность разговора о Дне Победы и о поэзии как бессмертном венке героям подчеркнул поистине громадный географический размах – тысячи и тысячи километров от Якутии на Юг.

Ко многому обязывающим, важным подарком Новокубанскому краеведческому музею им. А. М. Яковенко стали сборники московских конференций и другие книги о творчестве поэта, которые привезли сотрудники Южного филиала Института Наследия.

Основные доклады Круглого стола «Великий народ-победитель» охватили широкий спектр философско-культурных, идеологических, просветительских проблем («Сыновство и сиротство: к вопросу о достойной передаче наследия Великой Победы» – докладчик докт. филол. наук Е. Ю. Третьякова; «Роль исторической памяти в укреплении национального самосознания (к 80-летию Битвы за Кавказ)» – докладчик канд. филос. наук А. А. Гуцалов; «Крылатая защитница родного неба: о памятнике летчице Евдокии Давыдовне Бершанской в Краснодарском аэропорту» – докладчик докт. филос. наук, проф. КубГТУ А. А. Аполлонов).

В дискуссии наряду с новокубанцами участвовали представители Отрадненского районного общества

историков-архивистов, армавирские любители истории и литературы. Теплую душевную ноту в разговор о личности Кузнецова внес поэт Василий Чернышёв, поступивший в Литинститут осенью 2003 г. Юрий Поликарпович взял его в свой семинар, помог в подборе книг для более основательного знакомства с классической поэзией. Увы, занятия через несколько месяцев прервала безвременная кончина учителя...

Участники Круглого стола делились опытом, говорили о конкретике культурно-просветительских задач и проблемах их решения на местах, при обсуждении возможностей скоординированной работы требовали того, чтобы за успешным стартом последовало продолжение: патриотические литературные чтения в Новокубанске должны стать ежегодными или даже проводиться дважды в год, весной и осенью.

Следующее просветительское событие, научно-практическую конференцию «Сохранение исторической памяти и культурного наследия Малой Родины: задачи и возможности волонтерства» (22 мая 2024 г.) новокубанцы приурочили к Дням славянской письменности и празднованию 225-летия Пушкина.

На открытии конференции была презентация выпущенных томов книги «Кровавые страницы немецко-фашистской оккупации на Кубани».

Фонд новокубанского краеведческого музея пополнился на этот раз фотографиями Дней литературы в Новокубанске 19–21 мая 1976 г. (их прислала дочь поэта); сборниками Кузнецовских конференций в ИМЛИ и Литинституте им. А. М. Горького 2021–2023 гг.; книгой «Семья поэта». Ее автор Любовь Петровна Кушнир рассказала на страницах этой книги об атмосфере дома, в котором рос друг Юрия Поликарповича, замечательный кубанский поэт Вадим Петрович Неподоба.

Научную часть составили доклады, присланные

и зачитанные представителями научной и творческой общественности Краснодара, Москвы, Новокубанска, Армавира, станиц Новокубанского района. Актуальный аспект наследия первого поэта России раскрыл доклад Е. Ю. Третьяковой «Пушкинская традиция – государственное культурное достояние»; диалектику понятий Большая / Малая Родина осветил А. А. Гуцалов. О практических шагах по возрождению пушкинского музея станицы Прочноокопской рассказала историк-исследователь И. В. Зенцова. Панорамную оценку перспектив всероссийского проекта «Аллея российской славы» дал И. А. Аполлонов. Член Российского военно-исторического общества Л. А. Шубко поделилась опытом многолетней работы по воссозданию истории станицы Петропавловской (Грозненский р-н Республики Чечня).

Участники и организаторы конференции высказали благодарность докладчикам, дарителям книг и фотоматериалов. Прозвучавшая оценка подобной формы обмена актуальной информацией и опытом работы по гражданскому и патриотическому воспитанию показала, что начинание заслуживает более широкого распространения в крае. Было принято решение расширить географию патриотических Кузнецовских чтений. В частности, организовать просветительскую площадку в станице Прочный окоп, знаменитой как место, где бывал проездом Пушкин и некоторое время жил служивший на Кавказе Лермонтов. Сейчас в Прочном окопе восстанавливают мемориальный литературный музей, работавший в доперестроечные годы.

Итак, по общей динамике подвижек в просветительском и научном поле кузнецововедения за 20 лет видим следующее.

Продуктивно работают ежегодные кузнецовские форумы научной и культурной общественности страны, организуемые на базе Института мировой литературы

и Литинститута им. А. М. Горького. За два десятилетия они зарекомендовали себя как центр обсуждения ключевых вопросов кузнецовской поэтики и дают стимулы действенным переменам не только в кузнецоведении.

Далек от удовлетворительного разрешения вопрос о площадках просветительской активности, способных системно наладить ознакомление широкой читательской аудитории с творчеством Юрия Кузнецова. Это касается как Кубани, где поэт родился и рос, так и других регионов страны. Вследствие падения общего уровня читательской культуры и неудовлетворительного преподавания гуманитарных предметов в вузах (не говоря уже о школьных образовательных стандартах) имя Юрия Кузнецова сегодня многим незнакомо. Опросы педагогов, общение с работниками просвещения и образования показывают: ситуация пока что не улучшается. Это знак неблагополучия, препятствующего кардинальному повороту навстречу классике отечественного искусства и ее лучшим образцам.

За 30 лет постмодернистского развала проблем накопилось много. Но они будут решены при перемене модели СМИ (нужна модель, отвечающая российскому, а не западному типу цивилизации) и приобщении философских установок деятельности сообщества ученых, интеллектуалов, представителей искусства к традициям русской школы в гуманитарном знании. Впереди этап изучения и деятельного освоения достижений отечественной образованности, призванный оздоровить культурное самочувствие общества.

Неясность установок (постмодернизм уходит; что идет ему на смену?) и проблема инертности кажутся возрастающими пропорционально удаленности населенных пунктов от столиц и крупных городов страны. Однако на деле устранение отрыва «элитарного» от «массового» подтвердит, что пропорциональность

не такова. Провинция – почва народных корней культуры, живет урбанизированных столиц.

Юрий Поликарпович Кузнецов отлично знал это. Без народных корней поэзия для меня не существует, говорил он; поэт должен родиться только в провинции.

Сегодня цифровой формат дает существенное подспорье в подборе текстовых и визуальных материалов, необходимом для просветительской деятельности в любой конкретно взятой точке регионального пространства.

Однако важно, чтобы Интернет-продукция дополняла, а не подменяла собой, не аннулировала реальную возможность учиться на личном примере и в процессе общения с достойным собеседником. Мудрость творческих наставников, с которыми важно быть рядом, в культурных практиках никогда не заменишь красивой экранной картинкой или иллюзией (каковой является машинный интеллект).

Без прикрас и ретуши показав, как обстоит дело с Кузнецовскими чтениями на Кубани, малой Родине великого поэта, отметим: данный пример отнюдь не единичен. Он характерен для многих других мест, где рутинная работа чиновников, озабоченных только своим благополучием, носит корпоративный характер. Корпоративные структуры такого рода механически плодят усредненность, замещают и вытесняют культуру поставленным на поток развлекательным ширпотребом.

Гений и непросвещенность – две вещи несовместные. Косность губит и подавляет все, что требуется для живого дела. А нам опасно медлить, не придавая должный темп процессу выхода из кризиса. Инерция торможения и стагнация помешают нормализовать пульс живых процессов, которые необходимы и ценны тем, что воссоздают культурную идентичность граждан страны – наследницы классического опыта XIX столетия.

Поэт и гражданин – для меня эти понятия неразделимы <...> Понимаю, что трудно, особенно сейчас, жить с таким сознанием. Но ведь державным сознанием обладали и Державин, и Пушкин (вспомним “Капитанскую дочку”), и Лермонтов (“Бородино”), и Лев Толстой (“Война и мир”). Русское державное сознание отнюдь не подразумевает шовинизма. Просто я верю в державу, в которой вместе с русским народом уживаются и другие народы [Тропы, с. 200].

Как объяснял эту сторону поэтического мышления Кузнецов, мы скажем в итоговом разделе нашей книги. Здесь же остается подчеркнуть: освоение его поэзии станет магистральным путем приобщения к отечественной классике, если разъяснить читателям, что персональный миф Кузнецова, персональный миф Пушкина – плоды зрелого участия в судьбе большой и сильной Российской державы.

Почтение гениям люди воздают в самых разных точках земного шара, но Родина есть Родина.

Юрию Кузнецову хотят поставить памятник на улице Добролюбова в Москве, около общежития Литинститута, как это обсуждала и, кажется, уже решила общественность столицы. Но постановкой медных изваяний проблему не решишь. Надо торить и объединять тропы многоязыкой, духовно родственной нерукотворной памяти народов.

Перекрестье всех путей к Юрию Кузнецову должно быть – и будет! – закреплено там, где он ребенком впервые почувствовал тягу к красоте мира, загадочный извет поэзии. Кубань должна показать себя как мать, а не мачеха гениального сына, мужественного подвижника русской культуры, поэта мировой значимости.

Его малой Родине уважительно поклонится всякий добрый человек. Но в первую очередь земляки должны хорошо знать стихи, биографию уроженца южнорусских степей Юрия Кузнецова – понять, освоить, поддержать его жизненный пример и духовный выбор.

Классика – основа консолидации духовных связей в стране, на всей ее громадной шире – от южных морей до полярного края, с Камчатки, Невы до Кавказских вершин... Она эпицентр сил взаимного притяжения созидательной мысли и совести людей всей нашей планеты.

О ВЕКЕ ЗОЛОТОМ

«Философы так и не договорились – есть время или нет», – отмечал Юрий Кузнецов¹⁹⁹. Он полагал, что в специфике нашего национального характера, русской цивилизации, объединившей шестую часть земного шара, заложена внутренняя связь с пространством.

Мне кажется, категория пространства входит в черту русского характера. Она подчёркнута и названием сборника «Русский узел». Многие стихи этой книги обращены к свойствам славянской души. Мне хотелось, чтобы эти свойства никогда не распадались, всегда были объединены. Появилась мысль как бы завязать эти свойства узлом духа [Тропы, с. 156].

Действительно, меры времени относительны, как и все придуманное людьми: жители Южной Америки пользовались календарем майя, тогда как египтяне, китайцы, индийцы, иудеи имели другие системы отсчета; европейцы жили по Юлианскому и Григорианскому календарю, но деятели Великой Французской революции в знак своей победы ввели особый календарь...

Французский ученый конца XIX в. Мари Жан Гюйо называл прошедшее осколком пространства, перенесенным внутрь нас. Время, утверждал он, принадлежит этому пространству:

---

¹⁹⁹ Чусовитин П. Мой поэт // Звать меня Кузнецов. Я один ... М., 2013. С. 296.

Образы, которые даются нам воспоминанием <...> образуют ряд, в котором одни члены не могут быть заменены другими <...> нельзя переместить вправо то, что находится слева, а вперед то, что находится позади <...> вспоминать – значит различать одно прошлое ощущение от другого <...> различать все прошлые ощущения от настоящих ощущений²⁰⁰.

Подобные концепции подменяют объективное субъективным. А субъективность порождает утопизм.

Время не властно над архаической картиной мира, где центровка всех данностей устойчива: светила ходят по небесной тверди, а Древо Жизни стоит. Расцвет его кроны неразлучен с полднем (золотой век), угасание естественных энергий человеческого бытия ассоциируется с ночью.

Миф не знает смерти. В нем жизнь мира мертвых лишена солнечного света и этим аналогична подлунной фазе земного бытия. Соответствующий комплекс представлений в мифе русской национальной культуры Нового времени реализован через бинарное понятие с несимметричным смысловым наполнением категории век. Одна часть оппозиции, золотой век, объемлет исторический промежуток 104 года («от Пушкина до Чехова», 1799–1904); другая, Серебряный век – примерно 30 лет (от последнего десятилетия XIX в. до второго десятилетия XX в.). Так маркированы состояние общенародного бытия в пору, когда культура плодоносила как цветущий здоровый организм, и состояние на изломанном отрезке развития, завершившемся революционным взрывом.

Антиномия золотой век / Серебряный век мерой времени не является, хотя череда событий, вмещенных в данные отрезки истории страны, задокументирована, хронологически выстроена. По сути, две важнейшие

---

²⁰⁰ Цитируем по: Демидов В. Время – дитя воспоминаний // Журнал о часах. URL: https://oclock.info/library/book/demidov/nt_vh006.shtml (дата обращения 06.02.2024).

категории национального культурного самосознания реализуют представление о солнечной / подлунной фазах жизни Мифа. Обе категории устоялись в ретроспективной оценке, когда несходство наследия XIX столетия с наследием мятежного рубежа веков стало очевидным для потомков. Характеризовать рубеж столетий как Серебряный век отечественной культуры стали спустя несколько десятилетий после того как катаклизм отсек от «России XX века» «старую» Россию. В пору 1920–1930-х это трактовали в контексте Русского авангарда – модернизационного процесса, вдохновляемого идеей грядущего триумфа Страны Советов, всплеска и пробуждения энергии масс.

Вопреки утверждениям соперников, что Россия – колосс на глиняных ногах, опоры российской цивилизации оказались способны выдержать испытание катаклизмами гражданской, Первой и Второй мировой войн. Семья народов росла и крепла через сплоченность культур огромной географической территории. Стартовые позиции этносов при подключении к сдвигам модернистского столетия были различны, отдельным народам предстояло шагнуть на ступень общенациональной жизни со ступени родоплеменной, получить свою письменность, зафиксировать устное народное предание, создать свой литературный язык.

Сегодня 193 народа России используют более 270 языков и диалектов. Национальные эпосы влились в массив культурного достояния страны, переведенные на русский язык и языки братских народов. И это тоже результат самостоянья нации²⁰¹ как монолита духовных связей, не подто-

---

²⁰¹Об этом см. в наших публикациях: Трансляция и кросскультурное освоение памятников устного народного эпоса как школа гражданской зрелости // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: Сб. ст. по итогам VII междунар. науч. форума. М., 2023. С. 35–45; Классика отечественного искусства – актуальный ресурс взаимопонимания народов // Консолидирующий потенциал российского общества в условиях современных вызовов: Материалы

ченных ржавчиной индивидуализма. Эпический компонент плодотворно влиял на персональные мифы лучших поэтов, обогащая классический фонд отечественной и мировой литературы. Однако весь полувековой период мирной послевоенной жизни был напряженным противоборством в технике и технологиях, экономическим соревнованием социализма с капитализмом. На это тратили столько сил и средств... Повсеместный триггер омассовления – электронная переработка информации – все более проявлял себя как фактор, мешающий укоротить тень заката культуры.

Ратуя за поворот от европейского миропонимания к миропониманию русскому, Кузнецов стремился удерживать родную землю на солнечной стороне мифобытия. Динамика пейзажа в стихотворении 1979 г., обращенном к Вадиму Кожинову, зримо передает собирание пространства в русский узел. Гигантская тень укорачивается: Восток вместе с утренним светом возвращает ее на место, чтобы полоса затмения не заслоняла собою весь видимый мир.

Повернувшись на Запад спиной,
К заходящему солнцу славянства,
Ты стоял на стене крепостной,
И гигантская тень пред тобой
Убегала в иные пространства.
Обнимая незримую высь,
Через камни и щели Востока
Пролегла твоя русская мысль.
Не жалея, что она одинока!

всерос. науч.-практ. конф. Майкоп, 2023. С. 110–120; Беседы с Николаем Санджиевым как глубинное интервью о задачах и возможностях художественных переводов // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: Сб. ст. по итогам VIII междунар. науч. форума. М., 2023. С. 250–259; Творческий диалог Нальбия Куёка и Юрия Кузнецова: национальное, народное, гражданственное // Наследие веков. 2023. № 3. С. 27–41.

Свои слёзы оставь на потом,
Ты сегодня поверил глубоко,
Что завяжутся русским узлом
Эти кручи и бездны Востока.
Может быть, этот час недалёк!
Ты стоишь перед самым ответом.
И уже возвращает Восток
Тень твою вместе с утренним светом.

Из работ Вадима Валериановича Кожина (1930–2001), которые очень советуем прочитать²⁰², как и книги Юрия Ивановича Селезнёва (1939–1984)²⁰³, дадим один только пример. Кожин писал в статье «И назовет меня всяк сущий в ней язык...»:

Иларион дал совершенно особенное понимание сущности христианства: Благодать (и одновременно – “истина”) состоит в том, что христианство обращено в равной мере ко всем народам. Это как раз и означает, что Благодать, в отличие от закона, не навязана с необходимостью тому или иному народу (который предстает, следовательно, как “раб” своего закона), но являет собой свободно, вольно принимаемый каждым народом дар (то есть Благодать в подлинном смысле этого слова)²⁰⁴.

Трагический пафос сборника «Русский узел» (1983) подчеркивали иллюстрации, выполненные художником Юрием Селивёрстовым. Раздел лирики в нем завершился стихотворением «Поэт и другие», по форме аналогичным «Разговору поэта с книгопродавцем» А. С. Пушкина: то и другое – своего рода интермедии, сценки в стихах.

---

²⁰² Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура. М., 2012; Кожин В. В. Победы и беды России. М., 2017 и др.

²⁰³ Селезнёв Ю. И. В мире Достоевского. М., 1980; Селезнёв Ю. И. Златая цепь. М., 1985 и др.

²⁰⁴ Кожин В. В. И назовет меня всяк сущий в ней язык // Россия как цивилизация и культура ... С. 143–194.

Пушкин сопровождал стихотворной сценкой «Разговор поэта с книгопродавцем» выпущенную в 1925 г. книжку первых глав «Евгения Онегина», Кузнецов для сборника «Русский узел» написал в 1983 г. сценку о том, как «непоэтам» не удалось ворваться в его дом. Интермедия комична тем, как героиня (жена поэта) разоблачает ложь незваных гостей. Незнакомая с их интеллектуальными изысками женщина в споре честна, простодушна. Ее ответы без малейшей доли иронии и риторических ухищрений напоял разят любые хитрости и уловки столпивших у порога дома пришельцев. Они выкрикивают свои претензии к поэту, пытаются критиковать «бабий ум, набитый вздором», но так и уходят ни с чем.

ЖЕНА ПОЭТА
Зачем пришли?

ДРУГИЕ
Его увидеть,
Чтобы сильнее возненавидеть

ЖЕНА ПОЭТА
За что, помилуйте?

ДРУГИЕ
За то,
Что он поэт, а мы никто;
Что он жесток, что он развратен,
Необъясним и непонятен,
Что он чужак в родной культуре,
А в мировой литературе
Он – вор.

ЖЕНА ПОЭТА
И Прометей был вором.

ДРУГИЕ
Вот бабий ум, набитый вздором!
Проснись, Эсхил! Повозку слёз
Вор у тебя увел.

ЖЕНА ПОЭТА
Так что ж!
Она полна его слезами.
А не чужими. Впрочем, сами
Вы это знаете.

ДРУГИЕ
Мы знаем,
Но знать об этом не желаем.
Он у Платонова украл
Чинару с горными камнями.

ЖЕНА ПОЭТА
На золотой горе с богами
Не в эти камни он играл.

ДРУГИЕ
Он не в ту степь смотрит давно,
Как между нами решено...
А жаль, что пушкинский «Пророк»
Не преподал ему урока!

ЖЕНА ПОЭТА
Плевать хотел он на пророка!

ДРУГИЕ
На Пушкина?

ЖЕНА ПОЭТА
Какой попрёк!
Подите вон!

Как видим, жена гонит за порог дома недовольных критиков, захлопывает дверь перед полным обид и негатива ором разоблачителей.

«В стихах может разобраться только тот, кто полюбил эти стихи. А тот, кто не любит, недоброжелательно к ним относится, он просто не понимает поэта», – говорил Юрий Кузнецов.

Сопrotивление нападкам «непоэтов» – защита не самого себя: «Древо жизни умирает стоя, / Но стоит

и мне стоять велит». За этими словами Кузнецова (эхом строк «Самостоянье человека – залог величия его») слышна и пушкинская реплика о сентенции Лафонтена²⁰⁵ «Мои правнуки будут мне обязаны этой сенью!» («Mes arrière-neveux me devront cet omrage!»):

Бескорыстная мысль, что внуки будут уважены за имя, нами им переданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца? [Пушкин, т. 6, с. 20].

Мораль басни Жана Лафонтена «Старик и трое молодых» мы приведем в переводе Ивана Андреевича Крылова:

А если оттого, что делать начинаю,
Не мне лишь одному я пользы ожидаю,
То, признаюсь,
За труд такой еще охотнее берусь.
Кто добр, не все лишь для себя трудится.
Сажая деревцо, и тем я веселюсь,
Что если от него сам тени не дождусь,
То внук мой некогда сей тенью насладится...²⁰⁶

В том, что принцип отечественного домостроительства культуры («Кто добр, не все лишь для себя трудится») ценили и поддерживали все зрелые представители русской образованности XIX в., нет заслуги отдельных личностей. Это традиция семей – Елагиных, Тургеневых, Муравьевых, Щербатовых, Вяземских, Карамзиных, Пушкиных, Языковых, Майковых... Ценя старомосковский уклад в быту и устои православной веры, их отпрыски помнили о службе отцов-праотцев отечеству, умели живо сочетать ученость с поэзией.

Щедрая и даровитая образованная дворянская среда выдвинула в XVIII столетии деятелей культуры и просвещения, одаренных талантами в искусстве,

---

²⁰⁵ Жан де Лафонтен (1621–1695) – французский баснописец.

²⁰⁶ Крылов И. А. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М., 1946. С. 73–74.

в государственном строительстве, науках и политике, в доблестной защите страны. Александр Васильевич Суворов писал стихи, Денис Иванович Фонвизин был дипломатом, баснописец Иван Иванович Дмитриев – министром, поэт Гаврила Романович Державин – губернатором Олонецкого края. Иван Андреевич Крылов более 20 лет прослужил хранителем Русского отдела книг Императорской публичной библиотеки. Николай Иванович Карамзин 22 года исполнял обязанности придворного историографа.

Всестороннюю одаренность проявили и их преемники. Петр Андреевич Вяземский в 1820-х гг. служил в польском дипломатическом посольстве, затем отдал 13 лет жизни организации внешней торговли Российского государства как вице-директор департамента и управляющий Государственного заемного банка, а в 1850-х гг. был ключевой фигурой в Министерстве народного просвещения.

Просвещенные начинания объединили когорту отечественных мыслителей, писателей, педагогов, ученых XIX столетия, для которых национальное означало народное. Распространением такой установки в обществе мы обязаны самобытной русской школе в искусстве и гуманитарном знании.

Назовем три главных составляющих наследия золотого века русской национальной культуры Нового времени: – классика русской историографии (Николай Михайлович Карамзин вступил в должность придворного историографа в 1804 г.²⁰⁷, в 1816–1818 гг. вышло первое, тогда еще 8-томное, издание «Истории государства Российского»), Карамзин продолжал писать и в послед-

---

²⁰⁷ Французский Сенат 18 мая 1804 г. принял конституцию, провозгласившую императором Наполеона.

ние дни жизни весной 1826 г. работал над 12-м томом);
– модель журнала русского («Литературная газета» 1830–1831 гг. и «Современник» 1836–1837 гг. как начало просвещенной реформы журналистики)²⁰⁸;

– отечественный тип образованности (смиренно-личностные жизненные установки, опора на эпическое миропонимание, освоение классических образцов русского литературного языка).

Чтобы сегодня вернуться к этому наследию, необходим незападный тип образованности, воспитываемый с опорой на фольклорно-поэтический фонд, памятники древности и классику национального искусства.

Надо учитывать, что язык общения образованных людей, в силу исторической изменчивости, далеко не всегда способствует гармоничному развитию устной (У) и письменной (П) словесности.

На Руси, где языком религии был церковно-славянский (язык южной ветви славян, живших на территории нынешней Македонии), книжная образованность наследовалась по греческой ветви христианского вероисповедания. Православная книжность (в Средневековье образованность называли книжностью) полноценно транслировала невербальный компонент культурно-языковых и жизненных практик. В Европе все складывалось иначе. Воспитанная под ферулой латинской схоластики феодальная знать подражала античным патрициям; орудие ее господства, римская риторическая школа (П>У) была чужда и эллинистической классике (Горацию, Вергилию, Овидию, Сенеке, опиравшимся на греческие образцы), и фольклорному

---

²⁰⁸ Третьякова Е. Ю. Пушкинская модель журналистики: структура, культурологическая стратегия и практика просвещенных реформ печати: Дис. ... докт. филол. наук. 10.01.10 – Журналистика. [Защищена в Воронеж. гос. ун-те]. Краснодар, 2010.

фонду поэзии европейских народов²⁰⁹. Классическую культурно-языковую традицию не переняли даже итальянцы – потомки жителей области Лациум, где расположен Рим: утратив живой народ-носитель, ученая латынь стала мертвым сугубо книжным языком.

Всплеск в развитии ряда национальных языков (эпоха Возрождения) был краткосрочным вследствие кризиса религиозной веры. Ренессансную концепцию гуманизма, рассчитанную на титанов, деятели «республики писем»²¹⁰ подменили ставкой на рацию.

Образованность, не обеспечивающая зрелость ума, тиражирует схоластов, а не сократов. Латинское слово *республика* (*res publica*, калька др.-греч *res populi* – «вещь народная») у деятелей европейского Просвещения имело смысл отнюдь не народный. Заменяв категорию *populus* («народ») категорией *public* («общественный», «общедоступный»), идеологи прогресса истолковали *res* сугубо материально («дело», «бизнес»), совсем уведя от проблемы народности. Художественные произведения слова при этом попали в разряд *fiction* (англ. «вымысел»), или, по-французски, *belles lettres* («изящная словесность», беллетристика). Отношение к литературе как совести нации сохранялось лишь в культуре русской. Ее литературоцентризм в XIX столетии (аналог религиозного центризма православной книжности Средневековья) дал ближайший к нам по времени пик подъема в тысячелетнем развитии Российской цивилизации.

---

²⁰⁹ Вероисповедное знание Средневековья удерживало Истину в мире через отклик в нравственном чувстве «молчащего большинства» (см.: А. Я. Гуревич «Категории средневековой культуры», 1984). Но так как литургию вели на латыни – книжном языке католицизма, стала неизбежна утеря связи с архаикой племенных преданий. Эпическое начало древней мифологии кельтов, германцев, англо-саксов уже не передавалось, не воспринималось носителями языков.

²¹⁰ Республикой писем называли пространство учености европейские журналисты XVIII в.; западные культурологи XX в. стали называть его Галактикой Гутенберга.

Пушкинский золотой век – феномен Нового времени. Но не только XIX столетие было золотым веком на пути русской культуры. От прежних эпох (IX, XII, XVI вв.) мы также наследуем нечто общее с этим феноменом, помогающее преодолеть роковые испытания, активизируя имманентные силы народного бытия. «Наведение энергии» (гравитация) русского Мифа противостоит энтропии, распылению сил жизни.

Что такое гравитация? Наука не нашла полного ответа на этот вопрос. Универсально явленное во Вселенной взаимодействие тел, обладающих массой, пифагорейцы трактовали как «музыку сфер». Новое время дало прозаические объяснения («небесная механика» Лапласа, теория Ньютона); новейшее добавило теорию Эйнштейна-Картана, квантовую теорию (теория струн и проч.). Гравитацией стихийно выстроен высший лад макромира – гармония Космоса.

Признавая, что такой лад присущ стихам Пушкина, Кольцова, Юрий Кузнецов говорил:

...Лад великолепен, но он ушёл, и его не возродить. Ну, не возродить, и всё! А миф остался, его труднее выветрить, и пока есть миф, есть и народ. Мифом и надо писать, я так и пишу²¹¹.

Исследования вещества на микроуровне выявили, что строение микрокосма подчинено тем же гармоническим законам.

Тем, что мы сохранили опору общенационального развития на ген (матрицу развития этносов), Россия обязана тысячелетней живой связи с архаическим Мифом. Эпическая стихия едина в языковых практиках разных этносов (воспроизводстве фонда письменной / устной словесности по формуле У>П). Вероисповедное знание,

---

²¹¹ Эти слова запомнил и передал литературовед С. А. Небольсин. Опубликовано высказывание в эссе Валерия Михайлова «Крестный путь Юрия Кузнецова» (Мир мой неуютный ... М., 2007. С. 167.)

восприятие мира сквозь кристалл христианской духовности, прямая экзегеза Евангельского смысла играют стержневую роль в имманентных процессах, активность которых в момент экзистенциального выбора стихийно отсеивает зерна от плевел.

Сегодня «русскую школу» образованности имеет смысл позиционировать как:

- школу эпического мышления, соприродного стихийной жизни этнических языков;

- фактор, обеспечивающий нормальное развитие психофизики человека и устойчивую преемственную передачу из поколения в поколение качественного культурного достояния народов;

- поддержку классического культурного опыта Древней Греции и раннехристианской философии (православие) в духовно-жизненных практиках²¹²;

- подтверждение на практике фундаментальных наработок античной и классической немецкой философии (теория палингенезиса – Платон, И. Гердер; учение об имманентном единстве органично развитых языков – В. Гумбольдт);

- опыт, имевший место в отечественной истории и полезный для выработки онтологически выверенной проекции прошлого в будущее.

Когда потомки при оглядке назад, на дедов-прадедов, ощущают слияние персональных мифов множества участников национальной жизни в единое целое, сохраняется зеркальное подобие Кроны Древа Жизни его Корням. Таков положенный самой природой стихийный закон устойчивости бытия. Незыблемость этого закона

---

²¹² Лоно православной философии сохранило целостную поддержку единства идеальных сущностей в симфонии мироздания (συμφωνία – `созвучие, стройное звучание, стройность`). В судьбах православия на землях восточных славян многократно подтверждена верность платоновского учения о палингенезисе – возможности перенять ген (от греч. γένος – `рождение`) бытия, отвечая на экзистенциальные испытания полноценным воспроизводством самоидентичности народа в его движении сквозь века и тысячелетия.

хранит гений языка – нематериальный, тысячелетиями передаваемый из века в век оплот (универсалия) устойчивого самовоспроизводства культуры народа. Верховенство этой сакральной данности провидят, им руководствуются в творчестве и жизни национальные поэты-гении.

Аварский поэт Магомед Ахмедов, слышавший от Расула Гамзатова, что гений – человек, который каждый день беседует с Богом, считал такую характеристику абсолютно верной по отношению к Юрию Кузнецову²¹³. Миссию поэта люди восточной ментальности поясняют точнее, чем люди ментальности западной, поскольку духовным практикам Востока свойственно отсутствие эгоцентризма.

Мельница западных практик смолола культурный фон второй половины XX столетия в песок, колеблемый подвижными наплывами волн. Таков пейзаж морского побережья в поэме-фантастической о встрече современного человека с красотой («Афродита», 1978):

Брызги с моря. Забытые виды.
Остановишься в темной тоске.
Все следы, даже старые, смыты,
Гаснет пена на мокром песке...

Старые следы не вернешь, если разбрасывать камни, «хватать дым от огня» и твердить «Вот песчинка четвертого Рима».

Четвертому Риму не бывать: в испытании, через которое сейчас проходим, от гибели защитит концентрация сил общенародных – взаимодействие поколений, готовых совершить акт палингенезиса. То есть полноценный расцвет национальной культуры, возвращающий зеркальное подобие Кроны Древа Жизни его Корням.

---

²¹³ Ахмедов М. «Моя поэзия – вопрос грешника» // Мир мой неудобный ... С. 32.

Ближайший к нам пример расцвета – золотой век русской национальной культуры Нового времени в XIX столетии – детально запечатлен во всех аспектах необходимых культурных практик (совершенный литературный язык, модель информационно-коммуникативного пространства, историософия, тип образованности). Но почерпнуть из этого целостную систему ориентиров можно лишь при условии, что трактовка категорий *гений*, *народность*, *державность* не будет зависеть от нарративов чуждых, враждебных, требующих отмены Российской цивилизации как таковой.

То, что культурное самостоянье дается людям через «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам», абсолютно верно уловил и передал Александр Сергеевич Пушкин. Зеркальность этих опор, сказал он, от века – по воле Бога самого – есть пища сердца и залог полномерного развития (самостоянья и величия человека).

«Народность в писателе есть достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками», – записал поэт в середине 1820-х гг. Затворник Михайловского по присылаемым ему журналам видел, что у критиков вошло в обыкновение «говорить о народности, требовать народности, жаловаться на отсутствие народности в произведениях литературы, но никто не думал определить, что разумеет он под словом народность» [Пушкин, т. 6, с. 267].

Исключительно важная роль персонального мифа Пушкина и персонального мифа Кузнецова состоит в том, что оба поэта решились на предельно честную по отношению к себе и к нам проверку вопроса: обеспечена ли национальной словесностью устойчивая передача ментальных опор народного бытия из поколения в поколение?

В первой трети XIX столетия целостная проверка

была столь же уникальна, как и в настоящий момент. Понимавший это критик Иван Киреевский назвал начатый в 1820–1830-х гг. этап развития литературы собственно русским (русско-пушкинским). В XXI столетии правомерно говорить об этапе русско-кузнецовском. Вызовом пушкинской эпохи был крах идей европейского Просвещения, сегодня – крах модернизма. Целостным решением задачи сфокусировать русского человека в слове Кузнецов назвал сосредоточение ментальности, которая спасет нас при экзистенциальном испытании.

Выстроив поэтическую вселенную по законам Мифа, Юрий Кузнецов задействовал живую стихию архаического мифомышления и как православный христианин сказал о точке концентрации нетварного Божественного начала: «Не засекали ее радары мира, / Не расклевало злое воронье, / Все пули мира пролетали мимо, / И только взгляд мой западал в нее».

Рожден в сорочке – присказка о тех, кому везет. Но и обобранный до нитки, растерявший чужое и свое герой стихотворения «Невидимая точка» (2001) не заплутал в лабиринтах «кажущегося»:

И был мне голос. Он как гром раздался:

– Войди в огонь! Не бойся ничего!

– А что же с миром?

– Он тебе казался.

Меня ты созерцал, а не его...

И я вошёл в огонь, и я восславил
Того, Кто был всегда передо мной.

А пепел свой я навсегда оставил
Скитаться между солнцем и луной.

Юрий Кузнецов сделал все возможное и необходимое, чтобы его соотечественники в XXI столетии шли навстречу жизни, а не погибли – и оставили позади век железный, выйдя к веку золотому.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Книги – одно из самых верных средств понять друг друга и не расставаться с тем, что дорого душе. С мыслью об этом возвращаюсь к прерванной на год работе над книгой «Наследникам Пушкина». Как видел наш читатель, мы не расставались с пушкинским началом отечественной классики ни в одной из глав книги «Юрий Кузнецов: Русский путь». Это помогало держать связь с эпицентром живого пульса, не терять «невидимую точку» в наличном ареале культурного бытия.

Николай Васильевич Гоголь предсказывал: Пушкин – русский человек в его развитии, которое явится через 200 лет. Сбудется ли пророчество? Справимся ли с задачей воскресить в потомстве поистине великое житнетворное наследие нашей родной культуры? Как и для читавших первое издание начальных глав романа «Евгений Онегин» соотечественников, перспектива золотого века на русском пути вполне реальна и для нас.

В рамках позитивизма этот путь исключен. Сделать его реальным позволяют принципы русской гуманитарной школы, с ее установками на целостность семейных, общественных, государственных аспектов домостроительства культуры. Такова система ориентиров, которая поможет всем в нашей стране понять и на практике осуществить стратегию народосбережения.

Приведем краткий список трудов, которые, мы полагаем, наиболее важны для освоения русской школы гуманитарной мысли:

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М.: Совр. писатель, 1995.

Буслаев Ф. И. О литературе: Исследования. Статьи. М.: Худ. лит., 1990. – 547 с.

Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. – 648 с.

Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Л.: Сов. писатель, 1979. – 244 с.

Гинзбург Л. Я. Школа гармонической точности // Гинзбург Л. Я. О лирике. Л.: Сов. писатель, 1974. С. 19–50.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. – 574 с.

Киреевский И. В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979 – 439 с.

Кожин В. В. Победы и беды России. М.: Алисторус, 2017. – 480 с.

Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2012. – 1072 с.

Потебня А. А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.

Святополк-Мирский Д. П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск, Изд-во Свиньин и сыновья, 2007. – 872 с.

Селезнёв Ю. И. В мире Достоевского. М.: Современник, 1980. – 376 с.

Селезнёв Ю. И. Златая цепь. М.: Современник, 1985. – 415 с.

Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Наука, 1978. – 605 с.

Хомяков А. С. О старом и новом. М.: Современник, 1988. – 461 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анкудинов К. Золотая стрела Аполлона // Ю. П. Кузнецов. Стихотворения. М.: Эксмо, 2011. С. 5–34.
2. Анкудинов К. Меченый атом // Звать меня Кузнецов, я один: Воспоминания. Статьи о творчестве. Оценки современников. М.: Лит. Россия, 2013. С. 5–11.
3. Анкудинов К. Напролом. Размышления о поэзии Юрия Кузнецова // Новый мир. 2005. № 2. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2005/2/naprolom.html (дата обращения 27.01.2024).
4. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М.: Совр. писатель, 1995.
5. Ахмедов М. «Моя поэзия – вопрос грешника» // Мир мой неуютный: Воспоминания о Юрии Кузнецове. М.: Лит. Россия, 2007. С. 32–39.
6. Буслаев Ф. И. О литературе: Исследования. Статьи. М.: Худ. лит., 1990. – 574 с.
7. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. – 648 с.
8. Гарднер К. Между Востоком и Западом: Возрождение даров русской православной философии // Благова Т. И. Родоначалники славянофильства. А. С. Хомяков. И. В. Киреевский: М.: Высш. шк., 1995. С. 340–351.
9. Гах М. В. Воспоминания о Ю. П. Кузнецове // Юрий Кузнецов и литературный процесс: Сб. материалов по итогам конф. Краснодар: Книга, 2019. С. 223–255.
10. Гинзбург Л. Я. О лирике. Л.: Сов. писатель, 1974. – 407 с.
11. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Л.: Сов. писатель, 1979. – 244 с.
12. Гонцов С. Каменщик был и король я // Литературная Россия. 2011 № 6, 23.02.2015. URL: <https://litrossia.ru/> (дата обращения 14.01.2024).
13. Горский Валерий Леонидович // Централизованная библиотечная система города Тихорецка. URL: <http://>

bibliotih.ru/index.php/kraevedenie/pisatelikubani/178-gorskij-valerij-leonidovich.html (дата обращения 27.01.2024).

14. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. – 574 с.

15. Демидов В. Время – дитя воспоминаний // Журнал о часах. URL:https://oclock.info/library/book/demidov/nt_vh006.shtml (дата обращения 06.02.2024).

16. Дмитриев Г. П. «Тот, кому дано играть на лире» // Юрий Кузнецов и Россия: Материалы IV ежегодн. конф., посв. творч. наследию Ю. П. Кузнецова (17–18 февр. 2010 г.). М.: Изд-во ИМЛИ, 2011. С. 25–32.

17. Жилин В. М. Краснодарская разноголосица, или Как упоительна жизнь: Кн. прозы. Туапсе: Книжн. дом, 2016. – 168 с.

18. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

19. Киреевский И. В. Нечто о характере поэзии Пушкина // Киреевский И. В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. С. 43–55.

20. Киреевский И. В. Обзорение русской словесности за 1829 год // Киреевский И. В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. С. 55–78.

21. Киреевский И. В. О необходимости и возможности новых начал для философии // Благова Т. И. Родоначальники славянофильства. А. С. Хомяков. И. В. Киреевский: М.: Высш. шк., 1995. С. 267–301.

22. Кожинов В. В. Победы и беды России. М.: Алисторус, 2017. – 480 с.

23. Кожинов В. В. Россия как цивилизация и культура. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2012. – 1072 с.

24. Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына. Фонд ПМ-5371 (Юрий Поликарпович Кузнецов).

25. Крылов И. А. Сочинения: В 3 т. М.: Худ. лит., 1946.

26. Кузнецов Ю. П. Крестный ход: Стихотворения и

поэмы. М.: СОВА, 2006. – 640 с.

27. Кузнецов Ю. П. Лихорадка судьбы [Подборка стихотворений и писем] // Родная Кубань. 2011. № 1. С. 114–120.

28. Кузнецов Ю. П. О воле к Пушкину // Альманах «Поэзия-1981». М.: Сов. писатель, 1982. С. 99–101.

29. Кузнецов Ю. П. Письмо в Тихорецк // Мир мой уютный: Воспоминания о Юрии Кузнецове. М.: Лит. Россия, 2008. С. 276–279.

30. Кузнецов Ю. П. Река имён и лиц: Сб. стихотворений. М.: Наш современник, 2024. – 83 с.

31. Кузнецов Ю. П. «Рожденный в феврале, под Водолеем...» // Кузнецов Ю. П. Стихи. М: Сов. Россия, 1978. С. 5–8.

32. Кузнецов Ю. П. Слово о друге юности // Горский В. Л. Поднебном восхода: Лирика. Краснодар: Кн. изд-во, 1989. С. 5–10.

33. Кузнецов Ю. П. Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1990. – 352 с.

34. Кузнецов Ю. П. Стихотворения и поэмы: В 5 т. М.: Лит. Россия, 2011–2013.

35. Кузнецов Ю. П. Тропы вечных тем: Проза поэта. М.: Лит. Россия, 2015. 720 с.

36. Кузнецов Ю. П. Юбилейное. М.: Воениздат, 2011. – 79 с.

37. Куняев С. Под маской сверхчеловека [Интервью М. Струковой] // Газета Поэзия. 14.11.2013. URL: https://www.ng.ru/poetry/2013-11-14/6_strukova.html?id_user=Y (дата обращения 12.05.2024).

38. Кушнир Л. П. Семья поэта. Коломна: Серебро слов, 2021. – 256 с.

39. Ламосова Н. В. «Я точно знаю, что не буду старым...» (к 80-летию со дня рождения Валерия Горского) // Краснодар литературный. 2021. № 4. С. 5–6.

40. Ламосова Н. В., Лексина А. В. «Ни рано, ни поздно»: освоение философско-художественного наследия поэта Ю. П. Кузнецова // Наследие веков. 2021. № 4. С. 15–34.

41. Ламосова Н. В., Третьякова Е. Ю. Материалы Юрия Кузнецова в фондах Литмузея Кубани // Литературная

газета онлайн. URL: <https://lgz.ru/online/materialy-yuriya-kuznetsova-v-fondakh-literaturnogo-muzeya-kubani/> (дата обращения 10.12.21).

42. Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.

43. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М., Политиздат, 1991. – 320 с.

44. Лосев А. Ф. Философия имени. М.: Изд-во МГУ, 1990. – 269 с.

45. Лосева Н. В. Мать поэта // Подъем: Ежемесячный литературный журнал. 03.12.2020. URL: <https://podiemvrn.ru/mat-rojeta> (дата обращения 05.05.2024).

46. Лугинов Н. А. Время перемен: Роман в повестях. Якутск: Изд. дом СВФУ, 2018.

47. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника Центр, 2003. – 206 с.

48. Мир мой неуютный: Воспоминания о Юрии Кузнецове. М.: Лит. Россия, 2007. – 288 с.

49. Неподоба Е. «Неслучайность наша на земле...» // Кубанский писатель. 2016. № 2. С. 2–3.

50. Овчаренко О. А. Юрий Кузнецов: Художественная биография // Русское воскресенье. URL: <http://voskres.ru/literature/library/ovcharenko.htm>. (дата обращения 27.01.2022).

51. Огрызко В. Мрачный одинокий талант // Лит. Россия. 2013. № 35–36, 38. URL: [https:// Litrossya.ru](https://Litrossya.ru) (дата обращения 27.01.2024).

52. Огрызко В. «Нашей молодости раскаты» // ВикиЧтение. Газета День Литературы (2009, 12). URL: [https:// pub.wikireading.ru/161270](https://pub.wikireading.ru/161270) (дата обращения 14.01.2024).

53. Островский А. Н. По случаю открытия памятника Пушкину // Венок на памятник Пушкину. СПб.: Изд-во журн. «Вестник Европы», 1880. С. 39–50.

54. Первые литературные Кузнецовские чтения: Материалы. Краснодар: Изд-во Кубанькино, 2006. – 102 с.

55. Платонов А. П. Проза. М.: Слово, 1999. – 646 с.

56. Поселягин Н. В. О понятии «вторичные моделирующие системы»: Из истории раннего российского структурализма // Вестник РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2010. №1. С. 13–20.

57. Потебня А. А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.

58. Пушкин А. С. О народности в литературе // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. М.-Л. Наука, 1950. С. 267–269.

59. Пушкин А. С. О ничтожестве литературы русской // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. М.-Л.: Наука, 1950. С. 407–414.

60. Пушкин А. С. О Предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова // А. С. Пушкин. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. М.-Л.: Наука, 1950. С. 11–15.

61. Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962.

62. Ретеюм А. «Воздушный замок атомного взрыва»: Готические черты поэзии Юрия Кузнецова // Миф и действительность в творчестве Юрия Кузнецова: Материалы III науч.-практ. конф., посв. творч. наследию Ю. П. Кузнецова, 12–13 февр. 2009 г. М.: Изд-во Моск. отд. СП России, 2009. С. 157–167.

63. Ретеюм А. Сила поэзии Юрия Кузнецова // Юрий Кузнецов и мировая литература: к 70-летию со дня рождения: V ежегодн. междунар. конф., посв. творч. наследию Ю. П. Кузнецова 9–10 февр. 2011 г. М.: Изд-во Моск. отд. СП России, 2012. С. 69–94.

64. Святополк-Мирский Д. П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск, Изд-во Свиньин и сыновья, 2007. – 872 с.

65. Селезнёв Ю. И. В мире Достоевского. М.: Современник, 1980. – 376 с.

66. Селезнёв Ю. И. Златая цепь. М.: Современник, 1985. – 415 с.

67. Слепокуров В. С. Нормативные функции культуры в условиях ускорения социального времени // Наследие веков. 2024. № 3. С. 76–91.

68. Степин В. С., Семигин Г. Ю. Новая философская

энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2010.

69. Страхов Н. Н. Предисловие от издателя // Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб.: Тип. бр. Верейских, 1895. С. 5–7.

70. Супонева Е. Слово и музыка: о воплощении поэзии Ю. Кузнецова в симфонии-концерте «Китеж всплывающий» Г. Дмитриева // «Он стоял перед самым ответом»: Вера и судьба России: Век XX, век XXI: Юрий Кузнецов – поэт и философ: Материалы конф. ИМЛИ и СП России, Москва, 14–15 февр. 2007 г.: В 2 ч. Ч. 1. М.: Изд-во СП России, 2007. С. 128–138.

71. Татаринов А. В. Последние апокрифы Юрия Кузнецова // Первые литературные Кузнецовские чтения: Материалы. Краснодар: Изд-во Кубанькино, 2006, с. 64–73.

72. Творческие семинары Юрия Кузнецова / сост. М. В. Гах. М.: Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2006. – 100 с.

73. Творческие семинары Юрия Кузнецова в Литературном институте им. А. М. Горького / в записи Д. Орлова // Юрий Кузнецов и Россия. М.: Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2011. С. 433–444.

74. Ткаченко П. И. «Славны были наши деды...». М.: ВИТА-ПРЕСС, 2024. – 554 с.

75. Третьякова Е. Ю. Классика отечественного искусства – актуальный ресурс взаимопонимания народов // Консолидирующий потенциал российского общества в условиях современных вызовов: Материалы всерос. науч.-практ. конф. Майкоп: ЭЛИТ, 2023. С. 110–120.

76. Третьякова Е. Ю. Коммуникативное пространство печати: Пушкинская модель. Краснодар: Кубан. гос. ун-т., 2002. – 229 с.

77. Третьякова Е. Ю. Пушкинская модель журналистики: структура, культурологическая стратегия и практика просвещенных реформ печати: Дис. ... докт. филол. наук. 10.01.10 – Журналистика [Защищена

в Воронеж. гос. ун-те]. Краснодар, 2010. – 353 с.

78. Третьякова Е. Ю. Судьба отца-фронтовика и сына-поэта – преемственные звенья единого гражданского пути. Препринт Южного филиала Института Наследия. Сер.: Прикладные исследования. № 011–2021–ARD. Краснодар, 2021. DOI: 10.13140/RG.2.2.24487.88483 (дата обращения 20.08.2021).

79. Третьякова Е. Ю. Творческий потенциал научной интеллигенции Кубани и освоение философско-художественного наследия Ю. П. Кузнецова // История научной интеллигенции Юга России: межрегиональные и международные аспекты. Краснодар: Изд-во Кубанькино, 2008. С. 195–206.

80. Третьякова Е. Ю. Творческий диалог Нальбия Куёка и Юрия Кузнецова: национальное, народное, гражданственное // Наследие веков. 2023. № 3. С. 27–41.

81. Третьякова Е. Ю. Трансляция и кросскультурное освоение памятников устного народного эпоса как школа гражданской зрелости // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: Сб. ст. по итогам VII междунар. науч. форума. М.: Ин-т Наследия, 2023. С. 35–45.

82. Третьякова Е. Ю. Юрий Кузнецов: зрелое новаторство. Краснодар: Изд-во Краснодар. гос. ун-та культуры и искусств, 2013. – 206 с.

83. Тюленев И. Из бесед с поэтом // Кубанский писатель. 2016. №1. С. 1.

84. Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1987. – 629 с.

85. Успенский В. А. Прогулки с Лотманом и вторичное моделирование // Лотмановский сборник. М.: ИЦ-Гарант, 1995. Вып. 1. С. 99–127.

86. Федорченко А. Романтик родимых дорог // Звать меня Кузнецов, я один: Воспоминания. Статьи о творчестве. Оценки современников. М.: Лит. Россия, 2013. С. 77–85.

87. Фёдоров В. В. Близость искажает перспективу // Звать меня Кузнецов. Я один: Воспоминания. Статьи

о творчестве. М.: Лит. Россия, 2013. С. 322–324.

88. Фёдоров В. В. ...Кто он такой? // День поэзии-1990. М.: Сов. писатель, 1991. С. 158–164.

89. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Наука, 1978. – 605 с.

90. Халид Г. Свояк Низами // Звать меня Кузнецов, я один: Воспоминания. Статьи о творчестве. Оценки современников. М.: Лит. Россия, 2013. С. 196–200.

91. Хомяков А. С. О старом и новом. М.: Современник, 1988. – 461 с.

92. Чусовитин П. Мой поэт // Звать меня Кузнецов, я один: Воспоминания. Статьи о творчестве. М.: Лит. Россия, 2013. С. 295–313.

93. Шевченко О. В. Символ в поэзии Юрия Кузнецова // Первые литературные Кузнецовские чтения: Материалы. Краснодар, Изд-во Кубанькино, 2006. С. 83–92.

94. Шпенглер О. Закат Европы: В 2 т. М.: Мысль, 1993.

95. Шувалов Г. В. Юрий Кузнецов и парадокс // Юрий Кузнецов и Россия: IV ежегодн. междунар. конф., посв. творч. наследию Ю. П. Кузнецова. Москва, 17–18 февр. 2010 г. М.: Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2011. С. 33–35.

96. Чумаченко В. К. «В своей судьбе мы не вольны...» // Неподоба В. П. Избранная лирика. Краснодар: Сов. Кубань, 2011. С. 3–12.

97. Юрий Кузнецов – символ поэтической Вселенной (11.02.1941–17.11.2003) // Памятники Краснодара URL: <https://www.neklub.kubannet.ru/> (дата обращения 12.12.20024).

СОДЕРЖАНИЕ

Об этой книге.....	5
Глава I. Малая родина поэта	15
Материалы Ю. П. Кузнецова на выставке «Рожденные в 41-м»(Литературный музей Кубани)....	20
За строками писем.....	30
Две краснодарские находки ранних стихов Юрия Кузнецова.....	57
Глава II. Зрелое новаторство.....	95
Ничто не исчезает.....	107
Прозрачность и прозрение.....	126
К спорам о поэме «Путь Христа».....	145
Птицы, деревья, люди.....	162
Дуб и омела.....	173
Глава III. Русский Миф – поэт.....	191
О воде мертвой и воде живой.....	197
Поэт с резко выраженным мифическим сознанием.....	210
«Божья искра и есть дар поэзии».....	224
Гений – парадоксов друг.....	241
Веселое богатырство.....	255
Глава IV. Поймут потомки.....	279
«Двадцать первый век за тобой».....	283
Путь к поэту.....	299
О веке золотом.....	326
Вместо заключения.....	342
Список источников и литературы.....	344

Научное издание

Третьякова Елена Юрьевна

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ: РУССКИЙ ПУТЬ

монография

Художественное оформление: А. Г. Тараненко
Верстка макета: Е. А. Видановой

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, д. 2
e-mail: info@heritage-institute.ru

Отпечатано в типографии ООО «Митра»
350072, г. Краснодар, ул. Стасова, 182/1
тел: +7 (989) 8080125, e-mail: mitra-print@mail.ru, сайт: mitra-print.ru

Подписано в печать 08.12.2025
Формат 60x84 1/16. Гарнитура Literata
Печать офсетная. Тираж 500 экз.
Усл. печ. л. 20,46
Заказ № 254804

Доктор филологических наук

Елена Юрьевна Третьякова –

автор книг и статей о Пушкине, Кольцове,

Достоевском, Чехове, Кузнецове,

а также ряда учебных пособий филологического и
культурологического профиля,

ведущий научный сотрудник

Южного филиала Института Наследия.